

ЭММА МАРС

ФРАНЦУЗСКАЯ ТРИЛОГИЯ

СПАЛЬНЯ, В КОТОРОЙ
ТЫ, ОН И Я

EMMA MARS
HOTELLES. CHAMBRE UN

18+

ПЕРВЫЕ ШАГИ К НАСТОЯЩЕМУ ЧУВСТВУ

Эмма Марс
Спальня, в которой ты, он и я
Серия «Французская трилогия», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17195107
Марс, Эмма. Спальня, в которой ты, он и я : [роман]. Издательство «Э»; Москва; 2016
ISBN 978-5-699-86819-3

Аннотация

Анабель Лоран мечтает о работе на телевидении, но это не то место, куда можно попасть без покровителей. Тогда по совету лучшей подруги она идет на рискованный шаг и временно устраивается в эскорт-агентство «Ночные красавицы», где богатые мужчины ищут себе спутниц для светских раутов. Анабель думает, что для нее, пухленькой застенчивой простушки из пригорода Парижа, эта работа совсем не подходит, но когда на одном из вечеров она знакомится с главой влиятельной телекомпании Дэвидом Барле, девушка влюбляется и пытается сблизиться с мужчиной, о котором давно мечтает.

Содержание

Париж, начало июня 2010-го, гостиничный номер, середина дня	5
1	7
2	12
3	19
4	24
5	30
6	37
7	48
8	56
9	68
10	80
11	88
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Эмма Марс

Спальня, в которой ты, он и я

Да, правду говорят: любовь – учитель чудный;

Чем не был никогда – с любовью стать нетрудно.

Жан-Батист Мольер «Школа жен» (действие III, явление V)

Emma Mars

Hotelles. Chambre 1

Copyright © Emma Mars, 2014

© Арикова Г., перевод на русский язык, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э»,

2016

Париж, начало июня 2010-го, гостиничный номер, середина дня

Никогда я не принадлежала к той категории женщин, которые полагают, что все гостиничные номера схожи между собой как две капли воды, что каждый из них – всего лишь безликое пространство, бездушное, лишенное индивидуальности. Своего рода холодные камеры, оформленные в одинаковом стиле, гарантирующие стандартный комфорт на ночь только для того, чтобы их гость мог дожидаться следующего утра. Такие женщины останавливаются в гостинице, утомившись от долгого путешествия, чтобы просто провести ночь в перерыве между двумя рейсами самолета или поспать в ожидании поезда. Если хотите понять, что особенного в каждом гостиничном номере, в чем его уникальность, нужно провести там день, когда все другие номера пусты и в гостинице почти никого нет. Нужно попытаться заставить его открыться, рассказать о своих чувствах, обнажить свою подноготную, чтобы обнаружить следы тех, кто до вас здесь смеялся или плакал, любил или испытывал оргазм. В гостинице, я сама поняла это лишь в последние месяцы, вы получите то, с чем пришли. Если вы, переполненные скукой или меланхолией, сняли номер, чтобы забыться в тяжелом сне, в ответ получите лишь отражение собственной тоски и уныния. Утром вы покинете номер таким же скучным, увы, как и прежде, ничего не изменится.

Но если вы возьмете на себя труд прислушаться к тому, что каждый гостиничный номер готов рассказать, то познакомитесь с тысячей забавных историй и любопытных эпизодов из жизни, услышите тысячи тяжких или страстных вздохов, к которым вам, наверное, захочется добавить и свой. Самые необычные из этих историй витают в окружающем пространстве, вы сможете узнать их, ощутив едва уловимый запах чужих духов, исходящий от шторы или от изголовья кровати, увидев маленькое пятнышко, случайно оставшееся после уборки, или трещинку на зеркале, похожую на чей-то силуэт. Все эти мелочи проникают в ваше сознание, возбуждают его, заставляют пережить свою воображаемую историю, которая может стать реальностью.

Как раз это я намереваюсь сейчас сделать. Я лежу, обнаженная, держась руками за железное изголовье кровати, и собираюсь вписать новые страницы в историю, которая началась не сегодня, а очень давно, еще задолго до меня. Как в большинстве номеров в гостинице под названием «Отель де Шарм»¹, в «Жозефине» на потолке крепилось огромное зеркало. Я принялась пристально разглядывать в нем свое отражение в предвкушении серьезных событий, которые вот-вот должны со мной случиться. Я – Анабель Барле, урожденная Лоран, мне двадцать три, я недавно вышла замуж, а сейчас собираюсь беззаветно отдаться мужчине, который принимает душ в соседней комнате. Кто он? Я пока не знаю. Единственное, в чем я абсолютно уверена, что он – не мой муж, так как если бы он им был, что бы мы здесь делали? В самом деле, с какой стати мы бы здесь очутились?

Мое имя – Анабель, но все зовут меня Эль². Всегда и при любых обстоятельствах. Наверное, потому что Бэль³ мне не слишком подходит. Но, поверьте, Эль – куда хуже. Эль – как будто во мне одной воплотилась суть всех женщин на свете! Будто я олицетворяю собой

¹ У слова «Charmes» – «Шарм» – несколько значений: 1) очарование; 2) прелести, часто – женские прелести; 3) волшебное зелье, чары; 4) раньше так называли публичный дом, где комнаты сдавались проституткам; 5) дерево с раскидистой кроной – граб. Все они, так или иначе, используются автором романа.

² Elle в переводе означает «она», так называется, кстати, знаменитый французский журнал для женщин.

³ Belle – красotka, красавица.

женскую природу, все то, что мужчины ищут в женщине, все их фантазии и желания, чтобы обрушить на меня свою страсть и расплавить во мне стальное начало, из которого сделаны все мужчины.

Ну наконец! Дверь ванной комнаты открывается, чуть поскрипывая, и я несколько раз коротко вскрикиваю, как бы от удивления. Может быть, резковато. Зато создается впечатление, что его появление стало для меня неожиданностью. Незнакомец застывает на месте, не решаясь приблизиться. Я чувствую, как он напрягся, сжав кулаки и затаив дыхание.

– Мадам? Мадам Барле, с вами все нормально, все хорошо?

Голос принадлежит не ему. Он доносится из коридора. Там за меня беспокоятся. Там хотят, чтобы у меня все было в порядке. Мадам здесь – постоянный посетитель, и ее благополучие ценят превыше всего. Мой человек их проинструктировал, он научил их, как себя вести. Ведь он принадлежит к тому типу людей, к советам которых прислушиваются, чьи просьбы принято исполнять.

– Да, да, месье Жак... Не волнуйтесь, все нормально.

Год тому назад, когда я впервые сняла эту комнату, я не была столь избалована вниманием к своей персоне. В то время я даже не была уверена в самой себе. Огромные зеркала посылали мне совсем иное изображение. Хотя мои формы уже обрели полноту и законченность очертаний, округлости стали плавными и очень даже привлекательными, в то время я еще не знала, что такое власть над мужчиной и как ею пользоваться. Я не умела наслаждаться близостью и еще меньше умела быть самой собой.

Что доводит тебя до оргазма, Эль? Точнее, почему я испытываю от этого такое блаженство? Ах, если бы я знала! В самом деле, как назвать то, от чего начинают томиться и плавиться внутренности внизу живота, от чего я млею, не дожидаясь прикосновений, только лишь подумав об этом? Обнаженный мужской торс? Запах мужчины? Вид анонимного пениса рядом со мной? Готового вонзиться в меня? Уже во мне?...

(Рукописные заметки от 05/06/2010, написано моей рукой.)

Нет, еще год тому назад я и не знала, что каждый номер в этой гостинице представляет собой котел с кипящим любовным зельем, где женщина обретает саму себя и научается быть женщиной. В те времена я еще не чувствовала себя законченной пленницей этого места, но, тем не менее, была привязана к нему гораздо больше, чем теперь. Сейчас, вы можете в этом не сомневаться, я – настоящая хозяйка, повелительница, и не только того человека, который, трепеща, стоит там у двери. Он мне безразличен, как и все остальные, но зато я легко, как никогда раньше, могу управлять ходом событий. Год тому назад я была всего лишь самой собой, просто Эль. Как любая другая женщина. Тогда мне еще только предстояло пробудить в себе настоящую женскую сущность...

1

За год до описываемых событий, 3 июня 2009 года, в том же самом гостиничном номере

В тот день голова моя была свободна от всяких мыслей. Свернувшись калачиком, я валялась на смятых простынях в номере Жозефины. Раскрепощенная, но неестественная. Мужчина, который собирался лечь ко мне в постель, был мне почти не знаком, если не считать трех, самое большее четырех часов, проведенных перед этим вместе. Иначе говоря, я не знала о нем практически ничего, не считая семейного положения, толщины его бумажника, ну, еще кое-каких мелочей. Весь вечер накануне, во время его разговора с соседями по столу, я не проронила ни слова. Если я и участвовала в их беседе, то лишь непринужденной полуулыбкой или легким покачиванием головы. Меня пригласили для украшения стола, чем я и занималась весь вечер. Кем он был в этой жизни, чем занимался? Мне было неизвестно. Может быть, банкир? Или менеджер, ловко руководящий импортно-экспортными операциями? А может, кто-то где-то его выбрал почетным президентом чего-то? В любом случае, он производил достойное впечатление и, видимо, внушал уважение своим собеседникам, судя по тому, как почтительно они его слушали.

— У тебя есть какие-то предпочтения, как нам следует расположиться? — спросил он, помогая мне снять легкое белое платье с застежкой-молнией на спине.

Забавно: всего лишь несколько минут назад, склонившись над тарелками с фуа-гра под черничным соусом, мы вежливо называли друг друга на «вы». Но стоило открыть дверь в номер, как тут же, с порога, он перешел на «ты» — неужели обнаженное тело так быстро сближает двух почти незнакомых людей?

— Что-что? — я чуть не поперхнулась газированной водой, едва успев сделать два глотка.

Никогда мужчина, трепещущий от искреннего желания обладать вами, мужчина, от которого вы, волнуясь, ожидаете благоговения и признательности, не станет беспокоиться по поводу каких-то технических условий предстоящего соития. Ваше тело, готовое отдаться, само подскажет ему, как себя вести. Слова тут не нужны. Только музыка любви и созвучие ваших чувств имеют значение.

— Ну, я хочу сказать... Может, есть такие позы, которые тебе неудобны? Или что-то еще, что тебе неприятно?

Я обернулась и внимательно посмотрела на него, разглядывая, как раньше никогда не делала. Он был хорош собой, лет сорока, с легкой сединой, атлетически сложен, наверняка много времени уделяет спорту. В общем, недурен — причина, возможно, главная, почему я оказалась с ним в этом номере. Иначе трудно себе представить, что я согласилась бы продолжить с ним отношения после мучительного ужина, я и так еле-еле дотерпела до конца. Я бы отделалась дежурными словами. Тем не менее за последние восемь месяцев всего лишь в третий раз я согласилась на «продолжение ужина», если следовать принятой терминологии. За восемь месяцев подобного эксперимента, согласитесь, это не так уж много.

Глядя на его растерянность, размышляя о выбранном им способе узнать о моих предпочтениях в постели, пригодном лишь для того, чтобы совсем убить желание, я догадалась, что он — такой же новичок в этом деле, как и я. Может быть даже, я первая в его жизни, кого он выбрал для «продолжения ужина». Подумав так, я не стала задавать ему вопросы, чтобы не разрушить то хрупкое ощущение таинства, которое еще теплилось в наших отношениях.

– Да нет, ничего особенного, – солгала я, улыбнувшись ему, как мне показалось, ободряюще.

– О'кей, – согласился он, успокоившись, и одобрительно покачал головой. – Лучше все-таки, чтобы я знал обо всем заранее.

А я в этот момент думала совсем о другом...

Поза левретки меня смущает, так как это как-то по-скотски. Именно по этой причине я могу заниматься этим только с теми мужчинами, которых я хорошо знаю. В позе левретки я испытываю оргазм чаще, чем в других положениях... как раз потому, что это – по-скотски! Именно по этой причине я мечтаю попробовать так с каким-нибудь незнакомцем, хотелось бы, чтобы его лицо было закрыто маской.

(Написано от руки незнакомым почерком 03/06/2009 и подброшено в мой почтовый ящик в мое отсутствие.)

Я вспомнила о записках, написанных от руки, которые я стала получать спустя несколько недель после того, как нашла у себя маленький блокнот: совершенно пустые странички, скрепленные железной спиралькой и прикрытые серебристой обложкой. Видимо, кто-то, воспользовавшись толкучкой в метро, подложил его ко мне в сумочку. С тех пор эти загадочные записки, написанные незнакомым почерком, постоянно действовали мне на нервы.

«Согласно исследованиям, мужчины принимают думать о сексе примерно девятнадцать раз в день. Женщины – не больше десяти. А вы, сколько раз на дню вы позволяете такого рода фантазиям проникнуть в ваши мысли?»

Прошло несколько дней, прежде чем я обнаружила в почтовом ящике листочек без марки и без почтового штемпеля, но с дырочками по краю, совпадающими с металлическими кольцами спиральки блокнота, подложенного мне в сумочку. Сочинитель этих записок, очевидно, находил особое удовольствие представлять себе, что я думаю, о чем мечтаю. Он писал от первого лица, словно я сама была автором этих строк. Мне следовало, конечно, выбросить в помойку эти каракули, не читая. Я даже подумывала, не заявить ли в полицию о навязчивом преследовании, пусть разберутся. Но любопытство начинающей журналистки возобладало в моем сознании, и я стала старательно собирать записочки по мере их появления, аккуратно складывая их в потайном шкафчике, так как ни минуты не сомневалась в том, что вслед за первой появятся и другие. Тот безликий аноним ни за что бы не остановился, сделав первый шаг...

– Мне будет удобно по-всякому, – ответила я наконец своему клиенту.

В конце концов, он ничуть не хуже тех немногих мужчин, которым я отдавалась после обильных возлияний в паршивых ресторанчиках. Даже если учесть мой самый первый опыт в объятиях Фреда. Пожалуй, на сегодняшний день это – самая настоящая, самая нежная моя история, но и ей не хватало изящества. По правде говоря, в тот вечер, закончившийся страстными объятиями, мы занялись любовью, потому что я просто не устояла, потому что представилась такая возможность, потому что естественный ход событий того вечера требовал подобного завершения, но совсем не потому, что во мне действительно вспыхнула страсть. Так что плохого в том, чтобы придать сегодняшнему свиданию легкий привкус любовной авантюры? Разве я не стою больше, чем кусок пиццы и пара стаканов красного вина?

Этот, по крайней мере, богат, опрятен, строен, прекрасно смотрится в сшитом на заказ костюме, однобортном, с двумя пуговицами, подогнанном по фигуре, с изысканной отделкой. Я не могла не обратить внимания на шелковую подкладку цвета фуксии и борта, отстроченные по краю нитками в цвет пуговиц. Благодаря этому человеку я заработаю сегодня

больше, чем за неделю, стоя у кассы в каком-нибудь заведении быстрого питания или подрабатывая еще где-то.

Короче говоря, я, как могла, старалась убедить себя в том, что все замечательно. Легкое опьянение от шампанского, выпитого за ужином, уже прошло, и мне необходимо было добавить чего-то более возбуждающего, чем пузырьки газировки, исчезающие один за другим в моем бокале.

Вопреки предоставленной ему полной свободе действий, этот благообразный месье Шикарный-костюм накинулся на меня без лишних слов, почти без прелюдии, как измученный миссионер.

Меня всегда поражает неумение людей, с виду вполне приличных, вести любовную игру. Пожалуй, это единственный навык, которому нигде не учат, для этого не существует специальных курсов или частных репетиторов.

– Ну, как? Тебе хорошо? Тебе так не больно?

Ни то ни другое. Абсолютное отсутствие каких-либо эмоций. Такое впечатление, что все мое туловище ниже пупка подвергли глубокой анестезии. Я понимала, что все происходит со мной, с моим телом, я ощущала прикосновения, потом и проникновение, мы занимались вполне реальным сексом, но я не чувствовала себя причастной к происходящему. Тем не менее, обхватив горячими ладонями его ягодичи, я осторожно помогала ему, повторяя движения вверх-вниз, ко мне и обратно, старалась подбодрить:

– Все хорошо, все хорошо.

Недостаток сексуального опыта помешал мне взять на себя инициативу, чего, разумеется, он вправе был от меня ожидать. Может, мне следовало томно вздыхать, извиваться, сопротивляться, шептать ему на ухо непристойные глупости? До какой степени я должна была притворяться? Или это входит в стоимость услуг?

– А тебе хорошо? – все, что я нашла уместным сказать в тот момент, прекрасно понимая, что этого явно недостаточно. В ответ он пробурчал что-то утвердительное хриплым голосом, что предвещало скорое завершение процесса, потом застыл на короткое время, чтобы зафиксировать момент полного наслаждения, но, как деловой человек, вспомнив, что должен завершить начатое, возобновил регулярные движения туда-сюда с точностью швейцарского метронома.

Напрасно я заставляла себя принять участие в процессе, я не ощущала в тот момент ничего: ни смущения, ни неприязни, еще меньше злости. Я машинально ласкала его спину, медленно проводя пальцами вдоль позвоночника до поясницы и ниже, мне искренне хотелось сделать ему приятное. Негромкое, но частое хриплое постанывание служило верным признаком того, что ему нравится.

Честно говоря, эта связь была ничуть не хуже, чем все мои предыдущие упражнения в постели в горизонтальной позиции с другими мужчинами. Видите ли, прелесть занятий сексом, не окрашенных страстью, заключается в том, что у вас есть время оценить по достоинству интерьер помещения. Номера «Отеля де Шарм» стоили того, чтобы обратить на них внимание. Кроме огромного зеркала на потолке – пожалуй, единственная уступка в пользу установившихся в наше время требований к помещениям подобного рода, – вся остальная обстановка комнаты была выдержана строго в духе покоев мадам Богарне, супруги Бонапарта, устроенных им в замке Мальмезон. Полукруглая комната напоминала роскошно оформленный просторный шатер. Изящные золотые колонны, расположенные вдоль стен, соединялись между собой ярко-красной драпировкой на античный манер, пышные складки которой придавали комнате объем и торжественность. Готовый взлететь большой орел расправлял крылья, удерживая под потолком над широкой постелью балдахин, ниспадавший

струящимися складками вниз, пара вышитых золотом лебедей примостились с обеих сторон у изголовья, два рога изобилия, также вышитые золотой нитью, украшали нижнюю часть балдахина. Обивка мебели, включая глубокие пышные кресла, расположенные напротив постели, в другом конце комнаты, отражала основные цвета декора – кроваво-красный и золотой. Цветочный мотив обивочной ткани повторялся на покрывале, подушках и закругленном изголовье.

Соответствие интерьера историческому месту было настолько точным, что не стоило напрягать воображение, чтобы представить себя современником эпохи двухсотлетней давности. Интересно, Наполеон, кувыряясь со своей Жозефиной, тоже заранее интересовался ее предпочтениями в постели или играл партию единолично, импровизируя на ходу?

Как раз в тот момент, когда я предавалась воображению на эстетическую, точнее, сексуально-историческую тему, месье Шикарный-костюм порадовал меня заключительным хриплым стоном и небольшой порцией разлившейся жидкости. Весь процесс длился не больше пяти минут. То ли его смутили роскошные апартаменты, то ли плотный ужин и алкоголь оказали такое воздействие.

После оргазма он тут же покинул мои чресла и откинулся рядом на постель, пробормотав короткий комплимент, вполне уместный после интимной близости:

– Знаешь, ты очень мила.

– Спасибо.

Что еще можно сказать в ответ, тем более если ты уверена в обратном? Та, что смотрела на меня сверху, с зеркального потолка, не могла с ним согласиться. И мне не давала поверить его словам. Слишком уж пухленькая, там – лишнее, здесь – тоже лучше убрать. Что тут скажешь, скорее – нескладная простушка, чем женщина-вамп. Одним словом – полное несовершенство.

– Знаешь, мне совсем не нравятся худышки, – признался он. – Я боюсь им что-нибудь сломать... или уколоться об их кости.

Станный он выбрал способ доказать мне, что мои складочки и округлости не вызывают у него отвращения. Ну и хорошо, по крайней мере, один из нас доволен тем, что я могу предложить. Действительно, тела у меня много, и ни одного острого угла – сплошные округлости. Похоже, его это вполне устраивает.

Когда он отправился в ванную комнату, я подошла к невысокому столику из акажу⁴, взяла пачку банкнот,

оставленных для меня, кинув взгляд, быстренько оценила сумму и выскользнула из комнаты, тихой и торжественно-молчаливой, как и живущие там привидения. Что я могла ему сказать на прощание, чтобы слова не прозвучали фальшиво или как обманчивые обещания? «Еще раз спасибо»? «Все было просто супер»? «Надеюсь, до скорого свидания»?

В коридоре я натянула туфельки и, осторожно ступая по мягкому ворсу толстого ковра, спустилась в холл. Там, около изящной конторки при входе, меня ожидал месье Жак. Он слегка кивнул головой, дав понять, что я могу приблизиться.

– Ну как, мадемуазель, все прошло гладко?

– Да-да, – ответила я вполголоса, – все нормально.

Импозантный портье гостиницы «Отель де Шарм», облаченный в украшенную золотыми позументами и серебряными галунами ливрею в стиле эпохи Людовика IV, производил на всех большое впечатление. Но меня в его облике поражал не столько изысканный костюм, сколько внешность: он был в годах, и на его лице и лысом черепе не сохранился ни один волосок – ни бороды, ни усов, ни бровей. Даже ресницы не обрамляли большие, голубые,

⁴ Акажу – твердое светло-красное дерево. (Прим. ред.)

немного навывкате глаза месье Жака. Трудно себе представить человека, более лишенного какой-либо растительности на лице. И более белокожего, чем он.

Удивительно, но моя мать после нескольких перенесенных сеансов химиотерапии не потеряла ни единого волоска из своей седой шевелюры. В последние полгода, когда она лечилась от рака, она сильно похудела и высохла, но ее голову по-прежнему украшала густая прическа. Мадам Лоран держалась хорошо. Как и раньше, она принимала жизнь с отвагой и покорностью, не жалуясь на болезнь, без слез и упреков. От ее легких почти ничего не осталось, но она не утратила ни капли достоинства. Бронзовая статуя, уцелевшая среди пепелища.

– Как вы думаете, номер в ближайшие дни вам понадобится? Может быть, даже завтра?

– Я еще не знаю. В любом случае, даже если это случится, это будет в последний раз.

Он не удивился сказанным в запальчивости словам. Похоже, он был даже этому рад, о чем недвусмысленно свидетельствовала широкая улыбка, осветившая его лицо. Без сомнения, месье Жак желал мне добра. Более того (я чувствовала это каждый раз, хоть мы не так часто виделись), он даже видел добро во мне. Несмотря на мою внешность и на вполне понятную причину моего появления в этом заведении, он, тем не менее, считал, что я – хороший человек. Встретившись с ним взглядом всего на минуту, я вновь обрела душевное равновесие. Но в тот вечер я не стала задерживаться у этого благотворного источника. Хотя и была уверена, уже выйдя на улицу и ощутив прохладу наступившей ночи, что он еще улыбается мне вслед.

2

Немного позже, в тот же день

– Ну, и что в этот раз, дежурные слова... или все-таки дежурный секс?

Автор этого неприличного каламбура, постоянно балансируя на грани пошлости, была абсолютно уверена в том, что вульгарность добавляет определенный шарм к ее репутации скверной девчонки. Звали ее София. Моя лучшая подруга. Точнее сказать, единственная. София Петрили, на два года старше меня по возрасту и лет на пять опытнее в отношениях с мужчинами и в сексе. Ее каштановые кудри притягивали восхищенные взгляды, пышная грудь, ничего, впрочем, не обещая, манила к себе похотливые руки, тоскующие по таким шикарным объемам, широко распахнутые глаза, в которых каждый мужчина мечтал увидеть только свое отражение, смотрели на жизнь смело и независимо. Один из первых любовников этой юной танцовщицы называл ее Эсмеральда, намекая на отчаянно свободолюбивый характер и способность разжигать пылкую страсть в мужских сердцах. А в обычной жизни она была всего лишь Соней, неустроенной, жалкой, без серьезного мужчины рядом, без стабильной работы. Но именно жизненные невзгоды сделали из нее существо самое независимое и жизнестойкое, которое я когда-либо встречала. Для меня она стала верной и незыблемой поддержкой во всем. Мужчины приходили и уходили, а Соня всегда оставалась со мной.

– Даже не знаю, – я неопределенно пожала плечами, пытаюсь уклониться от ответа. – Наверное, все-таки второе.

– Я так и подумала, учитывая поздний час, хотя вначале засомневалась.

В те дни, когда мы обе подрабатывали, у нас было заведено, обслужив клиентов, встречаться в кафе Антикваров на улице Гранж-Бательер в двух шагах от аукционного салона «Друо», в самом центре Девятого округа. Правила были простыми: та, что освобождалась первой, ожидала другую. Если все ограничивалось дежурными словами, еще до одиннадцати мы уже были вместе. Если у одной из нас выбор приходился на опцию номер два, то даже при быстром развитии событий встреча откладывалась до полуночи, а то и позже.

– А у тебя как? Вечер удался?

– Можно сказать и так, – она кивнула головой, спрятав улыбку в уголках губ.

– Богатенький клиент?

– Ты лучше скажи, сказочно богатый. Никогда раньше не видела более вычурного «Ролекса». Зато я оторвалась по полной программе: номер Помпадур и все такое.

В этом была еще одна особенность гостиницы «Отель де Шарм»: каждой комнате, постоянно занятой на определенное время и для определенной цели, присваивалось имя одной из знаменитых соблазнительниц или куртизанок, так или иначе вошедших в историю Франции. Тут смешались все: фаворитки королей и любовницы знаменитостей, королевны и проститутки, оставившие о себе известную славу. Тут собрался странный ареопаг танцовщиц, актрис, шпионок, дам полусвета и прочих женщин легкого поведения, прославившихся своим необыкновенным влиянием на мужчин. Номера никогда не являлись мемориалом той, в честь которых их называли, эти названия не существовали в перечне комнат гостиницы. Зато, как я уже упоминала раньше, оформление и декор каждой комнаты удивительным образом отражал стиль и характер эпохи той соблазнительницы, с которой было связано ее название, каждый номер представлял собой уникальное творение, в каждом отражался характер этой женщины, ее дух здесь обретал плоть.

– Ну что ж, здорово, – отреагировала я, стараясь проявить участие. – А я, как обычно, устроилась в «Жозефине».

– Классно! Ну и как? У тебя получилось?

– Нет, еще нет.

Соня проводила время с клиентами в «Отеле де Шарм» гораздо чаще, чем я. Иногда два, а то и три раза в месяц, но, из принципа, не чаще, чем раз в неделю. Эти свидания в той или иной степени, в зависимости от ее потребностей на данный момент времени, составляли основную часть ее дохода.

– Ну ладно, – подначивала она меня, недвусмысленно ухмыляясь. – Расскажи, как все прошло?

– Соня! – строго произнесла я. – Ты же знаешь, я не должна.

Она знала правила не хуже меня: агентство, которое связывало нас с богатыми клиентами, категорически запрещало распространять какие-либо подробности встреч с ними. Все, что происходило в интимных альковах на фоне искусно воссозданных интерьеров, должно было остаться навеки в этих стенах. Некоторые люди, с которыми мы проводили там время, являлись очень важными шишками, некоторые – весьма влиятельными, и любая информация о том, как они ведут себя во время интимной близости, а особенно подробности об их сексуальных предпочтениях могли бы стать грозным оружием в руках врагов. Соблюдение тайны воспринималось нами как само собой разумеющееся. Кроме того, благодаря этому я могла избавиться от Сониных откровений и имела полное право отгородиться от ее расспросов. Ей же говорить со мной о сексе во всех подробностях было почти так же приятно, как заниматься сексом с женщиной. И в этом нет ничего противоестественного, ее язык, как и клитор, мог напрягаться и вибрировать от сексуального наслаждения, видимо, они имели между собой какую-то тайную связь. На эту тему, считая ее, по-видимому, универсальной, она могла говорить везде и всюду, по поводу и без, с близкими людьми и с первым встречным. «Ну, скажи мне честно, ты знаешь что-нибудь интереснее, чем секс, о чем можно потрепаться, а? – Соня часто провоцировала меня на эти разговоры. – Мы же не собираемся обсуждать тряпки или парней! Транжирить нам нечего, карманы у нас пусты, и заводить детишек, согласись, нам еще рановато. Скажи, если я не права! Средний возраст женщин, которые рожают первого ребенка в парижском регионе, тридцать один год! Тридцать один! Прикинь?!» После этого она с энтузиазмом возвращалась к своей излюбленной теме. Казалось, у нее неистощимый запас историй с уймой интимных подробностей. Она упивалась, выкладывая мне самые пикантные из них, наслаждаясь производимым впечатлением.

– Только представь себе, у моего сегодняшнего клиента был такой член! Ты бы видела! Просто гигантский! Еще более внушительный, чем его счет в банке!

– Ну и что? – сухо отреагировала я, пытаюсь сдержать поток интимных откровений.

– Правду тебе говорю! Ему бы с таким хозяйством в цирке выступать.

– Прекрати!

– А что? Я же не называю его имя, я просто рассказываю, какой у него пенис.

– Гениально, – попробовала я отшутиться. – Лучше расскажи мне о бесполом существе.

– Это неинтересно. Послушай, его член был такой здоровый, что я чуть не задохнулась, когда стала его...

– Ладно, ты права, – прервала я ее, чтобы не выслушивать подробности. – Но помни, не стоит увлекаться оральным сексом, иначе они потом ничего другого не захотят.

Мой классический прием, чтобы прекратить поток сальных деталей, и единственный, которым я владела, заключался в том, чтобы менторским тоном пересказать ей принятые нормы поведения в любовных играх, вычитанные мной в основном в популярных женских журналах в разделе «О сексе».

– Ты хочешь сказать, – возразила она, – что лучше проводить время с типом, который заставляет меня два часа мастурбировать перед ним, не смея ко мне прикоснуться? Нет уж, увольте.

– Дурочка, представь себе, когда ты мастурбируешь перед ним, ты тем самым показываешь, как доставить тебе удовольствие. Не считай это потерянным временем.

...«Космо», специальный номер о сексе, июль – август 2007-го. Должно быть, эти сведения – оттуда. Но я-то сама, Анабель Лоран, что я знала об этом? Да практически ничего. По правде говоря, договор и условия нашего агентства служили мне защитой и позволяли не распространяться с ней на эти темы. В большинстве случаев этого было достаточно, чтобы утолить Сонино любопытство или пресечь неудержимый поток непристойных подробностей ее половой практики.

Мне же было бы проще доверять свои тайны секретному блокнотику. Но другая рука вместо меня заполняла незнакомым почерком его белые невинные страницы:

Может быть, это глупо, но я уверена, что у каждого есть своя половинка, его родственная душа. Так же, как у каждой женской вагины есть только один фаллос, который по форме и размеру ей соответствует на сто процентов, который создан для нее, как и она для него. И пока они не найдут друг друга, никому из них не суждено расцвести в полную силу. Про себя я уверена, еще ни один мужчина из тех, с кем я была близка, не был тем, единственным.

(написано незнакомым почерком 02/06/2009, подброшено в почтовый ящик:

...а ведь в чем-то он прав.)

Я так и не смогла понять, как они появляются, эти записочки, но то, что кто-то записывает незнакомым почерком мои собственные тайные мысли, бесило меня. Наверное, я действительно сошла с ума, раз согласилась принять участие в этой игре, ведь я сохранила блокнот со спиралькой и регулярно складывала туда приходящие записочки с непристойными мыслями, которые мой анонимный мучитель подбрасывал в почтовый ящик иногда несколько раз в день. Дело дошло до того, что пару раз я попыталась выследить его и провела несколько часов, наблюдая из укрытия, но ни разу мне так и не удалось его увидеть.

Поначалу я попыталась скрыть историю с блокнотом от Сони, но у нее был просто звериный нюх на подобного рода секреты. Однажды я уронила свою сумочку в кафе прямо у ножки стула, где она сидела. Все содержимое высыпалось наружу, и Соня машинально наклонилась, чтобы помочь мне собрать вещи.

– А это что это за фигня?

– Отдай! Ничего особенного...

– Какой клевый блокнотик! Ты здесь записываешь любимые способы трахаться? – хихикала она.

– Да нет же... Прекрати ...

– Да, точно, я угадала! Смотри, как ты покраснела! – Не спросив разрешения, она открыла его на первой странице и стала читать вслух...

– Не ври, я не покраснела! Верни мне его сейчас же!

Соня стала читать дальше:

– «...мне интересно, что ощущает мужчина, какой запах, какой вкус во рту, когда он целует мою киску...» Вау! Мисс Лоран! Да ты оттягиваешься по полной!

– Соня! Отдай его, стерва ты этакая!

В конце концов она протянула мне блокнот, но не перестала хихикать.

– Ты что, решила писать мемуары на тему «Половая жизнь Анабель Л.?»

– Это не я писала ...

– Да ладно, будет врать-то!

– Честное слово! Какой-то тип их подкладывает в мой почтовый ящик каждый день.

Понятия не имею, кто он и что ему от меня надо.

– Неужели? Поэтому они так аккуратно разложены в твоём блокноте?

– Правду говорю, это – не я.

Делать было нечего, она бы просто так не отстала. Пришлось ей рассказать во всех подробностях, каким мистическим образом злосчастный блокнот оказался в моих руках и как день за днем пополнялся этот интимный дневник, который мог бы быть написан мною, но на самом деле другой – или другая? – писал его от моего имени.

История позабавила Соню, но не удивила. Меня вдруг осенило – может быть, Ребекка, хозяйка нашего агентства, решила сыграть со мной злую шутку. Но если бы это было так, почему я оказалась единственной среди всех ее Ночных Красавиц, кому адресованы записочки. Если бы Соня тоже их получала, она бы тут же мне похвасталась, нет никакого сомнения.

– Ума не приложу: почему этот псих со своей дурацкой идеей среди всех парижских девчонок выбрал именно тебя?

– А что?

– Видишь ли... Согласись, сексуальная тема – скорее мой конек, чем твой. Я была бы в восторге, если бы какой-нибудь тип сделал мне такой подарок! И, уверяю тебя, я бы не стала дожидаться, пока он напишет что-то за меня.

– Если это в самом деле доставит тебе удовольствие, возьми его себе.

– Нет, ни за что! Он – твой, – сказала Соня, неожиданно став серьезной.

– Подумай... Ведь незнакомец мог совершенно случайно положить его в сумочку именно мне, там, в вагоне, было полно народу.

– Нет, если подумать, это – не простая случайность, – строго заключила Соня. – Он почувствовал, что из всех баб вокруг тебе и блокнот, и записочки нужнее.

Я ждала, что Соня добавит: «Чтобы тебя раскрепостить», но не дождалась. Не знаю, может, она и права.

С тех пор, а еще больше после того, как в моей жизни появился Дэвид, мне все труднее удавалось противостоять инквизиторским допросам со стороны лучшей подруги. По правде говоря, мой приятель никогда не был моим клиентом, поэтому соглашение, применимое в обычных случаях, на него не распространялось.

– Слушай, ты не рассказывала мне про Дэвида...

– А что тебя интересует?

– Ну как! Какой у него член? Обычный? Может, королевский размер? Или маленький, да удаленький?

– Отстань от меня! Ты всерьез думаешь, что я стану отвечать на подобные вопросы?!

«А что тебе стоит?» – ответил мне ее лукавый взгляд.

– Где вы встречаетесь? Здесь, сейчас?

Она оставила свой игривый тон и вернулась к невинным темам.

– Да. Точнее, нет. Он придет сюда, но позже. Я увижу его только завтра утром. Если бы мы с ним встретились здесь и сейчас...

Кроме всего прочего, личность подобного масштаба и самец такого телосложения, как Дэвид, пробуждал в ней одновременно лирическое настроение и страсть нимфоманки, мечтательность и азарт пожирательницы мужских сердец. Могла ли я скрыть от Сони такой экземпляр, оставить ее в неведении? Хотя бы из солидарности и во имя многих лет нашей дружбы, проведенных вместе в трудах праведных на галерах чувственных наслаждений, она считала, что я обязана рассказать о нем все, что сочту необычным и заслуживающим ее внимания.

– Как ты можешь встречаться с ним после клиента? Тебе не кажется это странным?

– Я как раз о том и говорю. Я, скорее всего, встречу с ним только завтра к вечеру.

– Все равно... – продолжала Соня. – Ты не боишься, что он подцепит что-нибудь?

– А тебе не кажется странным, что ты спишь каждый раз с разными мужиками? – Я попала в точку, но удар оказался ниже пояса. Она сразу нахмурилась и погрузилась.

У Сони сексуальное желание возникало быстро и без усилий, но эта легкость в сочетании с неутолимой жадностью заниматься любовью по поводу и без не позволяла ей удержать подле себя мужчину дольше, чем на пару ночей. Она не обманывала своего любовника, по крайней мере, до тех пор, пока не встречала следующего, но всегда была готова возобновить отношения, как говорится, по старой дружбе. Время от времени из-за этого с подружкой случались неприятные истории, и ей приходилось как-то выкручиваться. Когда она попадалась или просто-напросто бросала и того, и другого парня, то переключалась на свои секс-игрушки, коллекция которых с годами пополнялась и становилась все изощренней. Это привело к тому, что подруга начала проводить с ними большую часть времени.

– Соня, прости...

– Не бери в голову. К тому же, пожалуй, ты права... Пойдем, подышим воздухом?

Нам нравились неторопливые прогулки безо всякой цели по тихим безлюдным улицам ночного Парижа, просыпавшимся время от времени от света фар проезжавших такси. Мы придумали себе развлечение: в окрестностях салона «Друо» располагались во множестве антикварные лавки и ювелирные магазинчики. Мы останавливались перед каждой витриной, подолгу разглядывали выставленные там сокровища, прекрасно понимая, что нам не по карману даже самая скромная вещица из тех коллекций, зато, давая простор воображению, мы представляли себе, как однажды нам на голову обязательно свалится с неба неожиданное богатство, и вот тогда-то мы разгуляемся на славу.

– Эй, подруга, ты только глянь на эти часы, – теребила я ее за руку, привлекая внимание к модели, выставленной на обозрение в центре витрины.

– Вот этот будильник для состоятельного мужика?

Очень разумно со стороны антикварного салона «Нативель» размещать рядом с каждой вещицей, готовой к продаже, пояснительную записку, типа тех, что бросаются в глаза в каком-нибудь книжном магазине рядом с книгами, рекомендованными к чтению.

– Ну да... Механические, без дураков, изготовлены в 1969-м!

– Ну и что? Тебе в самом деле нужна эротическая модель? – беззлобно подначивала она.

«Шестьдесят девятый эротический год», – томно стонала Джейн Биркин в том самом году под музыку Сержа Гинсбурга в знаменитой песне.

– Шестьдесят девятый – это почти год Дэвида, он родился 5 января 1970-го.

– Значит, в шестьдесят девятом он был зачат, – хохотнула Соня. – Только не говори, что ты собираешься купить эти часы ему в подарок?!

– Хотелось бы, но где столько взять? Они потрясающи! Разве нет?

Не вычурные, но весьма изящные, часы так и стояли у меня перед глазами, уютно расположившись в открытом бархатном футляре, поблескивая в сумеречном свете витрины циферблатом цвета синего ночного неба. Я обратила внимание на выпуклое защитное стеклышко, каких теперь уже не делают, свидетельствовавшее о подлинности данного экземпляра.

– Так себе безделушка! У моего клиента часы покруче... – она явно притворялась, стараясь скрыть свое восхищение. – Впрочем, если бы мне их подарили, я бы не отказалась.

– С ума сошла? Ты видишь цену?

– Да, три тысячи двести евро. Тебе придется постараться, дорогуша, если хочешь побаловать своего принца!

Эта роскошная вещица стоила столько, сколько я тратила на жизнь за два месяца.

– Мама больна, приходится покупать много лекарств, мне никогда не удастся скопить такую сумму, – вздохнула я.

Денег на лечение, положенных по ее дешевой страховке, конечно, не хватало, чтобы покрыть все расходы, но, несмотря на нехватку средств, я, как могла, старалась обеспечить ей максимальный комфорт и дома, и в больнице, где последнее время она проводила много времени: неделю на химиотерапию, потом неделю, чтобы прийти в себя, и еще неделю – дома в более или менее приличном состоянии, а потом опять весь мучительный цикл сначала. Мама так много сделала для меня, когда я была маленькой, она посвятила мне свою жизнь, и я готова была отдать ей все, что зарабатывала, хотя зарабатывала не так уж много.

На витрине, за часами, от которых я не могла оторвать взгляд, была еще одна милая вещица – серебряный гребень для волос, *«принадлежавший актрисе мадемуазель Марс»*, о чем сообщала приколотая рядом записочка. Прекрасный образец ювелирного искусства первой половины XIX века за пустяковую цену – всего каких-то тысячу семьсот евро. Еще одно сокровище, которое никогда не станет моим.

Я бы долго стояла как завороченная, но Соня резко дернула меня за рукав, силой оттащив от витрины.

– Идем отсюда, подруга! С твоим очаровательным принцем ничего не случится, если ты не будешь дарить ему при каждом свидании безделушку стоимостью в три зарплаты!

– Это точно...

– К тому же, если позволишь, хочу заметить, что при его заработке скорее он должен делать тебе подарки, а не наоборот.

– В том-то и проблема, – ответила я. – Это – его заработок, а не мой...

Хотя, что греха таить, Соня была права. В состязании материальных доказательств нашей зарождающейся любви я проигрывала Дэвиду с самого начала наших амурных отношений. Сколько денег он получал в месяц? Находился ли в интервале, превышающем в пятнадцать-двадцать раз базовую зарплату, как некоторые политики обещали французским предпринимателям какое-то время назад? Я лично предпочитала не знать об этом. Из-за моего простого происхождения и довольно скромных жизненных условий, в которых я выросла, я очень хорошо понимала, что уместно и что неуместно делать на свою зарплату. Иначе говоря, приобрести такие часы мне было не по карману, и я это осознавала, но... я не могла запретить себе о них мечтать.

– Кроме того, достоин ли этот тип таких подарков? – продолжила Соня игриво. – Ты-то, разумеется, готова разориться ради него, но кто знает, какое место он занимает в длинном списке твоих любовников? Входит в первую десятку? В первую тройку?

Ну вот, она опять вернулась к своей излюбленной теме! Соня принялась обсуждать записи в моем дневнике. Она придумала ему название «Сто-раз-на-дню», по числу эротических мыслей, которые якобы я ежедневно туда вписывала, – она теперь постоянно к нему обращалась в надежде найти там мои самые тайные откровения.

– Нет, Дэвид – это другое...

– В каком смысле? Он что, приличнее одевается, чем остальные парни? Или трахается с тобой как-то иначе?

– Просто я его люблю.

Я постаралась сказать это твердо, без запинки, чтобы не выглядело по-дурацки или фальшиво, ведь я не вертихвостка какая-нибудь, я точно знаю. Но моя тирада произвела на Соню другое впечатление: на ее лице появилась гримаса, словно она проглотила какую-то гадость и ее сейчас вырвет.

– Ах, прости, я упустила эту деталь... Ты его лю-у-у-у-бишь! Так что? Он может теперь пользоваться тобой и в хвост и в гриву, а тебе наплевать? Прости, я не поняла.

– Перестань... Ты же знаешь, я не это имела в виду.

– Скажи-ка, твой миллионер хоть раз довел тебя до оргазма?

В точку. У меня не было желания отвечать на ее вопрос. Я и сама себя об этом никогда не спрашивала. Может быть, потому что и так знала ответ.

Я лишь пожала плечами, добавив к этому загадочную улыбку, рассчитывая заронить в подруге сомнение. Но Соню не проведешь, к тому же она слишком хорошо меня знает. Чтобы избежать продолжения разговора, я решила сменить тему. Светящиеся перед глазами вывески многочисленных ночных клубов предоставили мне такую возможность.

– Кстати, как твои танцы? Скоро ли новый спектакль?

– Уф, что тебе сказать? «В стране кризис» – я теперь везде это слышу. Уверяю, у меня нет желания иметь дело с хореографами, постановщиками или продюсерами, только с банкирами!

– А твоя труппа в Нейли?

– Закрыли. Сейчас все наши бедствуют, даже самые богатенькие еле сводят концы с концами.

– А что же с тобой будет?

– Ладно, выкручусь как-нибудь... – она попыталась меня успокоить, но в ее голосе особой уверенности не прозвучало.

Я слишком хорошо понимала, чем может кончиться для нее это нищенское существование.

– Тебе приходится чаще брать клиентов?

– Хм, – грустно усмехнулась она, блуждая взглядом по разноцветью неоновых огней.

– И намного?

– Да так, двоих в неделю.

Значит, Соня превысила лимит, который обещала себе никогда не нарушать. Как же она это переживет? Поначалу вроде подобные занятия предполагались как случайная подработка, но постепенно стали основным родом деятельности. В каком состоянии она будет после такой скачки?

Я расстроилась. Мне стало ее жалко. Соня, видимо, не собиралась оставлять работу в нашем агентстве. Как часто мы ввязываемся в рискованные, но выгодные аферы под предлогом, что в любой момент сможем выйти из игры, а потом оказывается, что это надолго. Теперь временная подработка стала ее жизнью.

3

Париж, декабрь 2008-го, за восемь месяцев до этого

Как оказалось, я не такая уж скромница по природе своей. Не могу даже вспомнить сейчас, при каких обстоятельствах Соня впервые упомянула в разговоре со мной о Ночных Красавицах. Кажется, в то время она еще не работала в агентстве. Соня пока колебалась. Она наводила справки о том, какого рода услуги предоставляются клиентам, встревоженная слухами и выдумками, отчасти навеянными книжками и фильмами на эту тему, такими, как «Дневная красавица» Бунюэля, «Дни и ночи Чины Блю» Кена Рассела, а также недавней и самой мрачной его картиной «Дорогая учеба», основанной на реальных событиях.

Кто ей рассказал об этом агентстве? Кто ее заметил и пригласил там поработать? Кто сыграл роль посредника? Для меня это осталось загадкой.

– «Ночные Красавицы», «Дневная красавица»... Я с тобой согласна, они довольно примитивны в своих фантазиях, – критически, как обычно, рассуждала Соня. – Хотя, если подумать, их изобретательность никому не нужна.

Мы как раз подходили к солидному зданию, расположенному на одной из улиц квартала Марэ, известного своими увеселительными заведениями. Ничто не указывало на специфический характер предлагаемых агентством услуг, даже скромная вывеска над домофоном. Что именно здесь предлагают: подушки, например, или услуги юных танцовщиц – с первого взгляда понять было невозможно:

Ночные бабочки, 5-й этаж, напротив лифта.

– Мне кажется, это мило, – я попробовала пошутить. – Даже поэтично.

– Ты уверена, что хочешь туда пойти?

– Ну да, всего лишь первое знакомство. Я просто хочу прояснить обстановку.

– Ну ладно... Только давай договоримся: ты потом никогда не будешь упрекать меня в том, что я заставила тебя делать вещи, которые тебе не нравятся.

Я закатила глаза к небу и прибегла к театральным приемам, как нас учили во время тренингов на радио и телевидении на последнем курсе отделения журналистики. Еще каких-то пять-шесть месяцев, и я, с дипломом журналиста в кармане, брошусь на приступ самых известных, самых престижных в стране СМИ. Подобно юному Растиньяку, я буду готова на что угодно, лишь бы прославиться.

– Послушай, все нормально. Мне двадцать два года, и я уже большая девочка.

Кабинка лифта была такой узенькой, что, несмотря на наши небольшие габариты, мы еле втиснулись, и, задержав дыхание, прижавшись спиной к стене, поднялись на нужный этаж. Едва мы перешагнули порог заведения, как попали в атмосферу изысканной роскоши.

– Входите, входите, – нам открыла пятидесятилетняя блондинка, стройная, с чопорными манерами. Она была совсем не похожа на хозяйку борделя, чего я, по правде говоря, немного опасалась. Браслеты на запястьях и кольца на длинных пальцах умело скрывали старческие морщины и пигментные пятна. Она протянула мне руку.

– Здравствуйте, меня зовут Ребекка Сибони, я – директор агентства «Ночные Красавицы», – представилась женщина низким хриплым голосом заядлой курильщицы.

Ощущая шлейф слегка пьянящего аромата духов, мы последовали за ней в ее скромную, но со вкусом обставленную конторку.

– Анабель немного... нервничает, – кивнула Соня в мою сторону, перехватив мой испепеляющий взгляд. – Ей было бы спокойнее, если бы вы объяснили, что на самом деле требуется от девушек, которые подписывают контракт.

Я вздрогнула от такой неожиданной просьбы и стала неуклюже, по-детски оправдываться:

– Вовсе нет! Я прекрасно все поняла!

В потертых джинсах с собственноручно пришитыми заплатками, в поношенных туфельках, с гривой давно не стриженных волос, я и так была похожа на гадкого утенка. Сонины слова поставили меня в глупое положение, не надо было ей об этом говорить. Ребекка посмотрела на меня, внимательнейшим образом изучив каждый сантиметр моей фигуры, и произнесла длинный монолог, давно, видимо, заученный наизусть:

– Послушайте, девушки! Я не знаю, что вам о нас наговорили, но, по большей части, это – вранье. Общественное мнение напрасно порицает нашу деятельность, и мы, к сожалению, страдаем от сплетен и лживых домыслов. На самом деле, то, что мы предлагаем клиентам, вполне невинно и, я хочу это подчеркнуть, абсолютно легально: наши клиенты – люди состоятельные, но неженатые, они не могут себе позволить присутствовать без дамы на светских мероприятиях, которые обязаны посещать в силу своего положения в обществе. Ваша задача, в том случае, разумеется, если вы примете решение присоединиться к нам, надеть свое самое красивое платье, по возможности мило улыбаться весь вечер, при этом не обязательно делать вид, что у вас свело челюсть, уметь поддержать непринужденный разговор, если у вас поинтересуются, например, мнением о последнем фильме Вуди Аллена. Ничего особенного от вас не потребуется, и, уверяю, все это не бог весть как сложно.

«Ну, что я тебе говорила?» – Соня выразительно развела руками.

Ведь это она, моя подруга, в подробностях рассказала мне об одном недавнем испытательном свидании, организованном для нее агентством. Свидании, аморальном с точки зрения общественной морали. Из-за этого эпизода, кстати, я поначалу хотела отказаться от предложения Ребекки Сибони. «Что за дурацкая идея, бред какой-то», – думала я.

– Ну, и как... все прошло?

– Как, как! Очень просто, как в кино, дорогуша. Свидание было назначено в номере Рафаэля в 15.00. Я получила указание прийти в точно назначенный час. Шторы были к тому времени задернуты, ставни наглухо закрыты. Думаю, он сам заранее дал указание прислуге. Затем я должна была выключить свет и дожидаться его на постели совсем голая.

– А потом?

– Потом он пришел. Я так думаю, спустя минут десять.

– Ты не заметила, как он вошел?

– Нет, заметила. Он вошел из вестибюля, там было светло, но я едва различила его силуэт, когда он открыл дверь.

– Тебе было... страшно?

– Что ты, напротив! – воскликнула она. – Поначалу мне было холодно лежать нагишом без движения. Но потом он подошел, разделся, лег рядом со мной и обнял меня, чтобы согреть.

– Вы тут же занялись любовью?

– Нет, не сразу. Поначалу мы просто лежали какое-то время, прижавшись друг к другу, а потом он начал меня ласкать.

– Он что-нибудь тебе говорил?

– Ни слова. Зато руки у него были очень мягкими. Уверяю тебя, никто раньше не ласкал меня так нежно. Я даже взмокла.

– А ты не пыталась увидеть его лицо?

– Я гладила его по лицу, и мне не показалось, что он красавец. Но, честное слово, будь он самым дьяволом во плоти, я бы все равно согласилась лечь к нему в объятия, уж больно нежен он был.

– Неужели?

– Представь себе, наверное, четверть часа, если не больше, он ласкал меня внизу живота и там везде, то пальцами, то носом, то языком... пока я не взмокла. Я вся истомилась! Кажется, я кончила раза два-три, пока он не пришел ко мне по-настоящему. И это было потрясающе! Мы часа три не вылезали из кровати.

– Два-три раза, – повторила я в изумлении.

– И еще кое-что. Его член был такой ароматный!

– Как это?

– Ну, я не знаю, что-то очень сладенькое. А кончик! По вкусу напоминал клубнику или малину. Я могла бы облизывать его день напролет!

– Да ты что!

– А что? Впрочем, откуда тебе знать... Представь, если бы тебе предложили попробовать черную икру с завязанными глазами. Все, что ты не можешь увидеть, ты острее ощущаешь другими чувствами. Особенно вкус и запах.

– Ладно, хватит. Кажется, я поняла.

Хриплый голос Ребекки прервал мои воспоминания:

– Разумеется, у Ночных Красавиц прекрасная репутация. Мы приглашаем к сотрудничеству и предлагаем нашим клиентам только здоровых и чистеньких молодых девушек, безупречно говорящих по-французски и к тому же весьма образованных. Я не беру на работу смазливых наряженных куколок. Но в отношении вас, как я посмотрю, мне не о чем беспокоиться.

– И это – все? – я решила уточнить.

– Да. Это прописано в контракте, который мы заключаем с вами, и это – то, что мы предлагаем нашим клиентам.

– Хорошо, – лаконично заключила я.

– Кажется, вы разочарованы. А вы что себе воображали? – В ее голосе послышалось раздражение, она вдруг стала столь же надменна, как Ума Турман в рекламе газированных напитков с двусмысленным названием. Ребекка Сибони умела по-своему внушить к себе уважение подчиненных.

Но прошла минута, ее лицо осветилось загадочной улыбкой, почти как у Джоконды, и она добавила тихим голосом, сопровождая свое предложение приглашающим жестом:

– А потом, если мужчина окажется в вашем вкусе, начинается уже другая история. *Ваша* история. Вы же взрослые люди, и я не могу помешать ни ему удовлетворить свой аппетит, ни вам – уступить ему, если есть желание.

– Вот как раз об этом я ей и говорила, – добавила Соня со знанием дела.

Я постаралась отогнать от себя образ подруги, лежащей обнаженной в полумраке дворцовых покоев в объятиях незнакомого соблазнителя, приятно пахнущего сочными ягодами, умелой рукой ласкающего ее нежную плоть.

– Я предпочитаю также нанимать девушек исключительно в моем вкусе, чтобы ограждать себя от случайностей.

Последние слова она сопровождала легким вздохом, как бы намекая, что не видит в этом ничего драматического, и как-то странно засмеялась низким грудным голосом. Ее смех звучал как приступ кашля.

Намек был понятен: мы вольны в выборе – приглашать клиентов в «Отель де Шарм» или в другое место, на свое усмотрение, в любом случае, это было за пределами тех услуг, которые предлагала мадам Сибони, и она ничего не хотела об этом знать, тем более полу-

чать с этого комиссионные. Этот доход полностью принадлежал нам, и мы сами определяли время, тариф и набор оказываемых услуг. Однако одновременно мы брали на себя все связанные с этим риски. Она предупредила меня:

– Я не могу гарантировать ничего, как только вы войдете с ним в номер. С того момента, как вы решили провести с ним время, вы берете ответственность на себя.

– А если он изнасилует меня?

– Да перестань ты, – вмешалась подруга. – Это солидные люди: адвокаты, бизнесмены, депутаты парламента... Никто из них не станет держать тебя за проститутку, даже в шутку. Неужели она так сказала: «даже в шутку»?

– Не важно, – перебила ее Ребекка, – Повторяю, с того момента, как вы переступили порог комнаты с клиентом, вы предоставлены самой себе. Что бы ни случилось там внутри, я никогда не примчусь на помощь. Вы поняли меня? Никогда.

– Я поняла, – грустно согласилась я.

– Если вдруг вы станете звать меня на помощь или, не приведи господи, упомянете о нашем агентстве третьим лицам, в полиции, например, знайте, я буду все отрицать, даже факт нашего знакомства. Я просто вычеркну вас из своей картотеки.

После этого жесткая маска неожиданно исчезла с ее лица и она ласково улыбнулась:

– Ну хорошо! Я вас поздравляю! Добро пожаловать в нашу компанию «Ночных Красавиц»!

Следующие четверть часа были посвящены заполнению каких-то бумаг, свидетельствовавших, что с этой минуты я официально являюсь сотрудником агентства. Мне также дали инструкции, которые отчасти я уже слышала от Сони: ни с кем и никогда не обсуждать то, чем я занимаюсь в «Ночных Красавицах», даже с близкими, с родственниками или с кем-либо из подружек или знакомых по работе, никогда и никому не рассказывать о том, что я услышала от клиента, не разглашать данные о клиенте, не пытаться самостоятельно искать встреч с ним, если только от агентства на этот счет не поступят специальные указания.

– София говорила, что по профессии вы журналистка. Это так? Она рассказывала о полной шатенке, склонной к размышлениям.

– Не совсем так... Я еще учусь.

– Отлично! Надеюсь, вы не проводите журналистское расследование и я не увижу в прессе ни строчки о нашей встрече. Я могу быть уверена?

Высказанное предположение прозвучало в ее устах как угроза.

– Конечно. Мне просто нужны деньги. Не беспокойтесь.

– Отлично! – сказала она, в завершение разговора воздев руки к потолку. – Будете ли вы свободны послезавтра во второй половине дня?

На мгновение я оцепенела. Неужели она уже нашла для меня клиента, положившись на Сонины рекомендации? Не знаю, что уж там подруга ей про меня наговорила, – мне даже показалось, что я слышу, как она расхваливает мою, по ее выражению, «аристократическую чувственность», мои «тонкие манеры, свидетельствующие о благородном происхождении». Какое она имела право предлагать мои достоинства завсегдатаям заведения до того, как я сама соглашусь? Я невольно нахмурилась, что, видимо, не устраивало хозяйку, ведь ей так хотелось побыстрее ввести меня в курс дела. Чтобы не омрачать мой дебют в агентстве «Ночных Красавиц», она наградила меня заботливым жестом, по-матерински мягко положив мне на плечо одетую в кольца и браслеты легкую руку, и пощупала мой дешевенький свитерок.

– Это надо заменить. Я вам помогу. Мы пройдемся по магазинам. Вы обе вместе со мной. Я обожаю это!

– По магазинам? – пролепетала я.

Соня, сидя в кресле, затопала ногами и завизжала от радости, как школьница.

– Да, по магазинам. Вот увидите, каких-нибудь две-три вещицы – и вы преобразитесь! Вы станете обворожительной!

«Обворожительная» – мне этот эпитет был явно не по размеру, я почувствовала себя неловко, как в одежде с чужого плеча, на три размера больше, чем надо. Но, тем не менее, надо привыкать. И желательно быстро.

4

Возвращаться в пригород из Парижа каждый раз для меня было мучением. Я бы даже сказала, пыткой. Для меня, девчонки из Нантеррра, которой я так и осталась, сила притяжения столицы была велика. Поэтому, сидя в электричке, уносившей меня на запад от Опера или от площади Этуаль, я чувствовала себя как приговоренная к казни по дороге на эшафот. С той лишь разницей, что я проделывала свой мучительный путь каждый день.

Я так страдала из-за этого, что была готова к тому, чтобы снять жилье где-нибудь в Париже: уж лучше плохонькая комнатка в центре, чем двух-трехкомнатная квартира, даже со всеми удобствами, за городом. Мне хотелось жить в сердце столицы, там, где кипит жизнь.

В тот вечер я садилась в сине-бело-красную электричку, держа в кармане только что подписанный контракт. Кто-то постарался разрисовать спинки сидений и стены в вагоне свежими граффити. Едва устроившись у окна, я почувствовала на себе любопытные взгляды. Мужские, разумеется. Я напрасно старалась привыкнуть к ним, с годами смущение не исчезло, я всегда чувствовала себя неловко. «Не понимаю, чего ты жалуешься! – удивлялась Соня. – Подожди, пока тебе стукнет пятьдесят, у тебя отвиснет грудь и поползут морщины. Посмотрим тогда, как ты обрадуешься, если мужики в метро станут на тебя пялиться».

В ожидании этой радужной перспективы я по-прежнему смущалась от каждого брошенного на меня взгляда. Я просто не знала, что поделаться с очевидным вниманием, которое ко мне проявляли мужчины. С таким же успехом я могла бы жонглировать их скрытым желанием, как пингвин замороженной треской. Никто не объяснил мне правил этой игры. Мне только и оставалось, что постоянно быть настороже и находить любые уловки, чтобы не обращать на мужчин внимания. Например, можно наблюдать пейзаж за окном, но поезд все время находился в туннеле и только у самого Университета в Нантерре выезжал на поверхность, как раз перед моей станцией, не оставляя шанса ни увернуться от докучливых глаз, ни скрыть свое смущение. Тогда по случайности мой взгляд упал на свежий выпуск «*Le Monde*», который держал в руках мой сосед слева, молодой человек лет тридцати, в кожаном прикиде, с черным кожаным кейсом на коленях. Несколько крупных заголовков на первой странице газеты бросились мне в глаза, но только один привлек внимание.

– Это же – Дэвид... Дэвид Барле, – прошептала я и невольно потянулась к газете.

Молодой человек вскочил на ноги и протянул мне руку, охотно воспользовавшись случаем:

– Э-ээ, нет-нет... Меня зовут Бертран Пасадье. А вас?

Я не стала пожимать его влажную ладонь, но выхватила у него газету, мои пальцы крепко вцепились в бумагу. Не ответив на его вопрос, словно он испарился с глаз долой, я стала читать статью, посвященную руководителю частной медиагруппы, названной по его имени: Группа Барле. Она владела информационным каналом круглосуточного вещания, самым популярным во Франции, ВТV.

Переминаясь с ноги на ногу, мой попутчик безуспешно пытался найти повод опять привлечь к себе внимание.

– Вас интересует телевидение?

– Гм... – пробурчала я себе под нос, не взглянув на него.

– Если так, могу посодействовать, знаете ли. Я бы мог вас устроить на хорошее место в этой сфере. Барле – это неплохо, вполне солидно, но ненадолго, уверяю. Есть местечки и получше.

Я пропустила мимо ушей его болтовню. Быстренько дочитав статью, в которой детально обсуждалась стратегия Группы ВТV, направленная на привлечение аудитории, я теперь полностью погрузилась в созерцание фотографии Дэвида Барле. Я и раньше видела

его лицо по телевизору или в экономических приложениях к газетам, но только теперь заметила, что он удивительно похож на давно умершего популярного актера Жерара Филипа. Потрясающее сходство! Мне даже показалось, что я слышу его прекрасный, такой мягкий и обволакивающий, знакомый с детства голос (много лет назад я ставила пластинки на старом мамином проигрывателе и слушала в его исполнении *«Маленького принца»* или сказку *«Петя и волк»*).

Но если навечно оставшийся молодым популярный французский актер всем своим видом выражал утонченность и хрупкость, Дэвид Барле, напротив, источал силу и уверенность в себе, желание властвовать, железную волю и абсолютную уверенность идти во всем до победного конца. Возможно, это скрывалось в чуть более острых скулах, квадратном подбородке, в широких плечах и габаритах, которых не постыдился бы какой-нибудь регбист. А главное – его прямой взгляд со страницы газеты, он словно бросал вам вызов, приглашая к поединку.

– ...не больше, чем три-четыре процента в год, то есть практически ничто... – продолжал разглагольствовать мой сосед, не замечая, что я его не слушаю.

ВTV. Вот куда я должна пойти со своим дипломом, как только он окажется у меня в руках! Вот к чему призывает меня Барле с фотографии в *«Ле Мوند»* на первой странице, так, по крайней мере, мне хотелось думать.

Отвратительный протяжный скрип тормозов остановившегося поезда вернул меня в реальность. Я вздрогнула и увидела в окне сине-белую табличку на перроне, как раз на уровне моих глаз: город Нантерр. Моя станция.

Я вскочила и опрометью кинулась к выходу из вагона, на бегу отдавив обе ноги Бертрану Пасадье. Я еле успела выскочить на перрон, двери электрички захлопнулись у меня за спиной. Мой сегодняшний воздыхатель остался внутри. Обескураженный, он стоял, открыв рот, прижавшись лбом к запотевшему стеклу. Я помахала ему вслед газетой, которую выхватила у него из рук, моя беспомощная улыбка стала парню наградой за потерю. Я не испытывала угрызений совести, совершив кражу. Сам Дэвид Барле, красовавшийся на первой странице *«Ле Мوند»*, ободряющим взглядом поздравлял меня со смелым поступком.

Домишко моей матери, Мод, находился всего в каких-нибудь трехстах метрах от станции. Скромный кирпичный домик, без садика, без какой-либо зелени вокруг, если не считать увитой плющом небольшой террасы, выходящей на улицу, скорее высокой, чем широкой, и довольно тесной. Сколько себя помню, мы всегда здесь жили вдвоем с мамой, никто никогда не заходил сюда, чтобы скрасить наше унылое существование.

Когда она заболела, я старалась как можно чаще быть с ней рядом, насколько мои занятия и подработка ради пропитания могли это позволить. Старалась взять на себя все домашние хлопоты, которые с некоторых пор превратились для нее в большую проблему: магазины, хозяйство, приготовление еды, уход за собой...

– Это ты, Эль? Ты была на занятиях?

Конечно, у мамы сохранились ее прекрасные волосы, но теперь они стали седыми. На бледном лице застыла восковая маска, заострив морщины и парализовав выражение чувств. Она оставалась собой, но мне с трудом подчас удавалось признать в ней ту маму, которую я знала раньше, обаятельную и самую лучшую в мире, сумевшую сделать мое детство без отца беззаботным и радостным.

Бывали дни, когда она не снимала свой старенький, расшитый узорами домашний халат. Незначительная деталь, вроде ничего особенного, но это доводило меня до слез. Я никогда не плакала при ней, давая волю чувствам лишь вечером, уже в своей комнате.

– Нет, Соня предложила работу, которую подыскала специально для меня.

– Ну и как? Интересная?

– Вроде да... или нет... Пока не знаю.

Мама не уставала без конца благодарить меня и хвалиться каждому, кто хотел ее слушать, что она произвела на свет такую заботливую дочь. А я вспоминала далекое детство, то время, когда она уходила на заработки задолго до того, как я просыпалась в своей кровати; вспоминала, как на Рождество она всегда наряжала меня словно принцессу, хотя в кармане не было ни гроша; да и на мою учебу в престижном вузе она пожертвовала последние накопления, хотя имела полное право на старости лет тратить деньги на себя, на свое здоровье. Вот почему я старалась, как могла, поддержать, порадовать, а иногда даже побаловать мою милую мамочку.

– Посмотри, что я тебе принесла.

Я протянула ей белую коробочку со сладостями, перевязанную бирюзовой лентой.

– Что это? – живо спросила она, предвкушая удовольствие.

– Так, конфетки с ягодным вкусом: клубника, малина, вишня...

Маме очень нравились сладости из Парижа, ни с чем не сравнимое наслаждение. Я понимала эти маленькие капризы, но иногда приходилось идти на хитрость: я покупала на бегу коробочку конфет в лавке, прямо на станции, по дороге заворачивая ее в яркую подарочную бумагу из Парижа, купленную заранее. Ведь не важно, что за сладости были в коробке, какой марки и за какую цену, главное – сопровождающий ритуал, принятый между нами и доставляющий радость обоим.

Неожиданный звонок в дверь, резкий и дребезжащий, прервал счастливые минуты нашего общения. Фелисите, наша старая кошка, уже давно не выходившая из дому, потянулась у меня на коленях и лениво мяукнула.

– Ах! Черт возьми, я забыла предупредить. Звонил Фред и сказал, что вечером заедет за тобой. Должно быть, это он.

Еле сдерживая раздражение, я пошла открывать. За калиткой на улице вырисовывался силуэт в каске, верхом на черном мотоцикле с горячим мотором в тысячу кубических сантиметров. Конечно Фред, кто же еще! Мой дружок, он ходит за мной по пятам последние три года, и он – единственный, кого я познакомила с мамой. Фред Морино – юный бездельник, большой любитель военных искусств и многоцилиндровых мотоциклов, длинный как каланча, поджарый, мускулистый, всегда затянутый в черную кожу. Единственным его достоинством, на мой взгляд, является умение безропотно переносить мое постоянное нытье. Фред – мой поклонник, как раз такой, какого можно себе позволить в наших трущобах: мрачный, подозрительный, грубоватый, в вечном конфликте с самим собой и со всем миром.

– Привет, красотка! Почему ты еще не одета?

– Одета? С какой стати?

– Как? Разве мы не идем в кино? Через двадцать минут, в Ля Дефанс. Мать тебя не предупредила?

– Нет.

– Ну, тогда поторопись!

– Фред, маме сегодня нехорошо. Я должна с ней остаться.

Мне не нужно было оборачиваться, я спиной чувствовала, как из окна над входной дверью мама наблюдает за нами.

– У нее рецидив? – сухо спросил он безо всякого сострадания.

– Нет, просто нездоровится. И к тому же мне никуда не хочется идти.

Парень бросил на меня беглый взгляд, оставаясь верхом на железном коне. Потом перевел глаза на дом и внимательно его осмотрел, думая о своем.

– Полгода назад ты иначе со мной разговаривала, так ведь?

Слова были сказаны без желчи, без обиды, скорее, как просьба объяснить происходящее. Ему хотелось понять.

– Полгода назад моя мать не была при смерти, Фред, – ответила я сквозь зубы, опасаясь, как бы она не услышала наш разговор.

– Может, ты забыла, но мы почти договорились снять на двоих квартиру?

Нет, он не жаловался на судьбу, просто решил подвести итог нашим отношениям и составить полный список своих претензий ко мне. Что ж подделаешь, надо признать, что по мере того, как разворачивались события в моей жизни, я давала ему все больше поводов для упреков.

Милая двухкомнатная квартирка, для нас двоих, со всеми удобствами, в Нантерре, мы даже съездили посмотреть несколько предложений. Но теперь мне это уже не интересно.

– Ты ведь знаешь, у меня сейчас нет средств, – я попыталась уйти от прямого ответа. – Мне нужно собрать на лечение маме. Курс в Соединенных Штатах стоит дорого, целых...

– ...двадцать пять тысяч евро, я знаю, – перебил он устало. – Ты мне говорила об этом сотню раз.

Да, курс генетической терапии стоит двадцать пять тысяч, и только в одной клинике, в Лос-Анджелесе, делают такие операции, и это – последний мамин шанс. Подобную диагностику и лечение могут себе позволить лишь звезды шоу-бизнеса и миллионеры. Да, цена за жизнь не всем по карману. Но жизнь мамы для меня бесценна, и я пошла бы на все, лишь бы ее спасти. Поэтому я решила втайне от всех записаться в «Ночные Красавицы».

– И скажу еще раз: пока я не собрала нужной суммы, все, что зарабатываю, до последнего цента, я буду отдавать ей.

Он понуро кивнул, став вдруг покорным и ручным.

Подумать только, совсем недавно я страстно любила этого парня, он был первым, кто разбудил во мне женщину, заставил трепетать и томиться мое нутро от безумного желания отдаться мужским ласкам. Но, как ни старалась, я не могла заставить себя опять испытать к нему нежные чувства. Я смотрела на Фреда и видела только исхудавшего мотоциклиста с тоскливой мольбой в глазах, готового расплакаться, лишь бы его приласкали, хотя бы из жалости.

– Ладно, пусть так. Но ты же можешь себе позволить прокатиться в кино со своим парнем?

– Не сегодня... Прошу, не упрашивай меня.

Чтобы как-то утешить, я по-дружески, тихонько погладила его по плечу. Тогда он взял мою руку в свою, решительно, но несильно.

– Эль, я знаю, почему ты стала такой, – сказал Фред сурово.

– Неужели?

За спиной я услышала, как слабо скрипнули ступени крыльца, и поняла, что мама спустилась вниз и стоит за моей спиной.

– Это не из-за болезни Мод, а из-за твоей чертовой журналистики.

– Не говори ерунды...

– Да, да! Все эти городские пижоны, эти папенькины сыночки, которые читают *«Ле Монд Дипломатик»*, которые по телику пытаются доходчиво нам объяснить, как нужно выкручиваться, чтобы найти работу! Все они запудрили тебе мозги!

– Фред, черт побери, ты не понимаешь! Они не запудрили, они взорвали мне мозг! – даже Соня не сказала бы лучше. Именно с тех пор, как наши пути разошлись, то есть сразу после окончания учебы в Нантерре, я почувствовала ту самую классовую пропасть, иначе говоря, «социальный барьер», согласно любимому выражению Жака Ширака. Для Фреда и своих бывших приятелей я стала предателем, изменив нашим принципам. Я, по их мнению, отреклась от нашего общего происхождения ради личных амбиций, переметнувшись на сторону богачей. Я пока не жила в роскоши и достатке, но уже перешла в стан врагов.

– Ну, так что с того? – хриплый голос мамы раздался за моей спиной. Она еле стояла на ступеньке, держась дрожащей рукой за перила, но всем своим видом показывала решимость броситься на Фреда. – Разве грешно стремиться к успеху? А? Чего ты хочешь? Чтобы моя дочь всю жизнь тряслась на мотоцикле у тебя за спиной? Ты это хочешь ей предложить?

– Мод, подожди, я...

– А потом что? Ты сделаешь ей детишек и куда-нибудь смоешься, потому что тебе надоест влачить жалкое существование?

– Мама...

Я обняла ее за плечи и стала осторожно поворачивать и подталкивать к двери, чтобы увести в дом. Мамино неожиданное вмешательство удивило и тронуло меня. Даже в таком состоянии у нее на уме было только одно – поддержать, защитить меня. Но ей нельзя устать. И потом, я сама должна решить проблему с Фредом Морино. Это – мое личное дело.

Переступив порог, я услышала за спиной, как взвыл мотор его болида. Фред завел машину и, нарочно прибавляя газ до оглушительного рева, исчез в ночи, даже не попрощавшись. Что ж, такова была его манера выражать чувства.

На следующий день я уезжала из пригорода по направлению в Обер уже совсем в другом настроении. Ребекка Сибони сдержала слово. Накануне поздно вечером она прислала мне короткую эсэмэску с предложением прогуляться по магазинам с целью, как она скромно выразилась, «выйти на новый уровень».

Поднимаясь по эскалатору к выходу на бульвар Османа, я сразу увидела ее худой силуэт. Приклеив сигарету в уголке рта, она держала плечом у самого уха мобильник, прохаживаясь рядом с магазином «*Printemps*». Заметив меня в толпе, Ребекка подмигнула, окинув меня с головы до ног плотоядным взглядом, который мог означать лишь одно: «Ну что, милочка, давай сделаем из тебя настоящую женщину».

Ее план был таков: прикупить мне на первое время гардеробчик, необходимый для выполнения моей миссии. Для этого нам требовалось подобрать три варианта одежды. Первый – для дневных мероприятий, в том числе для официальных приемов (антрацитовый брючный костюм от Задиг и Вольтера, нижнее белье от Обада, также черного цвета, с кружевами, выступающими из-под пиджака, кольцо из искусственного жемчуга от Агаты). Вторым вариант – узкое черное платье для коктейля, с глубоким вырезом на спине, подходящее также для приглашения на ужин после каких-нибудь заседаний для узкого круга лиц (белье пурпурного цвета от Лежаби, а также крупные серьги с полудрагоценными камнями). Третий вариант – для вечерних концертов, балов и представлений (перламутровое платье с широкой юбкой от Жана-Поля Готье, белье жемчужно-серого цвета от Ла Перла, браслет и диадема от Булгари). Добавим к этому три пары подходящих по цвету туфель, каблуки которых удлинялись на три сантиметра в зависимости от времени суток: шесть сантиметров для дневных мероприятий, девять – для вечерних, двенадцать – для ночных.

Мы, нагруженные пакетами и коробками с покупками до самого носа, уже двигались по направлению к кассе, когда я, откашлявшись, решила возразить:

– Ребекка, я, разумеется, в восторге от этих вещей, но...

Она тут же подняла вверх указательный палец, не дав мне закончить мысль, что говорило о том, что она давно ожидает этот момент:

– Не волнуйся, агентство платит за все.

Ребекка действительно что-то говорила об авансе, но о подарках речи не было.

– У меня не хватит денег, чтобы расплатиться!

– Успокойся, тебе ничего не придется тратить из своего кармана.

До меня наконец дошло. По примеру торговцев наркотиками или контрабандистов Ребекка могла позволить себе подобную щедрость вначале, чтобы компенсировать убытки потом, в будущем.

– Так вы вычтете эту сумму из моего жалованья? Так?

– Да, именно.

– И пока я с вами не расплачусь за все это, я буду работать бесплатно?

Она обернулась, посмотрела на меня с интересом и рассмеялась глухим замогильным голосом:

– Сначала я подумала, что из вас двоих ты – самая хорошенькая. Теперь с удовольствием готова признать, что и самая смышленная.

Может, и смышленная, но тем не менее попавшая в кабалу со всеми потрохами.

Однако как только Ребекка переложила мне в охапку все блестящие, приятно пахнущие пакеты с обновками, я перестала думать о них, как о ядовитом гостинце. Я теперь видела в них надежду на благополучную сытую жизнь, рисуя в своем воображении светлое будущее, когда я перестану зависеть от Ребекки Сибони и смогу позволить себе покупать любые роскошные вещи за свои деньги.

Фред был прав. Я уже по другую сторону баррикад. И к тому же не испытываю ни малейшего желания вернуться обратно.

5

Апрель 2009-го

– Вот теперь можете открыть глаза, Эль.

Как он совершил такое чудо? Наполненный многочисленной прислугой огромный зал, где обедало полсотни гостей, полностью опустел за двадцать секунд. Мы с ним остались вдвоем, только он и я, посреди початых бутылок золотистого шампанского, окруженных волшебным сиянием от мерцающих огней множества свечей. Их мягкое свечение распространилось вдоль столов, заменив собой парадное освещение, которое мгновение тому назад струилось с потолка. Серебряные звуки старинного клавесина, негромко доносившиеся из соседнего салона, складывались в нечто, напоминающее пьесу Рамо, создавая вокруг нас завораживающую атмосферу.

– Но как? Как вы это сделали?

Его мягкий голос, волшебный голос знаменитого исполнителя Сида и Фанфана-Тюльпана, пленивший меня еще в детстве! На этот счет у меня была своя теория: в какой-то степени внешность и физические данные индивида определяют тембр его голоса, хотя у каждого он звучит на свой манер. Голос Дэвида Барле был очень похож на голос Жерара Филипа, но к нему добавлялась и более мощная, глубокая модуляция, которая продолжала звучать в воздухе даже после того, как последнее слово было произнесено. Удивительно молодой, трогательно юный, как и его прототип, но, тем не менее, с отзвуками баса или, по крайней мере, баритона, ясный и одновременно насыщенный по тону.

Теперь я точно знаю, что голос мужчины, его голос пробуждает во мне желание. Его голос стал для меня как секс-игрушка, каждой произнесенной фразой он щекотал мой клитор.

Интересно, есть ли Рэббит на французском языке ...

*(написано незнакомым почерком 15/04/2009,
речь идет о голосе Дэвида, я не сомневаюсь...)*

За несколько мгновений до этого, а знакомы к тому времени мы были не более получаса, он попросил меня на минуту закрыть глаза. Единственное, что я успела заметить, как он шепнул что-то на ухо мажордому, облаченному в черный фрак, и быстро передал нашему соседу по столу визитную карточку, на чистой стороне которой виднелись неразборчивые каракули. Спустя мгновение произошло чудо. Дэвид умел это делать. Он был настоящим волшебником. С тех пор я не сомневалась, что он всемогущ.

После того как мы с Ребеккой прошлись по магазинам, агентство регулярно прибегало к моим услугам, не менее одного-двух раз в неделю. Как мы и договорились во время первой встречи, в основном мне приходилось надевать один из моих роскошных нарядов, купленных в бутике, и дефилировать под ручку с каким-нибудь солидным господином в два, а то и в три раза старше меня. Высокие каблуки экстравагантных туфель заставляли меня держать спину прямо, выпятив вперед грудь, гордо запрокинув назад голову, как ходят настоящие примы-балерины. Так я проводила все вечера, настолько же пышно обставленные, насколько и скучные. Единственное, что было мне интересно, так это посмотреть изнутри самые красивые здания столицы: дорогие отели, министерства, другие шедевры архитектуры, предназначенные для узкого круга избранных, – а также прислушаться краем уха к приватным раз-

говорам, мое журналистское чутье не могло оставаться равнодушным к светским сплетням, все-все откладывалось в глубине памяти.

Очень редко кто-нибудь из гостей пытался вовлечь меня в разговор. Чаще всего они ограничивались комплиментами по поводу моих туалетов, грации, обходительности и прочего, прекрасно понимая, какую роль я играю в этом спектакле, находясь рядом с их собеседником в качестве сопровождающего лица. Меня это не обижало. Я знала себе цену. Терпеливо играя второстепенную роль, я только и ждала окончания мероприятия, чтобы получить причитающуюся сумму. Я старалась не лезть из кожи вон и не тратить на эту комедию больше сил, чем она того заслуживала.

Накануне одной такой встречи Соня спросила меня: «Ну, как твои успехи? Нашла что-нибудь?» Дело в том, что, получив наконец свой диплом, я обегала всю столицу в поисках телекомпании, где мне предложили бы место диктора или ведущей передачи. Попасть на телевидение для меня было приоритетом, поэтому я не распространяла поиски на сферу радио или печатной прессы. Я решила, что возьмусь за них только тогда, когда исчерпаю возможности в этом сегменте СМИ. К слову сказать, я не упустила ни один канал, ни одну передачу, даже из тех, что почти не смотрят. Мое резюме было не хуже, чем у моих конкурентов, но каждый раз я слышала один и тот же ответ: недостаточно опыта.

– Ну и где же набраться опыта, если мне не дают такой возможности? Идиотизм какой-то! – плакалась я в жилетку своей подруги.

– Я тебя понимаю, это – глупо... И мне говорят то же самое, будто репутация примы, которая уже двадцать лет натирает паркет в Опера, для них важнее, чем задор и свежесть молоденькой балерины из кордебалета.

– «Недостаточно опыта», подумаешь! Я-то знаю, что за этим стоит!

– Что же?

– «Нет блата», вот что!

В этой системе всегда было заведено именно так: замолвить словечко, ответить любезностью на любезность, оказать дружескую услугу «авторитетным людям», как их называл какой-то комик, – так можно решить любое дело... Во Франции – это просто беда, в результате элита устраивается всегда гораздо лучше, а те, кто не входит в их круг, никогда не добьются успеха, для них дверь в благополучную жизнь закрыта: такие девушки, как я и Соня, без имени, без поддержки, без денег, обречены на убогое существование.

Стало ясно, что без рекомендаций у меня нет ни малейшего шанса устроиться в приличное место.

– Вы просто великолепны!

Этот комплимент на пороге шикарного дома в тихом уголке престижного 7-го округа Парижа мне сделал мой кавалер на сегодняшний вечер, пригласивший меня на вечер выпускников Высшей финансовой школы. Он оказался следующим в череде моих клиентов: дантист, участник международного конгресса, до него – дипломат на официальном приеме, перед ним – несколько крупных бизнесменов, еще раньше – менеджеры высшего звена известных компаний, желающие во время ежегодных корпоративов произвести впечатление на своих хозяев, гордо расхаживая перед коллегами под ручку с очаровательной красоткой.

– Спасибо, очень мило с вашей стороны, – ответила я, улыбаясь, непринужденно поправляя наряд номер два, платье от Армани, глубокое декольте которого рискованно сползало на грудь.

– Искренне говорю вам.

Франсуа Маршадо, известный журналист, освещающий события в экономической сфере, олицетворял собой экземпляр мужчины гораздо выше среднего роста: сорокалетний брюнет с остатками шевелюры по краям лысого черепа, не сильно пузатый, в просторном

костюме, подчеркивающим крепкое телосложение. Он держался как преуспевающий человек, и трудно было не обратить на это внимание.

– Вы знаете, где мы находимся? – спросил Маршадо, беря меня под руку по пути в конференц-зал.

– В здании политехнической школы.

– Именно, но мне бы хотелось прояснить ситуацию. Вы знаете, по какому случаю сегодняшней праздник?

– Не уверена. Скорее, нет...

– Конечно, Высшая финансовая школа далеко не так известна, как Высшая школа экономики и другие подобные заведения. Но большинство магнатов финансового мира вышли из этих стен. Здесь соберутся сегодня самые сливки общества, самые крупные воротилы бизнеса нашей страны. Что самое удивительное – все они принадлежат всего лишь к двум-трем выпускам этой Школы.

Пока он посвящал меня в курс дела, мы прошли в зал. Одна из дам, президент ассоциации французских предпринимателей, я узнала ее, так как много раз видела по телевизору, как она давала интервью по разным вопросам, приветствовала моего спутника дружеским жестом, держа в руке бокал шампанского.

– И какое же место вы занимаете в этом обществе?

– Они все считают меня неудачником, пятном на репутации нашего выпуска. Я – единственный, наверно, кто не открыл счет на Каймановых островах и не приобрел шале на горнолыжном курорте в Швейцарии.

– Тогда зачем вы ходите на такие вечеринки? Чтобы дать им повод посмеяться над вами?

Мое чистосердечное высказывание не огорчило его, он только коротко рассмеялся.

– Потому что мне нужна от них информация, которой они непременно захотят поделиться после бокала шампанского, а я им нужен для того, чтобы потом восхвалять антикризисные меры, которые они предлагают, дабы успокоить своих акционеров, власти и общественное мнение.

– Услуга за услугу, так, что ли?

– Именно.

Во время аперитива у меня была возможность узнать о некоторых предстоящих социальных преобразованиях в крупном автомобильном концерне, о том, что скоро на рынке появится революционная модель ультраплоского планшета и эксклюзивные мобильники, и еще кое-что, но я сделала вид, что пропустила все мимо ушей, с успехом играя роль симпатичной глупышки. Я только фиксировала услышанное в тайниках своей памяти, как учили нас преподаватели по журналистскому мастерству.

Впрочем, то, что вначале будоражило мое любопытство, вскоре наскучило до такой степени, что к тому времени, когда все отправились к накрытым столам, я думала только о том, чтобы скорее освободиться, сразу после десерта, проглотив на дорожку кусочек вкуснейшей лимонной меренги.

Мне часто снится один и тот же эротический сон. Как будто меня пригласили на официальный прием. А я, то ли в шутку, то ли из баловства, не стала надевать нижнее белье под платье. Оно было сильно облегающим, не заметить отсутствие бюстгалтера, а тем более трусиков под ним не представлялось возможным. При малейшем сквозняке, проникающем под шелковую ткань, я чувствовала, как воздух ласкает мою нежную плоть между ног, гладит половые губы, щекочет клитор. Мои выпуклые формы в интимных местах притягивали взгляды мужчин, которые давали мне знать, что не оставили без внимания мою шалость. Это настолько возбуждало их, что, когда я проходила мимо, они

позволяли себе, несмотря на то, что пришли с женами, дотронуться до меня, кто касался груди, кто пытался ущипнуть за попку или бедро...

Их общее возжеление волновало меня, разжигало кровь. Я казалась самой себе красивее, чем была на самом деле.

В конце концов, мне надоело фланировать между ними, и я остановилась. Тут же я почувствовала, как чья-то рука бесцеремонно проникла под платье и ласкает клитор. Незнакомец двумя пальцами раздвинул мои половые губы и обнажил влажную плоть. Я вдруг чувствую, как его пальцы резко проникают в мое тело, мне больно, и от этого я просыпаюсь. Но мне безумно хочется, чтобы он овладел мною... как во сне, так и в реальности.

(Написано неизвестным почерком 18/04/2009.)

– Я почему-то уверен, что вас весьма интересует все происходящее вокруг, но вы притворяетесь, что это не так. Или я ошибаюсь?

Я узнала его по голосу даже раньше, чем увидела воочию. Он подошел неслышно сзади и склонился над моим ухом. Вслед за тем ароматная волна приятного одеколона защекотала мне ноздри: пленительный и сильный запах, удивительная смесь лимонника, сафьяновой кожи, цветов туберозы и, кажется, ириса. Никогда раньше я не встречала подобного букета. Должно быть, ему делали парфюм на заказ. В дополнение к чарующему тембру голоса исходившее от него благоухание как нельзя лучше отражало и юношескую свежесть, и брутальную мужественность.

Он протянул мне широкую ладонь, и только тогда, подняв на него глаза, я впервые увидела его так близко.

– Дэвид Барле.

– Анна... Эль.

– Аннэль? – переспросил он. – Или Анаэль?

Он не хотел меня обидеть своим простосердечным вопросом, разве толика иронии улавливалась в интонации, но обижаться было бессмысленно, тем более что на его лице сияла широкая обворожительная улыбка.

Ребекка предлагала мне пользоваться вымышленным именем во время выполнения заданий агентства. Все девушки так делают. Соня забавлялась тем, что выбирала себе новое имя почти каждый раз, отправляясь на встречу с новым клиентом. То она называлась Брендой, то Зоэ, то Клеопатрой. Я выбрала для себя самый обычный вариант – я называла свое уменьшительное имя, полагая, что оно достаточно экстравагантное, чтобы понравиться клиентам, да и я к нему привыкла и не рисковала ошибиться, запутаться или выдать себя.

– Ни то и ни другое. Просто Эль... Как модный журнал. Анна – мое второе имя, – придумала я на ходу.

Он свалился как снег на голову на этой скучной вечеринке, так же внезапно, как попала мне в руки та статья из «*Ле Мوند*» в электричке за пару месяцев до того. Все как в сказке. Мне захотелось пощупать его, чтобы убедиться: он существует наяву. Поэтому я схватила его протянутую ладонь обеими руками.

– Мне, наверное, стоит почаще пролистывать женские журналы, – шутливо заметил он.

– Я просто так сказала... На самом деле обычно я такие журналы не читаю.

– Правда? А что вы обычно читаете?

Слева от меня восседал, видимо, какой-то магнат финансового мира, неприятный на вид, но вскоре он очень кстати встал и куда-то ушел, освободив место. Дэвид, не говоря ни слова, грациозно вскарабкался на высокий стул, не отрывая от меня своих обворожительных лазурных глаз и наслаждаясь производимым впечатлением.

– Не знаю... Обычно – новости из газет...

Я не должна показать ему, что он мне нравится! Нельзя даже заикнуться о «*Ле Мوند*»!

– Только не говорите мне, что вы читаете газетенку нашего друга Франсуа! – заявил он, повысив голос так, чтобы мой кавалер, сидящий справа от меня на высоком стуле, мог его услышать.

Тот обернулся неторопливо, изобразив на лице светскую улыбку.

– Не слушайте этого прохвоста! Он никудышный журналист. Еще в годы учебы славился тем, что писал хуже всех.

– Да, что было, то было, – добродушно согласился Барле. – Зато у меня хватало других аргументов, чтобы соблазнять дам! Не только жалкие литературные опусы.

– Да уж! В отличие от тебя, я не в рубашке родился. Должен признать, что никогда не умел работать локтями.

Оба рассмеялись, положив тем самым конец перепалке.

– Скажите, Эль, только честно, где и как вы познакомились? Вы и этот лысый черт Маршадо?

– Ну, мы...

Я представить не могла, что дело дойдет до подобных расспросов. Я очень боялась, как бы мой клиент не выдал тайну наших с ним приватных отношений. И хотя я ощущала его присутствие за своей спиной и, более того, чувствовала, что и он напрягся от этого вопроса, но он хранил молчание. Видимо, Маршадо решил предоставить мне самой выпутываться из сложившейся ситуации и тут же, не сходя с места, придумать какую-нибудь правдоподобную историю. Любой знает, что самая лучшая ложь – эта та, в которой есть хоть малая толика правды.

– Я окончила факультет журналистики.

– В Сорбонне?

– Нет, в Высшей школе журналистики. Я проходила стажировку в одном из отделов у Маршадо.

– Где вы и познакомились, – заключил Дэвид.

– Да.

Его взгляд, такой мягкий и ласковый, пока он был обращен ко мне, неожиданно стал холодным и жестким, когда Дэвид посмотрел в сторону старого приятеля. Таким взглядом можно испепелить на месте. Меня всегда поражало, как в этом человеке уживаются твердая решительность и мягкие, деликатные манеры. За одну секунду сладкий елей, струившийся из глаз, превратился в поток обжигающей лавы. Именно в эту минуту мне удалось на какое-то время выйти из-под власти его обаяния, магия которого невольно распространялась, кстати, на всех окружающих, не только на меня. Я заметила, как в странном танце все приглашенные на прием, вперемешку мужчины и женщины, словно ночные мотыльки вокруг фонаря, ходят неторопливо рядом, постепенно сужая круг, стараясь занять место где-то поблизости от нашего столика, без сомнения, привлеченные загадочной аурой Барле. Конечно, некоторые из присутствующих вполне могли бы соперничать с ним в знатности происхождения, в богатстве, в известности, но и они искали его внимания, и им хотелось погреться в лучах его славы. Каждый хотел войти в магический круг его обаяния, встать поближе, по возможности как-то обратить на себя внимание. Я почувствовала, находясь в непосредственной близости рядом с ним, что меня накрывает волна зависти и ревности, все больше взглядов обращены на меня с немим вопросом: «Почему Барле посвящает так много своего драгоценного времени какой-то незнакомке?»

«Кто это? Ты ее знаешь? – Первый раз вижу. Но если хочешь знать мое мнение, она – так себе, ничего особенного».

Я слышала этот шепот за спиной, кто-то вполголоса разговаривал где-то рядом, за соседним столиком, может быть. Я слышала какие-то гадости про себя. Кто я такая, чтобы присвоить себе звезду сегодняшней встречи? Как я осмелилась так нагло себя вести? Разве

не могла я по собственной воле сократить время общения с Дэвидом Барле, королем современных СМИ, чтобы дать возможность всем желающим пообщаться с ним?

– А где вы сейчас работаете?

Дэвид сосредоточил на мне все внимание, не проявляя ни малейшего интереса к собравшейся вокруг толпе.

Я была слишком смущена в ту минуту, чтобы воспользоваться шансом, подаренным судьбой. Я не могла поверить в свою удачу, в то, что это происходит со мной, к тому же чувствовала, что полностью нахожусь во власти человека, сидящего так близко.

– Нууу... я в поиске. У меня пока есть время.

– Вижу. Иначе говоря, у вас ничего нет.

Обычно в такой ситуации следует дать пощечину за грубость тому, кто столь безапелляционно бросает оскорбительные слова прямо в лицо. Но я почему-то продолжала сидеть, блаженно улыбаясь, ни самоуважение, ни уязвленное самолюбие во мне даже не шевельнулись.

И так как я продолжала молчать, не найдя, что ответить, он медленно поднял руку к моему лицу, ладонью ко мне, остановил на уровне глаз и, понизив голос, тихо сказал:

– Закройте глаза, я вас прошу.

– Что-что, простите?

– Вы слышали: закройте глаза. Всего на пару секунд.

– Что вы собираетесь...

– Не бойтесь, – убеждал он меня. Настолько вкрадчивым был его голос, насколько и властным.

Маршадо, отошедший на пару минут, чтобы перекинуться с кем-то парой слов, тем временем вернулся в полумрак обеденной залы для того, чтобы забрать то, что на сегодняшний вечер считал своей собственностью, то есть меня. Возможно, он полагал, что таким образом ему удастся сохранить лицо перед старым приятелем, хотя вероятно, тем самым хотел доказать, что свобода прессы пока еще не пустой звук.

Дэвид ответил ему легким поклоном, будто признал свое поражение:

– Я-то думал, что привлекать к работе стажеров не совсем правильно, но ты, Франсуа, заставил меня изменить мнение. Кстати, ты так здорово умеешь отбирать кандидатуры.

– Неужели? Так ты тоже заметил? – раздраженно ответил тот, криво усмехнувшись.

Ему, наверное, очень хотелось назвать истинную причину моего присутствия на этом приеме и таким образом сделать достоянием гласности мою подлинную сущность и род занятий, но он молчал. Второй раз за этот вечер Маршадо поступил по-честному. Впрочем, ему это тоже было выгодно. Зачем признаваться, что у тебя нет женщины и поэтому приходится нанимать ее через агентство?

– До свидания, Эль.

На прощание Дэвид протянул мне руку, и я увидела, что он дает мне визитку. Рукава его пиджака и рубашки завернулись от резкого движения, обнажив запястье, и я обратила внимание, что оно туго стянуто перламутровым шелковым платком, скрепленным специальной шнуровкой. Я невольно задержала взгляд, рассматривая это странное украшение, и тогда он поспешно сказал:

– Если вы сейчас ее не возьмете, бог знает, когда мы встретимся в следующий раз.

– Да, конечно, – пролепетала я. – Извините.

Он торопливо ушел, сопровождаемый ореолом света, так, чтобы мне окончательно стало ясно, что все произошедшее этим вечером всего лишь сон.

– Эль, не согласитесь ли вы уделить мне еще несколько минут?

Напрасно мой сегодняшний клиент постарался облечь свое приглашение в супергалантную форму, мне все равно показалось, что в этой ситуации оно более чем неуместно.

Так же некстати и даже пошло, как почесать попку у всех на виду во время пикника на пляже. Ведь для меня теперь в целом мире существовал только один мужчина, с которым я согласилась бы переспать с удовольствием. Только он один мог бы заставить меня потерять над собой контроль. И этот мужчина только что растворился в ночи.

– Почему бы и нет? – ответила я неуверенно.

– Ребекка Сибони рассказывала мне об «Отеле де Шарм». Похоже, очень милое местечко. Вы там бывали?

За последнее время я посетила его лишь два раза. Мне просто нужны были деньги. Немного ошалев от того, как легко они достаются, я все же не сомневалась, что мое временное занятие не будет иметь последствий. Никогда оно не станет привычкой и тем более – источником постоянного дохода.

Мод, Фред, Соня, Ребекка, Дэвид. Их лица проносились перед мысленным взором, сменяя друг друга. Что бы подумал или думает каждый из них о моем тайном заработке? Что бы каждый из них мне посоветовал? Ковать железо, пока горячо? Брать деньги оттуда, откуда они плывут в руки? Или смиренно вернуться домой на такси, которое мой кавалер заботливо вызвал?

Я мысленно уже представляла себе, как четыре банкноты по сто евро к концу этой ночи пополнят копилку нашего с мамой американского проекта, как вдруг, сигнализируя о полученном сообщении, запищал мобильник.

Текст эсэмэски, отправленной с незнакомого номера, подтолкнул меня к окончательному решению:

«Мы не можем расстаться так просто. Нет, я хочу сказать другое: мы больше не расстанемся никогда».

6

4 июня, 2009 года

Как сохранить в тайне наши самые сокровенные мысли? Остается надеяться, что они, запрятанные в глубины памяти, забудутся сами собой, растворившись в глубине подсознания, если мы и сами забудем об этом думать.

Одному богу известно, как так случилось, что Дэвид Барле стал для меня самым близким спустя всего несколько недель после нашей первой встречи, насколько неожиданной, настолько же и мистической. Его призыв, брошенный в самой первой эсэмэске, отправленной мне на мобильник, в действительности воплотился на все сто – мы больше не разлучались. Время от времени я возвращалась в Нантерр, к маме, на улицу Риго, но и дня не проходило, чтобы мы с ним не встретились. Пусть на бегу, где-нибудь в полдень в каком-нибудь ресторанчике недалеко от башни Барле, ультрасовременном здании из стекла и стали, построенном по его указанию лет десять назад недалеко от окружного шоссе на юге столицы, где разместились многочисленные офисы, осуществляющие деятельность его фирмы.

– Где мы сегодня встречаемся?

– В ресторане «Ле Дивелек», – сообщил он мне накануне, позвонив из машины. – Ты знаешь, где это?

Да, я знала, но до сих пор мне не приходилось бывать в этом превосходном заведении, имеющем в столице репутацию лучшего ресторана, где подают рыбные блюда и дары моря. Говорят, здесь часто ужинал покойный президент Миттеран, иногда с Мазариной, своей дочерью, о которой мало кто знал.

– Университетская улица, это там?

– Да-да. Я зарезервировал столик на 20.30, тебе подойдет?

Я в сто раз менее занятой человек, чем Дэвид, однако он был учтив и всегда интересовался, свободна ли я, хотя каждая секунда его времени стоила несколько сотен пунктов на Парижской фондовой бирже. Последние недели отражали куртуазность наших отношений в полной мере: любезность и предупредительность с обеих сторон соперничали с утонченной галантностью. Как Дэвид догадывался о моих вкусовых предпочтениях? Вряд ли он знал, какое вино я выберу по карте Сен-Жак, или о том, что я обожаю лобстеров, выдержанных в подсолённом масле, но выбор в пользу даров моря на сегодняшний вечер нельзя назвать случайным – ему это подсказала зарождающаяся любовь.

То, что раньше представлялось мне исключением, быстро стало обычным, ужин в шикарном ресторане, например, Но я пока не привыкла к роскоши. Я слишком хорошо знаю обратную сторону богатства, чтобы относиться к нему как к норме, думала я, проходя вдоль узнаваемых издали синих стекол портала у парадного входа в ресторан.

– Добрый вечер, мадемуазель. Месье Барле ждет вас за столиком.

Стоило мне войти, как метрдотель с необыкновенной любезностью поспешил навстречу, стараясь изо всех сил быть на высоте, исполняя свои нехитрые обязанности. Неслышно ступая по коврам полупустого обеденного зала, я послушно отправилась за ним к тому, кто назначил мне здесь свидание. Несколько немолодых политиков, известных журналистов, а также кое-кто из знаменитых эстрадных певцов, чьи имена сейчас уже стерлись из памяти, провожали меня взглядами.

Дэвид сидел за столиком перед кувшином белого вина, задумчиво наблюдая, как омары и прочая живность шевелят клешнями в садке, бесстрашно ожидая, пока их не кинут в бульон и не подадут к столу. Оцепенение, нападавшее на него довольно редко, улетучилось,

стоило мне появиться. Лицо озарила радостная улыбка, в искренности которой нельзя было усомниться.

– Дорогая!

Не в его привычках бросать направо и налево ласковые слова, но если он так делает, значит, легкий ужин в моей компании для него не пустяк. Аромат его особого одеколона, особенно интенсивный после трудового дня, обволакивал нас, создавая вокруг непринужденную задушевную атмосферу.

– Здесь просто замечательно.

– Да, пожалуй, – равнодушно согласился он.

Дэвид сменил тон после приветственного поцелуя с бокалом в руках и первого глотка вина.

– Не притворяйся, ты прекрасно знаешь, зачем мы тут, – сказала я, кивнув в сторону омаров, прижавшихся друг к другу в плену садка в синеватой воде.

Улыбка слетела с его губ, и на лице застыло странное, почти мучительное выражение, как будто он вдруг испугался, что я собираюсь здесь и сейчас открыть какую-то страшную тайну. Нет, Соня, все совсем не так! Дэвид Барле пока еще не предлагал мне чувственных наслаждений в чистом виде, типа русских горок, вверх-вниз в эротическом экстазе, по которым ты катаешься чуть не каждый вечер с разными партнерами. Но при всяком удобном случае он смотрел на меня с открытой юношеской улыбкой таким ласковым взором, так пленительно и вдохновенно – по образу и подобию моего любимого актера, которого природа выбрала его двойником, – что любая девушка на моем месте с радостью последовала бы за ним хоть на край света.

– Первое блюдо нашего меню – «Синий омар», – торжественно объявил подошедший с двумя искусно сервированными тарелками официант.

Специальным сачком он выловил из садка омара для Дэвида. Я, как ребенок при виде любимого лакомства, не могла унять дрожь, мне не терпелось скорее попробовать кушанье. Раньше я не знала о таком способе приготовления этого блюда. Дэвид все время изобретал что-то новенькое, чтобы побаловать меня, но сегодня превзошел сам себя, предложив самый изысканный вариант парижской кухни.

– Хм, – улыбнулся он, – ты раньше такое пробовала?

– Горячий омар с кусочками топинамбура в свекольном соусе, – уточнил официант в черном жилете, с ослепительно белой салфеткой на руке. – Приятного аппетита, мадам. Приятного аппетита, месье.

– Спасибо.

Не подумайте, что я настолько неотесанна. Я прекрасно знаю, что в подобного рода заведениях не принято благодарить персонал. Нельзя давать тем же официантам повод думать, что вы стоите с ними на одной доске. Но не важно! Я чувствовала себя так легко и непринужденно в своем маленьком черном платье из мягкой шерсти, надетом по совету Ребекки (для тех случаев, когда «планируешь закончить вечер в нежных объятиях»), возможно, чересчур облегающем и (уж точно!) слишком коротком для этого изысканного места. Впрочем, именно ему я обязана настойчивым взглядам, брошенным как бы невзначай в мою сторону мужчинами за соседними столиками. Хотя, может быть, за этими взглядами таилось недоумение, что, дескать, знаменитый холостяк Барле, за которым увлеченно охотятся все молодые красотки Парижа, делает тут в обществе такой невзрачной простушки, которая, ко всему прочему, одета чересчур откровенно? Подобное неодобрение на мой счет ощущалось всякий раз, когда мы появлялись вместе в публичных местах. Правда, Дэвид старался меня в этом разуверить.

Ну и что! Мне наплевать на эти глупости. Уже немного захмелевшая от великолепного вина, выбранного моим кавалером, я прекрасно себя чувствовала в тот вечер.

– Изумительно! – воскликнула я, попробовав кусочек и ощутив пикантный вкус и нежную текстуру.

– Как думаешь, твоя мама не стала бы возражать, если бы я похитил тебя на сегодняшний вечер?

Он протянул через стол руку и прикрыл своей ладонью мою. Мне нравилось ощущать эту тяжесть, словно она была предвестником другого союза – соития наших тел. «Когда он всей своей тяжестью обрушится на меня, я отдамся ему целиком, раздавленная под его натиском...» От этих мыслей меня бросило в дрожь, но не настолько сильно, чтобы у меня появилось желание выбросить их из головы до конца ужина.

Я была бы рада, если бы он увлек меня в туалет и там овладел мною стоя, прижав к стене. Я бы приспустила трусики ниже колен, а его нетерпеливый член вонзился бы в меня, преодолев сопротивление ягодиц, быстро и грубо, без лишних разговоров и принятых ритуалов, торопясь утолить страсть остро возникшего вожделения.

Я никогда и ни с кем не занималась сексом в общественном туалете. Обычно я внушала мужчинам благородные чувства, восхищение, почитание и все такое, мне и самой нравился высокий стиль отношений. Но я бы не возражала, если хотя бы раз хоть один из них овладел мною жадно, украдкой, второпях, воспользовавшись мной как существом, созданным только для удовлетворения похоти, для убления плотской страсти и больше ни для чего. В конце я бы встала перед ним на колени на холодный кафельный пол, его взбухший от жарких прикосновений фаллос протаранил бы себе путь, заставив меня разжать зубы. Он бы крепко обхватил мою голову руками и вонзил свой стальной член мне в самое горло, двигаясь взад-вперед, все ускоряя темп, торопясь кончить до того, как появится другой посетитель. Несколько быстрых ритмичных движений, прерывистое дыхание, и наступивший оргазм вырвал бы из его груди приглушенные хрипы. Мне осталось бы сполоснуть рот от остатков излившейся в изобилии спермы и вернуться к столу. Потом еще долго на губах ощущался бы восхитительный аромат его возбужденной плоти, любое блюдо сопровождалось бы этим особым привкусом удовлетворенной страсти.

(Написано незнакомым почерком 05/06/2009.)

Со мной когда-нибудь такое случится? Надеюсь, что да...)

Я обратила внимание на этот феномен с самого начала, а со временем предположения полностью подтвердились: содержание пошлых записочек от моего мучителя на какое-то время предвосхищали реальные события моей жизни. Они естественным образом вплетались в ход вещей буквально до минуты, отражая мысли, которые могли прийти мне в голову. Может быть, таинственный незнакомец был здесь, в этом ресторане, именно в этот час? Может быть, он следил за мной?

Разумеется, я никогда не рассказывала Дэвиду о том, что сотрудничаю с агентством «Ночных Красавиц», но еще больше я боялась ему признаться в преступных связях с анонимным психом, который докапывался до моих скрытых мыслей и тайных побуждений. А ведь первый раунд он уже у меня выиграл, ему удалось проникнуть в укромные уголки моего сознания.

– Твоя матушка... ты бы хотела вернуться сегодня к ней? – повторил Дэвид свой вопрос.

– Нет, вовсе необязательно, – ответила я с полным ртом, солгав лишь наполовину.

Да, я в совершенстве овладела искусством скрывать информацию... Едва ли я много рассказывала Мод о волшебном появлении Дэвида в моей жизни. Особенно я следила за тем, чтобы не сболтнуть случайно его фамилию, боясь, как бы она не идентифицировала моего нового ухажера с необыкновенно приятным молодым бизнесменом, мелькавшим время от

времени на маленьком экране телевизора. Я сказала ей только то, что было необходимо, чтобы успокоить материнское сердце: некий Дэвид, галантный молодой человек из благополучной семьи, занял в моей душе место, когда-то принадлежавшее Фреду. Этого оказалось вполне достаточно, чтобы унять мамины расспросы, а мне предоставить возможность как можно дальше отодвинуть мгновение, когда неизбежно придут в соприкосновение два моих таких разных мира, пока не связанных между собой. Я понимала, что рано или поздно это должно случиться,

– Ты права, потрясающе вкусно, – согласился он, смакуя во рту кусочек топинамбура в соусе и жмурясь от удовольствия.

...А как иначе восстановить репутацию несправедливо непопулярного овоща?

Деньги ничего не значили для нас. Дэвид представлял собой живой банковский счет, достаточно солидный, чтобы мы могли позволять себе такую пирушку хоть каждый день, если бы нам захотелось. Он обладал тем, что нельзя сравнить ни с баснословным выигрышем в лотерею, ни с самой удачной финансовой аферой на бирже, а именно – хорошим образованием. Как раз этого всегда не хватало Фреду, хотя он любил меня искренне и бескорыстно.

Продолжение ужина оказалось на высоте, не менее утонченно, чем изысканное начало: мясо омара в горшочке с черным перцем, потом омар на гриле, в соусе из клешней, отваренных в шампанском. Этот соус вызвал у меня такой восторг, что я не смогла сдержать возгласа восхищения, причмокивая от удовольствия языком и наслаждаясь пузырьками игристого вина, щекотавшими нёбо.

– С ума сойти! – пролепетала я, а он осторожно вытер салфеткой каплю соуса, прилипшую к моей верхней губе на границе с веснушками.

Дэвид был счастлив, наблюдая мой гастрономический экстаз. Ему доставляло гораздо больше удовольствия видеть, как я наслаждаюсь деликатесами, смакуя каждый кусочек, исчезающий во рту, чем самому испытывать те же чувства. Он предоставил мне право наслаждаться изысканным кушаньем вместо себя, а я со своей стороны была счастлива угождать любимому и, ввиду отсутствия у него желания чревоугодничать, стремилась всячески ублажить его, тем более что мне ничего не стоило предоставить моим вкусовым рецепторам, не избалованным вкусной едой, вдоволь насладиться божественным вкусом изысканных блюд, в то время как его рецепторы, в какой-то степени пресыщенные излишествами, были неспособны радоваться происходящему.

– Нет, я серьезно... Как бы мне хотелось научиться так вкусно готовить.

– В самом деле?

– А ты что, против?

– Да нет, – усмехнулся он.

С тех пор как мы познакомились, не так уж часто мне представлялась возможность продемонстрировать ему свои скромные кулинарные способности, слабое подобие тех, которыми обладала моя матушка. В отношении питания, так же, впрочем, как и во всем остальном, я позволила вовлечь себя в чудесный водоворот, который он производил вокруг, казалось, безо всяких усилий. Мне оставалось, не сопротивляясь, плыть, что называется, по течению. Теперь, вспоминая о том времени, мне кажется, что «водоворот» – не слишком удачно подобранный термин. Мне, начинающему бумагомараке, следовало бы поднапрячься и придумать более мощное слово и более сильный образ, «торнадо», например. Тем более если иметь в виду, что головокружительный поток, в который я вольно или невольно попала, нес меня вверх, от чего захватывало дух и темнело в глазах.

Дэвид жестом подозвал официанта и что-то прошептал ему на ухо.

– Только не говори, что ты заказал еще вина, я и так уже пьяна в стельку.

– В стельку? – передразнил он и весело, от души, рассмеялся. – Если ты будешь по-прежнему вставлять словечки из лексикона своей мамы, берегись! В следующий раз я приглашу ее вместо тебя.

Пока мы пререкались, официант исчез, но быстро вернулся, держа в руках сложенный вчетверо листок бумаги. К моему великому удивлению, он протянул мне его со словами:

– Мадемуазель, это – вам, с благодарностью от шеф-повара.

– Спасибо, – пролепетала я.

По залу пронесся шепоток: подобного никогда еще не было, чтобы ни с того ни с сего известный повар вдруг раскрывал кулинарный рецепт посетителям. А уж тем более в таком гастрономическом храме, как этот ресторан. Но Дэвиду оказалось достаточно выразить пожелание, и дирекция тут же беспрекословно подчинилась ему. И исполнила мой каприз. Я покраснела от замешательства и одновременно от удовольствия.

– Не смущайся, – произнес мой волшебный принц, – завтра же я попрошу Армана предоставить кухню в твое распоряжение.

Вызов брошен. Арман – его человек, его дворецкий, управляющий, его секретарь и поверенный, короче говоря, тот, благодаря кому все бытовые проблемы месье Барле решались без промедления, без проблем и с учетом малейших деталей. Я скорчила недовольную мину в надежде тронуть его сердце:

– Ты не боишься остаться разочарованным?

– Да нет, конечно! Ну что, пойдем?

Вот он всегда так: резко встал и заторопился, вмиг рассеяв дымку очарования, которую сам же и создал. В одном лице – волшебный дух лампы и ураган, способный развеять этот дух по ветру в считанные мгновения.

Видимо, банкнота, небрежно оставленная Дэвидом на столике, высоко котиновалась, потому что официанты в высшей степени любезно проводили нас к выходу, дав возможность покинуть зал быстро, но без суеты, что было как нельзя кстати, так как взгляды, брошенные нам вслед, не отличались доброжелательностью. Около парадного подъезда вышагивал человек в ливрее и блестящих ботинках, в обязанность которого входило подгонять под козырек машины клиентов. Против ожидания, он не бросился к нам с ключами от зажигания, но протянул Дэвиду аккуратно сложенную накидку из тонкой шерсти цвета морской волны. Мой кавалер развернул ее и уверенно набросил мне на плечи.

– Разве мы не поедем на машине? – удивилась я и, оглянувшись вокруг, не увидела рядом его черного «Ягуара».

– Нет, пройдемся пешком, если ты, конечно, не возражаешь.

Пока мы поглощали омаров, наступил вечер, но, несмотря на прохладу, погода располагала к прогулке. Дэвид обнял меня за талию. Его крепкая рука уверенно легла на пухленькую, аппетитную округлость моего бедра. Он повел меня по улице Фабер к набережной, в противоположном направлении от Дворца инвалидов, чей золотой купол сиял в лучах заходящего солнца. Когда-то я дала себе слово не позволять никому управлять собой, но, идя с Дэвидом, испытывала удовольствие от того, что подчиняюсь его воле. Риск потерять саму себя мне представлялся незначительным, настолько его действия и слова обладали характерной для людей этого круга решительной силой и уверенностью. Подушка безопасности в виде банковского счета и полезные связи нивелировали любое препятствие, позволяя решать все проблемы без особых усилий.

Мне было приятно, что меня ведут, и сопротивляться совсем не хотелось. Единственное, о чем я сожалела, что его ухаживания ничем не закончатся: ни напором страсти, ни просто поцелуем. Пройдясь по набережной Орсе и не проронив по дороге ни слова, мы свернули направо, к мосту Александра III, одному из самых красивых архитектурных сооружений в городе. У основания фонарного столба три херувима, взявшись за руки, кружились в веселом танце сарабанда, эта живописная группа называется «Круг любви». Перейдя через элегантное одноарочное сооружение из серого камня и стали, построенного к Всемирной выставке 1900 года, мы оказались на противоположной стороне, на правом берегу, и, спустившись на несколько ступеней вниз, попали на пристань.

— Знаешь, — сказала я шутливо. — Я, конечно, провинциалка, но, представь себе, как-то раз уже каталась на речном пароходике.

Вместо ответа он показал мне рукой на небольшое судно, качающееся на волнах чуть поодаль. То была небольшая баржа, недавно отреставрированная, с блестящими свежешкрашенными бортами бутылочного цвета, покрытыми морским лаком. На корме под навесом, вторя ритму речной волны, дрожало и переливалось пламя множества свечей. Ничего общего с простенькими прогулочными кораблями для туристов. Рядом с трапом по стойке «смирно» стоял мажордом в парадной ливрее и белых перчатках. Увидев нас, он низко поклонился:

— Мадемуазель, месье Барле...

Я была поражена, но не хотела этого показывать. Пролепетав «добрый вечер», я ступила на блестящие доски лакированной палубы, Дэвид — за мной следом, и тут же послышались первые аккорды концерта Вивальди в исполнении струнного квартета, расположившегося за парусиновым тентом. Мне стало смешно, но от меня, очевидно, ждали другого — в такой момент полагалось застыть на месте от восторга, глядя круглыми от восхищения глазами на весь этот балаган. Надо же додуматься использовать столь банальные штампы! Дэвид прочитал мои мысли и нашел, что сказать:

— Белая лошадь сегодня не придет, у нее насморк. Надеюсь, ты ее простишь.

— Гм, — я сделала вид, что приняла всерьез его слова, — скажи ей, что инспектор из страховой компании придет проверить, действительно ли у нее простуда или она симулирует.

Дэвид прыснул от смеха, но пообещал передать мое предупреждение и добавил:

— Если тебя не затруднит, обрати внимание...

Обернувшись, я увидела, как слуга откинул парусиновый полог, и моему взору предстала такая картина: небольшой круглый столик, покрытый простой белой скатертью, на нем — две свечи, два бокала и бутылка шампанского, рядом — два садовых стула в той же гамме, что и корма. Я успела заметить, что окруженная парусиновой занавеской столовая композиция лишена крыши, над столом сияло ночное небо Парижа, усыпанное звездами.

— Сразу хочу тебя предупредить, вряд ли я смогу проглотить нечто большее, чем пару пузырьков шампанского.

— Ну и хорошо! Мне только это и надо!

— Как? И все? Ничего другого? — жеманно уточнила я, сделав вид, что огорчена, что рассчитывала на большее.

Тогда он взял мою руку и стал осторожно гладить, так нежно, так ласково, что я почти не ощущала прикосновений его мягких пальцев.

Тем временем баржа отчалила от берега и устремилась в ночные воды, о чем свидетельствовал чуть слышный шум двигателя, от которого наши бокалы на столе принялись тихонечко дребезжать, добавляя хрустальный перезвон к звучанию струнных инструментов. К тому времени, когда он открыл бутылку шампанского, мы уже оставили позади красующиеся в лучах ночной подсветки площадь Согласия и Бурбонский дворец, где заседает Национальная ассамблея, и проплывали мимо арочных витражей музея Орсе, также подсвечен-

ных прожекторами, установленными у основания здания и направленными на фасад. Что касается банальности, на которую я обратила внимание с самого начала, то я бы согласилась, пожалуй, каждый день погружаться в подобную атмосферу, так стоит ли строить из себя интеллектуалку и пренебрегать предложенной мне ролью? Вряд ли он хотел надо мной посмеяться, да я бы и не позволила. Но разве нашелся хоть кто-нибудь, кто отказался бы принять участие в роскошной постановке, которая разыгрывалась в эти минуты на борту частной баржи? Так кто я такая, чтобы высмеивать происходящее? Ведь тысячи девушек в эти минуты мечтали бы оказаться на моем месте.

Подведя итог своим размышлениям, я тяжело вздохнула, признав собственное поражение, потом улыбнулась. Эта улыбка – самое малое, что заслуживала его нехитрая уловка.

– Итак, за что пьем? – спросила я, протянув к нему наполненный бокал.

– Подожди немного...

Странно! Он, всегда такой уверенный в себе, в этот миг, как мне показалось, был застигнут врасплох моим предложением произнести тост под хрустальный звон бокалов. Наш уютный кораблик проплывал мимо картинных пейзажей ночного Парижа, а Дэвид смотрел по сторонам и словно что-то искал взглядом, но не мог найти.

– Почему не сейчас? У нас что, еще куча времени в запасе? – поддразнивала я его, впервые почувствовав, что владею ситуацией лучше, чем он, и это мне нравилось.

– Нет, дело в другом. Просто я жду, когда... – он подыскивал нужное слово: – ...когда наступит подходящий момент.

А мне казалось, что сейчас самое время приступить к делу. Мы проплывали под мостом Искусств, его ажурная арка, служившая парижанам пешеходным переходом через Сену, давно стала местом романтических свиданий. Подняв голову, даже отсюда, с реки, можно было заметить множество замков любви, развешанных влюбленными парочками на чугунных перилах моста. Так все делают в самом начале романа, в короткую эпоху расцвета любовных отношений, наивно полагая, что благодаря этому им удастся сохранить чувства друг к другу навечно. Замки на перилах – своего рода залог верности и нерушимости клятвы. Должно быть, их вечные соседи, собравшиеся на набережной Конти под куполом Французской академии, только ухмыляются, наблюдая за этими глупостями.

– А мне кажется, все остальные придерживаются противоположного мнения!

Как раз в тот момент, когда мы проплывали под чугунной аркой, с моста в наш адрес прозвучал дружный хор приветственных возгласов, в котором явственно различались ноты зависти и восхищения. Да, конечно, подобные сцены можно увидеть только в кино, но в этот вечер все происходило в реальной жизни, и я была главной героиней.

Интересно, кто-нибудь из пришедших сегодня на мост парочек уже занимался любовью прямо здесь, спрятавшись от посторонних взглядов за деревом или фонарным столбом?

Одна моя подруга призналась, что она со своим приятелем как-то раз принимала участие в таком неофициальном конкурсе, устроенном несколько лет назад в Интернете среди молодых парочек. Речь шла о том, чтобы заняться сексом где-нибудь в людном месте, чтобы вокруг оказалось много народу, или чтобы место было связано с историческими событиями или поражало своей уникальностью. Процесс требовалось заснять, а потом разместить в Интернете. Со своим партнером она занималась любовью сначала в подземном паркинге в Центре Помпиду, потом на Елисейских Полях, на разделительной полосе, среди кустиков, а затем (собственно, последний эпизод и стал шедевром их открытого секса), на задней подножке автобуса, битком набитого иностранными туристами, прямо

на перилах. Кстати, туристы, восхищенно глаза на вечерние огни города, даже не обратили внимания на этот эротический сеанс.

(Написано незнакомым почерком 05/06/2009.

О ком речь? Скорее всего, о Соне.)

Мы проплывали мимо сквера Вер Галан на оконечности острова Сите, разделявшего зеленым язычком поток реки на две части, а Дэвид все еще находился в прострации. Прошло еще какое-то время, и он, очнувшись, сказал:

– Анабель, я...

На его лице, обычно энергичном, сияющем уверенностью, появилось грустное выражение, глаза потухли. Таким я его никогда раньше не видела. Мне нужно было раньше догадаться, нельзя быть до такой степени слепой и глухой, чтобы не заметить то, что любому постороннему уже давно бросилось бы в глаза.

– Я слушаю тебя.

– Видишь ли, принято считать, что такого рода предложения не падают с неба как снег на голову...

– Я не пойму, о чем ты?

Должно быть, мое лицо в эти минуты походило на одну из тех театральных масок, что украшают каменные опоры моста Пон Неф: полустертые от времени горгульи то ли плачут, то ли смеются, то ли радуются чему-то, то ли застыли от страха. Наша баржа как раз проплывала под полукруглым сводом моста, и я вдруг почувствовала, как нас засасывает под арку. Мне показалось, что моторы прибавили мощности... или предстоящее откровение Дэвида потянуло нас вперед, но мы ощутимо стали плыть гораздо быстрее.

Что он собрался мне сообщить? Следующий сильный толчок нашего судна вызвал у меня дрожь, и я не смогла ее сдержать. Тогда он встал, подошел ко мне сзади, поправил накидку на плечах и нежно поцеловал в затылок.

– Как бы ты не простудилась...

– Мне бы этого не хотелось, – ответила я не задумываясь, шутливым тоном, который вошел у меня в привычку.

В эти минуты наша баржа преодолевала ту часть Сены, где ее узкий рукав, омывающий остров Сите, практически теряет свое очарование: голая набережная, лишенная какой-либо растительности, и хмурый силуэт серого здания, знаменитое Полицейское управление. Оно казалось еще более мрачным из-за того, что в этом месте в реке много мусора и грязи, а ровное течение прерывается многочисленными водоворотами. Неужели мой поклонник закончит свои дни в этих стенах?

Нет! Разумеется, нет, если я никому не скажу о его преступной деятельности...

Слева от меня на фоне ночного неба проступили силуэты обеих башен собора Парижской Богоматери, отчего пейзаж стал более привлекательным. Неожиданно в этот момент откуда-то сверху послышалось жужжание, как будто огромное насекомое закружилось над головой, прямо над нашим столиком. Мой попутчик, как я ожидала, должен был, по крайней мере, удивиться или рефлекторно взглянуть на причину назойливого жужжания, но я ясно увидела улыбку на его лице и услышала вздох облегчения.

– Что это такое? Кто это?

Подняв глаза, я увидела, что причиной шума стал механический предмет черного цвета с вращающимися лопастями, размером с обеденную тарелку. Он застыл как раз в середине отверстия нашего шатра, метрах в трех от стола... Я догадалась: это был беспилотный самолет, авиамодель!

Он производил столько шума, что чайки, кружившие над баржой с самого начала нашего путешествия, разлетелись. Но кто же мог управлять этим дроном? Он тем време-

нем медленно снижался и с величайшей осторожностью, ведомый опытной рукой, завис над столом. Металлические скобы пластикового контейнера, закрепленного у него под брюхом, разомкнулись с характерным сухим скрежетом, и оттуда выпала маленькая коробочка, обернутая лентой. Она приземлилась на скатерть, прямо мне под нос, мягко, почти бесшумно.

– Говорят, что подобные предложения не падают с неба, – повторил Дэвид. – Но для тебя мне захотелось сделать исключение. Смотри: прямо с неба.

Как замороженная я смотрела то на коробочку, то на Дэвида. Он сделал мне знак, предлагая посмотреть, что там внутри. Я схватила ее и стала торопливо развязывать ленточку, пока еще не совсем поверив в происходящее. Его милая шалость позволила нам уйти от банальности, подняться выше пошлых грез о принцах и принцессах, к чему я всегда относилась с некоторым пренебрежением.

– Давай, Эль, – приободрил он меня своим неповторимым бархатным голосом, как у героев фильмов Кристиан-Жака или Марселя Карне. – Не бойся, открой ее!

Так вот что он скрывал от меня в последнее время! Как мне теперь показать, что я и думать не думала о готовящемся сюрпризе? Выразить полное удивление и восторг? Притвориться, что не верю ему? Наверное, в этот момент я выглядела смешно. Развернув золотую бумагу, я обнаружила черный бархатный футляр, в котором лежало кольцо из розового золота с бриллиантами. С первого взгляда мне стало ясно, что подобного рода роскошь я раньше не то что в руках не держала, но даже не видела: тонкое сочетание простоты изящной оправы и ювелирной обработки бриллиантов, с одной стороны, а с другой – изысканность и несомненная ценность материала. И даже больше: каждая грань, каждый блик отраженного света свидетельствовали о том, что у кольца есть история. Такое не могло выставляться в витрине ювелирного салона, оно хранило в себе память его прежних обладательниц.

– Это кольцо принадлежало Гортензии, моей матери, – серьезно ответил Дэвид на мой вопросительный взгляд. – А до нее – моей бабушке. Если захочешь, то будешь третьей женщиной в нашей семье, кто носил это обручальное кольцо. Я попрошу, чтобы его сделали под твой размер.

Мама и бабушка. Наша семья. Обручальное кольцо... Мой истощенный мозг отказывался воспринимать суть, я слышала только ключевые слова, да и они вели себя странно: сталкивались друг с другом и разлетались в разные стороны, как в бильярде, и в этом не было ничего смешного. В висках в сумасшедшем темпе стучала кровь, мне даже показалось, что веснушки на моем лице покраснели и стали пульсировать, как сигнал тревоги.

– Обручальное кольцо? – я сделала вид, что не понимаю, о чем речь.

– Да, кольцо, которое надевают при обручении. Перед свадьбой его снимают, а потом надевают на пальчик во время бракосочетания. Такая у нас традиция.

Чтобы я скорее вникла в смысл его слов, он достал колечко из футляра и попытался надеть его на безымянный палец моей руки.

– Подожди... Нет!

Я резко отдернула руку, но сразу же поняла, насколько обидным мог ему показаться этот невольный жест. Однако Дэвид сам стал извиняться передо мной.

– Прости... Я, как всегда, тороплю события.

Вокруг собора, несмотря на поздний час, толпой бродили зеваки. Наверное, многие заметили, что происходит на нашей барже, под пологом, у столика, накрытого на двоих. Некоторые принялись неистово аплодировать и что-то нам кричать с берега. Видимо, они решили, что это спектакль, дополнительный бонус к их программе романтической прогулки по ночному Парижу.

Поняв нелепость ситуации, я совершенно неожиданно даже для себя расхохоталась.

– Что тут смешного? Тебе весело?

– Нет! Вовсе нет! – я не могла, к сожалению, справиться с собой и продолжала хихикать. – Право, не знаю, все это настолько ...

Неожиданно. Потрясающе. Изумительно красиво. Фантастически приятно. И при всем при том как-то по-мещански. Я даже не могла разобраться, какие чувства испытываю в данный момент в большей степени. Разве что признательность. Она переполняла все мое существо, я чувствовала, как внутри меня разливается теплая мягкая волна и заполняет каждую клеточку тела. Появилась уверенность, что с Дэвидом моя жизнь отныне станет такой же спокойной, гладкой и романтически приятной, как река, на волнах которой мы в эту минуту мирно покачивались.

Мадам Анабель Барле. Неужели это – я, обыкновенная девушка, вечно в пути между Парижем и Нантерром в трясущейся электричке.

– Мне не нужен твой ответ прямо сейчас. Обдумай.

– Да... Но я хочу сказать: спасибо тебе. Спасибо, что решил согласовать это дело со мной, – добавила я сухо, взяв себя в руки.

В это время что-то произошло. Я не могла понять, что именно, но что-то пошло не так в безукоризненном спектакле, какая-то деталь прозвучала фальшиво. Мажордом, до того времени державшийся в тени, подошел к столику, чтобы долить в бокалы вина, хотя мы почти не пили.

Пузырики шампанского оживились и поползли вверх, быстро отрываясь от стенки хрустального бокала. Они напомнили мне вчерашний день и моего последнего, как я поклялась себе, клиента. Как по цепочке, это воспоминание привело к другому – к тому дню, когда мы с Дэвидом познакомились. Я долго пыталась заглушить память об обстоятельствах, при которых произошла наша встреча, спрятать эти воспоминания подальше от самой себя.

Но если Франсуа Маршадо, старый приятель моего будущего мужа, два раза в неделю его партнер по теннису в последние годы, мужчина, с которым я переспала в тот самый вечер, когда Дэвид Барле вошел в мою жизнь... А что, если Франсуа заговорит? «Ночные Красавицы», выбор по каталогу, номер в гостинице «Отель де Шарм».

– Хорошо, договорились, – продолжил тот, кто ничего не знал о моих ночных похождениях. – Я не хочу давить на тебя, но если ты будешь долго думать... Я бы предпочел назначить день свадьбы на ближайшее время.

Ну что я могла прочесть за этой улыбкой, такой жизнерадостной, лучистой, чистосердечной и такой далекой от всех моих мерзких воспоминаний? Какой намек, какой скрытый смысл ускользнул от меня?

– Что ты имеешь в виду, говоря «на ближайшее время»? – спросила я ледяным тоном. Впрочем, он тактично сделал вид, что не заметил этого.

– На восемнадцатое июня.

Это же день моего рождения! Мне исполнится двадцать три.

Мадемуазель Анабель Лоран, согласны ли вы стать женой месье Дэвида Барле, здесь присутствующего, и до конца дней добровольно связать себя с ним в том возрасте, когда вам бы пристало вести жизнь легкую, без забот и обязанностей?

– Но ведь это чуть ли не завтра! – воскликнула я, сильно преувеличив.

– Знаю. Но это не должно тебя волновать: если ты согласна, мы сыграем свадьбу у нас.

– У вас? В вашем особняке Дюшенуа?

– Именно. Арман все устроит. Тебе только надо дать ему список приглашенных с твоей стороны. Ну и, разумеется, подписать кое-какие бумаги.

Я не могла позволить ему томиться в ожидании. Когда день рождения сочетается с предполагаемым первым днем новой жизни, что может быть лучше? Воистину «лучший в жизни день». Это предложение стало финальным аккордом спектакля, который разыграл для

меня Дэвид. Да, что называется, мастерский ход. Разве можно было ответить иначе, кроме как...

– Да.

Моя сияющая улыбка стала подтверждением сказанного, но я почувствовала, как в другой части тела, о которой большинство не догадывается или не хочет знать, где-то внутри утробы, на дне живота, внезапно открылась бездна, и оттуда раздался нарастающий рокот, возбудивший во мне болезненную волну, пронзившую тело от головы до пят, отразившуюся в каждой клеточке, в каждом органе.

Что это было? Страх? Предвкушение счастья?

Он ничего не заметил, но быстро встал и подошел ко мне вплотную. Я поднялась ему навстречу, и тогда Дэвид обнял меня и запечатлел на губах самый чудный поцелуй, который когда-либо был в моей жизни. Скорее нежный, чем страстный, о чем свидетельствовал тот факт, что Дэвид не стал шарить руками у меня под юбкой. Подобные чувства приводят иногда к долгим отношениям, к совместной жизни. Я постаралась убедить себя в том, что мы сможем пройти этот путь.

Голосом, дрожащим от волнения, таким непохожим на голос босса, голос дамского угодника, голос того самоуверенного человека на фото в газете, которого всего несколько недель назад я считала недостижимым, Дэвид, с мольбой глядя на меня, робко просил подтверждения моего согласия:

– Так значит, да?

7

– Да.

Обычно этого слова хватает, чтобы женщина согласилась отдаться. Она примерно знает, что за этим последует, она это предчувствует. Но чаще всего она понятия не имеет, сколь долго продлится договор, скрепленный этим коротким словом: пару-тройку дней или долгие годы совместной жизни. Займет ли это часть ее времени, слегка коснется тела или заберет всю душу целиком. Можно понять свои побуждения, свои желания в настоящий момент, но кто может предсказать свои чувства на будущее? Кто может знать, сколько «возможно» или даже «ни за что» последует после короткого «да», каким бы искренним оно ни было?

Я испытала в своей жизни не так много оргазмов. Дюжину, может, меньше. Но каждый раз, когда это со мной происходит, одна деталь мне кажется странной: я принадлежу к той редкой породе женщин, которые при наступлении сладострастного момента вскрикивают «нет», а вовсе не «да». Я знаю, что некоторые кричат «Ах! Боже мой!», другие «Еще, еще!», многие просто произносят имя своего возлюбленного. Что все это значит? Почему я отношусь к женщинам типа «нет, нет, нет и нет»? Понятия не имею. Даже не уверена, что мне хочется знать, что в этом кроется.

(Написано незнакомым почерком 06/06/2009.

Но как он мог узнать об этом???)

Я три раза сказала «да», как бы для того, чтобы яснее прорисовать траекторию своей судьбы, и вот мы в эту же ночь очутились в личных апартаментах Дэвида, упрятанных в самом центре его резиденции на улице Тур-де-Дам. В доме номер три.

– Входи!

Он проводил меня в свою спальню, будуар в стиле модерн, где приглашенный дизайнер, согласуясь со вкусом хозяина, особые усилия приложил к тому, чтобы подчеркнуть романтический дух интерьера, развесив гобелены на стенах, но в выборе цветов руководствовался характерным для современного стиля смешением ярких красок, усилив впечатление выбором мебели ультрамодерн, с четкими линиями, прямыми углами и геометрическими пропорциями.

Стоило нам переступить порог спальни, как Дэвид всем телом прижался к моей спине и горячо задышал мне в затылок. Я сквозь одежду почувствовала, как мои ягодицы пришли в соприкосновение с его крепким, набухшим от нетерпения фаллосом.

Мне понравилась откровенная непосредственность и такой решительный подход к делу. Хотелось, чтобы он взял меня не мешкая, без долгого вступления, а главное – прежде, чем я позволила бы ему со мной это сотворить.

– Сними их.

Речь, конечно, о трусиках. Их контур выпуклой полосочкой чуть проступал сквозь тонкий трикотаж шерстяного черного платица. Я послушалась, но Дэвид был нетерпелив, ему показалось, что я недостаточно быстро это делаю. Тогда он просунул руку прямо мне под трусы, схватил за кружева и с силой дернул вниз, явно намереваясь просто сорвать их с моей попки.

– Ай! – вскрикнула я, когда на моей нежной коже проступили красные следы от царапин.

Трусики не поддались. Чисто символически получалось так, что я сопротивлялась ему, ему самому, которому до сего времени все и вся уступали без промедления.

– Прости, прости, – прошептал он, прерывисто дыша, не столько расстроившись, что сделал мне больно, сколько огорчившись, что ему не удалось совершить задуманное.

– Ладно, не страшно...

Сказав это, я оперлась одной рукой на украшенный серебряной ковanej лентой комод и нагнулась, выставив попу как можно дальше, другой рукой я открыла ему свою киску, отодвинув в сторону хлопковый треугольник трусиков, последнее препятствие для нетерпеливого члена.

Рукой он коснулся моей промежности, стал поглаживать трепещущими пальцами половые губы и попытался проникнуть глубже. Там было недостаточно влажно, как мне показалось и как ему бы хотелось. Так всегда: я не отношусь к тем женщинам, что млеют и начинают сочиться от первого поцелуя. Влага выделяется у меня там после предварительных ласк и нежностей. Я как дизельный мотор, мои чувства просыпаются медленно, меня надо разогреть. И Дэвид это знал.

Впрочем, он, наверное, рассчитывал, что в этот волшебный вечер легкий хмель от шампанского, усиленный официальным предложением руки и сердца, сделает свое дело и во мне мигom прольется водопад, готовый его с радостью принять. Вместо того он получил покрытую легкой росой полянку там, где мои губы едва приоткрылись.

– Эль, – рычал он от нетерпения.

Тем временем его настырный средний палец прокладывал себе путь все глубже, в недра моей плоти, которая наконец поддалась и отворилась для него. Как только Дэвид погрузился туда, он совершил вращательное движение, слишком, пожалуй, широкое, чтобы доставить мне удовольствие, но недостаточно глубокое, чтобы достичь дна, где расположено самое чувствительное у женщин потайное местечко, которое некоторые берегут как клад, упрятанный на дно моря.

Но этого явно недостаточно, чтобы заставить меня воспарить!

Однако Дэвид и не собирался, а мне был нужен только внутренний голос, который, взявшись невесть откуда, шепнул, что пора.

Дэвид будто тоже его услышал, так как решительным сухим жестом расстегнул ширинку и достал из штанов свой член, готовый к серьезным отношениям. Краем глаза я смогла оценить его достойную величину, а также изящный пушок вокруг, доставляющий обычно неповторимые ощущения при оральном сексе. Не тратя слов, Дэвид вонзил его в мою несговорчивую вагину. Нельзя сказать, что для нее это был праздник во всех отношениях, но, тем не менее, она благодарно сжалась от радости. Ее на самом деле нужно было удовлетворить, и лучше, если это сделает мужчина, которого я люблю. Движение его члена туда-сюда было немного странным вначале, точнее, затрудненным из-за неправильного положения наших тел относительно друг друга, его пенис выгибался дугой, но потом Дэвид слегка согнул колени, мы стали вровень, и в такой позе дело пошло успешнее. Соня, наверное, рычала бы от негодования, узнав, что я свела к геометрическим упражнениям в пространстве то, что она сама считала священной тайной соития. Но, по правде говоря, после того как мы приспособились, движение его органа во мне стало более чем приятно. Горячая волна, не электрическая, но вполне осязаемая, постепенно распространялась по телу, начиная от низа живота, и я почти утонула в ней, как вдруг он прекратил движение и словно застыл.

– Что случилось? – встревожилась я.

– Ничего, но если я продолжу в том же темпе, то скоро кончу.

Я еле сдержалась, чтобы не спросить: «Как, уже?», хотя этот глупый вопрос так и вертелся на языке. Вместо того я решила приободрить его:

– Хорошо, любовь моя, не торопись.

Порой мои подружки жаловались на своих слишком ретивых поклонников, хотя такие, конечно, среди их любовников встречались нечасто. «Прошло уже два дня, а у меня там все еще горит!» Да, действительно, бывают такие мужчины. Что касается лично меня, то мне в основном попадались стандартные образцы типа «трахнемся по-быстренькому и разбежимся» или те, что честно отработывали свои четверть часа по профсоюзной ставке и не более того. А все-таки интересно знать, встретится ли мне хоть раз такой, кто сможет держать своего петушка в напряжении долго-долго, чтобы я позабыла, что чувствует моя вагина без его ерзанья. Действительно ли это ощущение мне может быть неприятно? Может ли в принципе женщина отдаться полностью до такой степени, что почувствует власть или даже свое господство, уверившись в том, что способна возбуждать его желание в течение долгого времени? Найдется ли такой мужчина, который сможет часами оставаться внутри меня, не двигаясь, сохраняя эрекцию...

(Написано незнакомым почерком 06/06/2009.

Черт возьми, что я несу!!!)

Его руки крепко сжали мои ягодицы, а у меня, как у Венеры Прекраснозадой, есть за что подержаться в этом месте. От выпитого вина у меня стала кружиться голова, ноги подкашивались, я была близка к обмороку, но от меня зависело, дойдет ли он до вершины плотского наслаждения в этот вечер, и я начала тихонечко ласкать его пенис. Даже не отдавая себе в этом отчета, в полуобморочном состоянии. Не знаю, почувствовал ли он сам мое робкое признание, но жест возымел эффект, он словно очнулся и с новым усердием возобновил движения туда-сюда, постепенно ускоряя темп. Я бы сказала, что никогда раньше не видела его таким страстным, таким пылким, никогда раньше он не вкалывал в таком адском темпе, словно пытаюсь вонзить свое жало в самую глубину. Мне показалось, что он почти коснулся той нежной и бархатистой плоти, спрятанной на дне моего лона, по крайней мере, я почувствовала легкое щекотание там, внутри, что почти вызвало у меня судороги. Это еще был не оргазм, но то блаженное состояние, когда тело клокочет и содрогается от физического удовольствия, состояние, которое гораздо приятнее предчувствовать, чем испытывать на самом деле.

– Тебе нравится так?...

– Да, – простонала я, чуть преувеличенно изображая сладостное удовольствие. – Давай еще!

Все женщины это знают: нет ничего предосудительного в том, чтобы притвориться, только сделать вид, что ты дошла до высшей точки наслаждения, даже если испытываешь не настоящий оргазм, а всего лишь удовольствие от того, что твои эрогенные зоны ласкает опытный партнер. Таким способом мы поощряем его и побуждаем к тому, чтобы он активнее и нежнее прикладывал усилия, в надежде, что он приведет нас обоих к вершине блаженства, и, надо заметить, иногда надежды оправдываются. Поэтому однозначно – притворство в подобной ситуации не грех, а стимул к достижению плотского наслаждения, подчас капризного, чаще – ускользающего.

Когда он покинул мои возбужденные чресла, я задержала его рукой, чтобы он вернулся ко мне, но медленно, очень медленно, постепенно. Мне так хотелось. Но, и это было вполне предсказуемо, Дэвид не был расположен к подобным играм и предложил собственную интерпретацию:

– Ты кончила? Ты тоже?

Нет. Хотя я не столь глубоко освоила эротическую науку, как Соня, но и у меня есть свои прихоти. Больше всего мне нравится блаженный миг неопределенности, когда моих вспухших, покрытых влажными кудряшками губ чуть касается нежная головка возбужденного пениса и щекочет их, нервно подрагивая, потом не спеша раздвигает и неторопливо,

почти робко, прокладывает себе путь, как бы сомневаясь, прежде чем проникнуть уже смелее глубже, между влажными складками нежной плоти, настойчиво стремясь к потайной неизвестности, что так прельщает всех.

Усердные старания Дэвида увенчались успехом, обильная струя хлынула потоком и намочила все прилегающие окрестности. Тогда он напоследок ускорил темп и захрипел, прерывисто дыша, что мне всегда в этом признаке неминуемого завершения сеанса казалось забавным.

Вот уже три месяца, как мы были любовниками, но вынужденная отсрочка по его милости, равно как и ожидание результатов серологического анализа, проведенного в престижном медицинском центре на улице Сен-Лазар, привели к тому, что мы до сих пор пользовались презервативами. Новый этап в отношениях, который для всех влюбленных парочек означает перелом и начало другой, более гармоничной половой жизни, мне обещал...

– О! Нет!!! Только не это!

...еще более краткие отношения, к сожалению.

Всем известно, что непосредственный контакт наших слизистых повышает чувствительность и ускоряет наступление оргазма. (В какой статье я это вычитала? Черт знает.) Его теплый влажный член только что кончил во мне, рукой Дэвид вцепился в мою шевелюру, словно пьяный матрос, ухватившись за такелажный трос во время бури, чтобы его не смыло волной. Потом он рухнул на мою согнутую спину, обхватил обеими руками и сжал мои груди горячими ладонями. Некоторое время Дэвид так и стоял, не шелохнувшись. Затем выпрямился, взял меня на руки и понес к своей необъятной кровати. Когда мы оба повалились на шелковое белье жемчужного цвета, мягкий матрас почти не дрогнул под нашими телами.

Лежа на спине с закрытыми глазами, ощущая на лице ровное дыхание Дэвида, я погрузилась в то же оцепенение, что и он, несмотря на то что у меня, в отличие от него, не было на это никакой причины. Я внимательно прислушалась к своему организму, пытаюсь найти хоть какие-то проявления удовлетворения, но все напрасно. Кроме усиленного пищеварения после устроенной нами царской трапезы, выразившегося в веселом урчании желудка, я не чувствовала ничего.

Спустя какое-то время открыв глаза, я обнаружила моего милого лежащим, свернувшись калачиком, под теплой периной, в шелковой пижаме того же цвета, что и постельное белье, и сладко посапывающим. Мне с трудом верилось, что мы действительно занимались любовью. Сколько времени я дремала? Еще больше я удивилась, обратив внимание, что тоже переодета в коротенькую ночную рубашку, которую раньше не видела, но которая в точности соответствовала моему размеру. Вполне допускаю, что кто-то мог осуществить мой интимный туалет, пока я находилась в полусне. Дэвид? Вряд ли. Я торопливой рукой проверила промежность – там было сухо и чисто, как у младенца, которого только что подмыли и припудрили тальком.

Я оторвалась от подушки, опершись локтем на постель, и осмотрелась. Наша одежда лежала на креслах, заботливо сложенная, комод, у которого я ему отдалась, стоял на своем месте, аккуратно придвинутый к стене. Разве Дэвид мог сам навести такой порядок? Ничто в комнате не напоминало недавние бурные события нашей бешеной страсти. Даже запаха не осталось, воздух был свеж и прохладен.

– Что случилось?

Его встревоженный хриплый шепот, внезапно раздавшийся у меня за спиной в абсолютной тишине комнаты, заставил меня вздрогнуть. Но я успокоила Дэвида, сказав:

– Все нормально. Спи!

Он не заставил себя упрашивать, что доказывало, насколько глубокий был сон, из которого его выдернули, а я поняла, что мне самой теперь не заснуть. Осторожно откинув одеяло, я встала, засунула ноги в марокканские шлепки, заботливо оставленные рядом с кроватью с моей стороны, и, тихо-тихо ступая, спустилась вниз, в залу на первом этаже.

В окруженной с двух сторон пролетами парадной лестницы гостиной, не столько большой по площади, сколько просторной из-за высоченных потолков, я заметила седую голову мужчины, бродившего по ковру, как привидение в старом замке, и не торопясь занимавшегося своими делами. Конечно, это был Арман, неизменный управляющий семейства Барле.

– Вы не спите, мадемуазель?

– Вы тоже, судя по всему.

Он рассеянно и неспешно протирал тряпкой стекло огромных песочных часов с основанием и подпорками из красного дерева. Часы были размером с игрока в регби в полном облачении. Дэвид, помешанный на антикварных штучках, частый посетитель ближайших салонов и аукционов, где продавали старину, приобрел их недавно по случаю.

– Видите ли, в моем возрасте... сон что-то не идет. И потом, в таком доме всегда есть чем заняться.

Старик произнес эти слова без досады, без раздражения, мягко и даже приветливо, как мне показалось, демонстрируя вполне доброжелательное ко мне отношение. На свой лад он, так же, как его наниматель (или тут уместнее сказать «хозяин?»), походил на одного британского актера, Мишеля Кена, весьма респектабельного, с благородными манерами. Сходство поразило меня, как только я впервые увидела его, в тот раз, когда он распахнул передо мной украшенную цветным витражом высокую двустворчатую дверь парадного входа особняка Дюшенуа. Я тогда стояла разинув рот, завороженная красотой и элегантностью небольшого, но роскошного здания с удивительным фасадом в виде вогнутой арки. Он учтиво пригласил меня в дом, демонстрируя изысканные манеры старого дворецкого. Мне казалось, что я попала в сказку, и Арман вполне вписывался в эту картину.

– Наверное, вам не дали поспать строительные работы в соседнем особняке?

Несколько дней назад Арман действительно говорил мне о том, что владелица соседнего строения, мадемуазель Марс, задумала амбициозный проект: она решила реставрировать свой особняк, чтобы вернуть ему первоначальный облик. Предпринятые работы были сопоставимы по масштабу со строительством фараоновских пирамид и длились уже очень давно.

– Впрочем, не в этот час, – миролюбиво согласился он.

– Я не помню, Арман... Этот особняк принадлежал матери Дэвида или его отцу?

Дело в том, что мой жених упорно избегал расспросов о своих родителях, которые исчезли один за другим лет пятнадцать тому назад.

– Мадам Гортензии, – ответил старик вполголоса, словно боялся, что наш с ним разговор кто-то подслушает. – Она прямой потомок мадемуазель Дюшенуа.

– А кто эта женщина, именем которой называется особняк? Мне кажется, она жила в те времена, когда представительницы прекрасного пола не часто владели домами...

– Вы правы. Но Катерина-Жозефина Дюшенуа была не простой женщиной. Это одна из величайших трагических актрис Первой Империи. На французской сцене она соперничала с самой мадемуазель Жорж.

Старик с явным удовольствием пустился в рассказы об историческом прошлом.

Я притворилась, что понятия не имею, о ком речь:

– Мадемуазель Жорж?

– Джорджина! – воскликнул он как само собой разумеющееся. – Одна из самых пылких любовниц Наполеона.

Итак, дом женщины. Дом, наполненный страстью. Теперь вот и я, малышка Анабель из Нантерра, вхожу в историю, поселяясь в этом месте. Я представила себе проходившие здесь роскошные балы, танцы на полу, выложенном, как шахматная доска, черными и белыми мраморными плитами, гостиную, где принимали важных гостей, тоже отреставрированную с фанатичным благоговением. Вдруг негромкое недовольное твяканье прервало мои грезы.

Два мопса, внимательно обнюхав мои ноги, посмотрели на меня инквизиторскими взглядами. «Как, ты еще здесь?» – говорили их глаза, похожие на черные стеклянные шарики.

– Синус! Косинус! – окрикнул их управляющий. – Тише вы! Хозяина разбудите!

– А, кстати, Арман, Дэвид говорил вам о Фелисите?

– О вашей кошке, не так ли?

Он произнес последние слова не то чтобы враждебно, но с каким-то пренебрежением. Ему, по всей вероятности, нужно было время, чтобы свыкнуться с этой мыслью. Мы вместе с нею скоро поселимся тут надолго. Это совсем другое, чем просто провести здесь несколько бессонных ночей. Придется где-то разместить мои чемоданы, а не маленькую дорожную сумку, с которой я время от времени заезжала сюда. Что касается Фелисите, то матушка настаивала, чтобы я увезла кошку с собой. «Забирай ее, забирай! В конце концов, это – *твоя* кошка. Ты же понимаешь, у меня не так много сил, чтобы заниматься ею. Я могу забыть покормить ее, она будет страдать, бедняжка».

– Да-да, я все приготовил: кошачий корм, наполнитель для туалета...

– Нет, я об этих, – я кивнула в сторону двух мохнатых комочков, что топтались у двери и настойчиво проявляли желание совершить утреннюю прогулку.

– Ах, собаки... Не волнуйтесь, они хорошие мальчики, умеют себя вести, – Арман ласково потрепал каждого по загривку. – Правда? – и добавил шутливо: – Кроме того, присутствие дам в нашей мужской компании всем будет во благо.

– Не сомневаюсь, – согласилась я, делая шаг к лестнице, чтобы вернуться в спальню. – Спасибо за все, Арман.

– Не стоит благодарности, мадемуазель.

Я уже поднималась по ступеням, как неожиданно он тихо окликнул меня:

– О, мадемуазель...

– Что?

– Дэвид не уведомил меня...

Он назвал его по имени, не «месье Дэвид», не просто «месье», но подобная фамильярность вовсе не свидетельствовала о недостаточном уважении. Арман со всей очевидностью благоговел перед своим хозяином.

– Ваша матушка, собирается ли она после вашей свадьбы поселиться здесь, с нами?

Как бы великодушно ни прозвучало предложение Дэвида о переезде, мою маму оно нисколько не вдохновило. Мод наотрез отказалась уезжать из Нантерра, расставаться с мадам Чаппиус, своей соседкой и единственной подругой. Перспектива сменить привычный уклад жизни в маленьком уютном привокзальном районе даже ради таких условий не радовала ее. Она уже научилась жить одна, ходить за продуктами или в аптеку, ездить на 167-м автобусе в клинику Фурестье.

– Нет. Пока нет. Но спасибо, что спросили.

Он учтиво поклонился.

Напрасно я пыталась заглушить в себе угрызения совести из-за того, что вынуждена оставить маму одну, лишив даже общества Фелисите. Но для меня самой ее вежливый отказ был спасением. Я даже не представляла, как можно совместить тот мир, в котором она жила, с образом жизни моего будущего мужа. Отторжение стало бы неизбежным, настолько социальная пропасть между ними казалась мне непреодолимой. Несмотря на любовь ко мне,

Дэвид никогда не смог бы принять мою мать такой, какой она была. Мод не согласилась бы жить за чужой счет, в окружении власти денег, уверенности в своей исключительности и ханжества.

– Когда планируется ее отъезд?

Среди всех благодеяний Дэвида это – едва ли не единственное, которое я приняла безоговорочно: мой возлюбленный обещал полностью оплатить мамин визит в Лос-Анджелес на лечение. Он сразу выложил наличными двадцать пять тысяч евро, при всем при том, что они с Мод ни разу даже не виделись.

– Где-то через месяц примерно. Осталось дожидаться подтверждения из клиники.

– Понятно, – с участием произнес Арман.

– Да, кстати, я думаю, мне надо дать вам список приглашенных.

– Не беспокойтесь, спешки в этом нет. Дэвид всегда меня просит рассчитывать на большое количество гостей.

– Ну, хорошо...

– Спокойной ночи, мадемуазель.

– Спокойной ночи, Арман.

Несколько часов предутреннего сна, и все мои страхи рассеялись как дым. К тому времени как я открыла глаза, Дэвида, разумеется, и след простыл. Он исчез на заре, как обычно, по зову своих каждодневных важных дел и многочисленных обязательств. Пронизанный лучами утреннего солнца, старый особняк погрузился в тишину и спокойствие – Арман, должно быть, только что выпустил псов погулять. Каждое утро пробегая по комнатам в домашнем халате, босиком ступая по прохладным мраморным плитам, я чувствовала себя счастливой, и всякий раз по-новому. Заглянув в гостиную, увидела, как блестят на солнце огромные песочные часы, плод ночных забот Армана.

Мне сразу бросилось в глаза, что тот, возможно, по просьбе Дэвида, перевернул их. Теперь они начали новый отсчет времени, первые песчинки падали из верхнего резервуара вниз, на дно другого. Там собралась уже маленькая горка. Сколько минут или часов пройдет, пока нижняя чаша заполнится? И сколько осталось ждать, когда верхний резервуар опять опустеет?

Отраженный лучик солнца скользнул по чаше удивительных часов, и я заметила, что на них черточками отмечены неравные отрезки: градуированная шкала. Насечки были пронумерованы от одного до пятнадцати. Что это? Минуты, часы, дни? Судя по тому, как медленно заполнялась песком чаша, речь должна идти о днях. Значит, четырнадцать полных дней, то есть две недели, песчинка к песчинке, осталось до нашей свадьбы. Деликатность и изобретательность, проявленная моим женихом при покупке удивительного прибора, тронули меня. Я невольно улыбнулась. Хотя я не принадлежу к числу тех ветреных девушек, чье сердце легко покорить каким-либо романтическим поступком, все-таки мне было приятно такое внимание.

Мой взгляд случайно упал на эбеновый столик у стены, куда Арман складывал пришедшие письма, в том числе личную корреспонденцию Дэвида. Интересно, неужели управляющий, опережая события, потрудился расположить их у меня на виду, чтобы я ими распорядилась? Среди всех только один конверт, молочного цвета, привлек мое внимание. В таких присылают уведомительные открытки. На нем, как ни странно, не было указано имя адресата. Я взяла письмо в руки, но засомневалась, стоит ли мне его читать.

Мне в связи с этим подумалось, что за три месяца практически совместной жизни я ни разу не видела почерк Дэвида, хотя часто получала от него эсэмэски и письма по мейлу. А зря, ведь он мог бы стать одним из подозреваемых в деле о загадочных записочках, которые я получала от незнакомца. Да ладно, подумала я, это – вряд ли. Только не он. Зачем ему это?

Не выдержав, я поддалась искушению. Сердце замерло, когда я открыла конверт и достала сложенный вдвое листок. Один его край с дырочками от пружинки указывал на полное соответствие с теми, что я получала в последнее время... Значит, этот чокнутый выследил меня. Слова, которые я прочитала, мне также были знакомы, но по другой причине. Настолько знакомы, что пол закачался под ногами и перед глазами поплыли круги:

Но этого явно недостаточно, чтобы заставить вас воспарить!

8 5 июня 2009 года

«...заставить вас воспарить». Разве Дэвид стал бы меня называть на «вы»? В тот момент у меня мелькнуло страшное подозрение: а что, если Дэвид и есть мой тайный воздыхатель? Разумеется, странно, что он говорил о себе в третьем лице, да еще такие гадости. Неужели он рехнулся до такой степени?

Другой вопрос мелькнул в голове, вытеснив предыдущий, но также оставшись без ответа: как он смог так глубоко проникнуть в мои мысли? Разве что я произнесла эти слова вслух? А вдруг? Во время коротких периодов помутненного сознания, когда сон перемежается с реальными ощущениями... Мама как-то рассказывала, что в детстве у меня случались приступы сомнамбулизма, когда я по ночам вставала и бродила во сне по дому. Вдруг это началось опять?

Я быстренько оделась и остаток утра провела в поисках хоть какого-то клочка бумаги или записки, где можно было бы увидеть почерк Дэвида. Я перерыла весь дом, хотя это слово мало подходит для шикарных апартаментов, по размеру и богатой обстановке больше похожих на дворец. В спальне, в скором времени в *нашей* спальне, – ничего. В гостиной, в других помещениях особняка Дюшенуа – ничего. На эбеновом столике среди других писем – тоже ничего. Логично предположить, что искать надо в его бюро, именно там наверняка имелись нужные мне образцы, но крышка бюро была заперта на ключ. Можно, конечно, попросить помощи у Армана, но как это сделать, не вызвав у него подозрения?

– Могу ли я вам помочь, мадемуазель?

Управляющий застал меня на кухне, когда я стояла на четвереньках на полу, копаясь в мусорной корзине.

– Нет, – пролепетала я. – Нет, просто я, похоже, случайно выбросила список покупок, а мне нужно идти в магазин.

– Обидно... Если хотите, я могу поискать вместе с вами. Кажется, я знаю, какой у вас почерк.

Если бы послание на листочке, вырванном из блокнота, не было столь личным, столь двусмысленным, ничто не заставило бы меня подумать, что Дэвид имеет к нему отношение. Но слова «...этого явно недостаточно, чтобы заставить вас воспарить!»...

– Нет-нет, Арман, спасибо. Я справлюсь. Я уже почти нашла, стоит ли нам с вами обоим пачкаться?

Я улыбнулась, правда несколько натянуто, но он воспринял это как вежливый отказ и ретировался в соседнее помещение.

Ну наконец я нашла, что искала: «*теннис с Франсуа, перенести на пятницу, на 21 час*».

Сомнений не было, смятая желтая бумажка, испачканная в молоке и томатном соусе, могла принадлежать только Дэвиду. Почерк у него оказался круглый, правильный, плавный, почти что женский, совсем не такой, как нервные кривые буквы моего анонимного мучителя. Сравнение рассеяло все подозрения. Усевшись прямо на холодный пол, я испытала огромное облегчение и в то же время очень расстроилась: как я могла подозревать Дэвида, как могла плохо о нем подумать?

Какое-то время у меня не было сил что-либо делать, но потом я собралась, встала, нашла свой тайный дневник и приложила новое послание к предыдущим. Я обратила внимание на особенности почерка незнакомца, которых раньше как-то не замечала. Что за проблемы мучили того или ту, кто писал мне? Откуда берется острое чувство беспокойства,

когда глядишь на этот нервный стиль, неровные буквы, почему все время кажется, что автор царапал их конвульсивно, второпях? Почему, когда читаешь эти каракули, возникает ощущение, что автора что-то терзало в тот момент, когда он их писал?

Остаток дня я занималась тем, что звонила по разным делам – сначала маме, потом Соне, а также по поводу работы, которую продолжала искать, но, как всегда, безрезультатно. Вдруг мне пришла эсэмэска от Дэвида. Он писал:

«Я сегодня вернусь не поздно. Хочешь, пойдем куда-нибудь?»

«Не поздно» на языке Дэвида Барле означало в лучшем случае где-то в девять вечера.

«Не могу, к сожалению. Я обещала маме съездить с ней в клинику за результатами последних анализов для Л.-Ан.»

«Вы так поздно встречаетесь?»

Надо быть поосторожнее с человеком, который по долгу службы, что называется, весь день имеет дело с полубманом-полуправдой. Мне бы следовало найти аргументы понадежней.

«Мы встречаемся в полседьмого. Но ведь ты знаешь, как это бывает: сначала битый час стоишь в очереди, потом сама консультация... Боюсь, мы не освободимся раньше, чем в полдевятого или в девять. А потом я должна буду отвезти маму домой».

«Понятно, пришли сообщение, когда освободишься».

«Ок, но не жди меня к ужину, я, скорее всего, перекушу у мамы, в Нантерре. Стоит мне к ней попасть, она просто так не отпустит».

«Это нормально. Удачи вам обеим. Целую тебя».

«Я тебя тоже. И еще раз спасибо за все, что ты для нее делаешь».

Мое последнее послание осталось без ответа. Наверное, как обычно, Дэвида увлекли неотложные дела или какое-то срочное совещание. Эсэмэска, полученная мной час спустя, пришла не с его номера:

«Напоминание от НК: свидание в Галерее Альбана Соважа, на улице Севинье, д.15, 75003, ровно в 20.30. Клиент вас узнает.

В прикрепленном файле – пригласительный билет.

Приятного вечера».

НК – конечно, «Ночные Красавицы». Ребекка в своем репертуаре, она всегда брала на себя труд посылать нам напоминашки как минимум за час до свидания. Если с нашей стороны не поступало подтверждения, она писала вновь и вновь, до тех пор, пока мы не отзывались. Только так хозяйка могла быть уверена, что мы честно исполним свои обязательства. Репутация агентства была для нее превыше всего.

Первое время Ребекка сопровождала свои письма рекомендацией, во что мне одеться. Спустя какое-то время, видимо, после единодушных отзывов от клиентов, она стала доверять мне в этом вопросе. Однако во время нашей последней встречи я ясно дала понять, что больше не буду принимать заказы, по крайней мере, до своего нового распоряжения на этот счет, намекнув на некие «личные причины». Но Ребекка, судя по этой напоминашке, не приняла всерьез мою отставку. Она так и оставила мое имя в каталоге агентства. Что мне оставалось делать? Я просто ответила ей: «Спасибо, что напомнили».

В конечном итоге, сейчас, как никогда, мне нужны были деньги. И для хорошего дела, между прочим: благодаря единственному и последнему свиданию – имея в виду, что впредь я прекращаю свои отношения с агентством, – винтажные часы, выставленные на продажу в антикварном салоне Нативель, станут моими. Точнее – будут принадлежать Дэвиду. Они станут моим свадебным подарком. Может, и мне удастся его удивить так, что у него перехватит дыхание.

Я не рассматривала свой поступок как предательство по отношению к Дэвиду. Наоборот, полагала, что приношу себя в жертву ради него, соглашаясь на эту последнюю встречу. «Я не изменяю Дэвиду», – несколько раз подряд повторила я про себя как заклинание.

Этот раз – точно последний. И исключительно из благих побуждений.

«Последний раз, не так ли?»

«Точно, последний».

Я старалась вложить в эти слова максимум уверенности, на которую была способна, но все равно чувствовала себя скверно. Мне не удалось убедить даже саму себя: последний раз – и конец, после этого я переверну страницу и все останется в прошлом? Мои похождения канут на самое дно и исчезнут в глубине памяти, и никто никогда не посмеет ворошить ее и вытаскивать наружу содержимое.

– Хочу напомнить, дорогая, что ты как-то раз уже обещала, – нравоучительно вещала Соня по телефону, как раз когда я выбирала духи, подходящие случаю. Тоже мне! Она еще будет читать мне морали! Чтобы не сломаться под гнетом неопровержимых доказательств своей вины, я решила сконцентрироваться на важных мелочах предстоящего свидания. Прежде всего наряд: маленькое черное платье от Репетто, узкое сверху, широкое, как пачка, ниже талии, соответствующие балетки, сумочка из черной кожи от Нины Риччи в стиле «прогулка по городу» – вот как-то так я составила свой прикид на вечер в соответствии с модными тенденциями этой весны. Потом наступил самый деликатный этап, а именно – подборка подходящего аромата.

Даже на этих страницах, раскрывая свои сокровенные секреты, мне стыдно признаться: я обожаю запах фаллоса. Точнее, я обожаю запах фаллоса тех мужчин, которые мне нравятся. С первого раза, мне тогда было шестнадцать, я испытала невероятно приятный дурман в тот момент, когда почувствовала запах члена мужчины, который стал моим первым. Даже сегодня, стоит мне сосредоточиться, я могу вспомнить этот аромат: тяжеловатый запах ванили, алкоголя и увядших цветов.

Вот откуда тот вопрос, что я постоянно себе задаю, по поводу запаха моих собственных гениталий. Насколько они возбуждают моих партнеров, и как запах их тела может возбудить желание во мне?

Разумеется, никто из них не сомневается в своей мужской привлекательности, но, когда я встречаю мужчину, который мне хоть капельку нравится, первое, о чем я думаю: а какой у него парфюм? Способен ли его запах защекотать мне ноздри, вскружить голову, подготовить все во мне, чтобы принять в себя мужчину?

(написано незнакомым почерком 06/06/2009.

А какая, собственно, разница?!)

Без капли духов я чувствую себя голой, я не могу выйти из дома, показаться на людях. Начиная с шестнадцати, в течение нескольких лет подряд я почти каждое воскресенье ходила не в церковь, а в парфюмерный отдел магазина «Четыре времени года» в коммерческом центре в районе Ля Дефанс. Я там подрабатывала консультантом, что, кроме удовольствия, приносило небольшой довесок к моему доходу. Этот эксперимент оказался полезен: я обзаве-

лась сотней флаконов с духами, пробничков и тестовых образцов, причем бесплатно, а также привычкой менять духи от случая к случаю, выбирая каждый день что-то другое, в зависимости от настроения.

– Ты еще со мной... или уснула?

Соня привела меня в чувство.

– Да-да, я здесь, слушаю тебя.

– Только не говори мне, что ты пойдешь на это ради того, чтобы купить своему хахалю те хреновые часы.

Кажется, она издевалась надо мной, но на самом деле как в воду смотрела.

– Нет! – воскликнула я.

– Да ладно, не ври! Вы только посмотрите на эту шлюху! Дурочка ты все-таки! Я поняла – ты просто готова накинуться на первого встречного-поперечного!

Так, решено: «Мисс Диор Шери», классический аромат, отлично подходит дамам постарше, в меру приятный и ненавязчивый. Я брызнула два раза с каждой стороны шеи.

– Прекрасно, Дэвиду будет приятно слышать, – я сделала вид, что возмущена ее словами.

– Ну, хорошо... Ладно. Скажи лучше, как вчера все прошло? Что за сюрприз он тебе приготовил?

Не знаю почему, но я решила не рассказывать ей о важных событиях прошлого вечера, о предложении руки и сердца, а также промолчала о полученном на новый адрес анонимном письме.

– Да так, ничего особенного. Дэвид знает, что я обожаю омаров, и он повел меня ужинать в «Ле Дивелек».

– Только не говори, что это «лучший ресторан Парижа, где подают дары моря» и бла-бла-бла.

– Зачем тратить слова, ты и сама все знаешь, – расхохоталась я.

– А потом? – она вновь перешла на привычный ей игривый тон. – Номер в трехзвездочном и все такое?

– Как тебе сказать... А стозвездочный не хочешь?

– О'кей, я все поняла... не вчера родилась.

Переплюнуть Соню в обсуждении этой темы просто невозможно. Но всегда приятно с ней ее обсудить.

– Ладно, мне пора заканчивать приготовления...

– Лети-лети, моя птичка!

Именно это я сделала полчаса спустя, взяв такси, чтобы не опоздать.

Галерея Альбана Соважа находилась в конце улицы Севинье, недалеко от станции метро «Сент-Пол», в самом центре квартала Марэ. За небольшой витриной парадного входа скрывалось довольно большое пространство, пронизанное анфиладами экспозиционных залов, отделенных друг от друга белыми передвижными панелями. В витрине у всех на виду располагался гигантский резиновый фаллос нежно-розового цвета, обряженный, словно куколка, в белое платье, с жемчужными бусиками вокруг головки. Ни слова не сообщалось об авторе данного произведения искусства. Я заглянула внутрь, окинула беглым взглядом всю экспозицию и поняла, что остальные произведения концептуальной выставки подобраны соответственно: мошонка в виде плюшевого мишки, вагина в затейливом наряде и прочие сексуальные атрибуты, наряженные под кукол и игрушек для детей.

– Ну как, вам нравится? – молодой человек с бритым черепом и легкой щетиной, с дурацкой улыбкой и горящими глазами выскочил из галереи как черт из табакерки. Через

приоткрытую дверь я услышала гул человеческих голосов вперемешку со звуками флейты, а также различила недоброжелательные высказывания посетителей. Парижский вернисаж, вон оно что! Интересно, как посетители относятся к подобному творчеству? Кажется, большинству наплевать, главное для них – приобщиться к культуре, воспользоваться бесплатным буфетом, а особенно – получить приглашение на следующее подобное мероприятие.

– Не знаю... Я просто жду одного человека.

– Заходите к нам, он, возможно, уже внутри.

Жеманство и слащавый голос назойливого молодого человека не оставляли сомнений по поводу его сексуальной ориентации, но этого было недостаточно, чтобы я решилась войти.

– Да входите наконец, – настойчиво требовал он, взяв меня за руку и манерно вздыхая. – Не будете же вы тут торчать на пороге, у всех на виду. Это смешно!

Мне ничего не оставалось делать, как последовать вслед за ним внутрь. Там мы натолкнулись на пеструю толпу посетителей. Это были журналисты в темной униформе, ярко и безвкусно одетые художники с пирсингом в разных местах и татуированными конечностями, попадались также нежные создания в ультрамодных нарядах, то есть наполовину обнаженные.

Я мучилась вопросом, кому интересно тусоваться среди подобного ареопага, кичиться знакомствами и изо всех сил изображать из себя сноба? Но ответа не нашла, так как в этот момент некий лысый сноб в очках в роговой оправе протянул мне одновременно бокал с вином и руку для пожатия.

– Альбан Соваж, – представился он.

– Ах! – воскликнула я от неожиданности. – Так значит, мы у вас в гостях?

– Да. Правда, все это стоит баснословных денег, и потому я в долгах как в шелках, но так и есть – вы у меня в гостях.

Зачем он это сказал? Чтобы ввести в заблуждение? Неужели, страшно подумать, я сама, помимо своей воли, стала участником концептуальной инсталляции, заняв место среди представленных здесь идиотских творений, порожденных его извращенным сознанием? Девушка по вызову в стане современного искусства...

Я не могла придумать, с чего начать, чтобы подойти к делу.

– Вы...?

– Нет, это не я. Следуйте за мной, я сейчас вас представлю.

Я не поняла юмора, но послушно пошла следом и тут увидела своего клиента: мужчина в темных очках, лет сорока, не больше, втиснутый в узкий элегантный костюм, подчеркивающий стройность фигуры, в расстегнутом пиджаке, под которым виднелся отлично скроенный жилет из богатой ткани, держал в правой руке трость с серебряным набалдашником. Мой провожатый безо всяких официальных представлений тут же оставил нас, повернувшись спиной и бормоча себе под нос:

– Всего хорошего, мне еще с китайцами разбираться. Надо их пощипать, пока есть возможность. Бизнес есть бизнес!

Я остановилась как вкопанная в двух шагах от незнакомца. Тогда он снял очки и стал рассматривать меня с ног до головы, медленно, не произнося ни слова. Странное магнетическое воздействие производил он одним только своим взглядом, когда избавил глаза от немного смешных дымчатых стекол. Редкий ореховый цвет его глаз при электрическом освещении приобретал слегка золотистый оттенок, а дополнительный блеск придавал их выражению редкую интенсивность. «Взгляд убийцы», – подумала я, стараясь тут же прогнать от себя эту мысль. Напрасно, впрочем, потому что ему удалось поймать мой взгляд, и я уже не могла от него освободиться. Он проник в меня взглядом, он пытался вникнуть в мои мысли. Еще не сказав ни слова, он уже подчинял себе собеседника.

– Добрый вечер, Эль.

Все остальное в его облике служило соответствующим дополнением: овальное вытянутое лицо, высокие скулы, четкая линия подбородка, атлетическое сложение, высокомерная осанка, гордый поворот головы, тонкие изящные руки, такие бывают у хирургов или пианистов...

Он сразу попал в топ из трех моих самых импозантных клиентов. Не то чтобы красавчик типа тех, что стоят у входа в магазины модной одежды как живые статуи, привлекая взгляды легкомысленных девиц, зато у этого была особая аура. Такая, как у самых привлекательных артистов в фантастических фильмах или спектаклях, когда их герои-небожители спускаются на землю к нам, простым людям.

Мне не нужно было смотреть в зал, чтобы почувствовать: все внимание сосредоточено на нем. Особенно внимание женщин, которые с замиранием сердца глядели в его сторону и трепетали, как дрожащие на ветру осенние листья. Он сам ничего особенного для этого не делал, он вообще ничего не делал, как прежде, стоял не шелохнувшись, но и мужскую публику подавлял своим видом, просто сохраняя величественное спокойствие. Он был, несомненно, здесь, среди нас, но при этом как-то отстраненно, словно облако, которое молчаливо проплывает над суетой повседневной жизни.

– Добрый вечер, – пролепетала я.

Незнакомец сделал шаг мне навстречу, и я заметила, что он с трудом переносит вес своего тела на трость из редкой породы дерева. Его неуверенная поступь свидетельствовала о том, что он не притворяется. Физический недостаток ничуть не разрушил загадочный образ, напротив, добавил ему обаяния. Недуг оказался всего лишь оболочкой, всего лишь намеком и хранил в себе целую историю – драматическую, конечно, – придавая его образу еще больше таинственного шарма.

– Пожалуй, в первый раз я не разочарован экстравагантным предложением нашей общей знакомой, Ребекки.

Но этот комплимент, давший понять, что он числится среди постоянных клиентов нашего агентства, был мне неприятен, я сочла его грубым. Чтобы не ставить себя и нас в неудобное положение, клиенты «Ночных Красавиц» обычно старались представить дело так, словно мы познакомились без чьей-либо помощи, как все нормальные люди, а этот не стал ломать комедию. Его непривычная откровенность сразу рассердила меня. Мне даже показалось, что он умышленно ищет возможность стусевать первое ошеломляющее впечатление, произведенное его появлением.

– Это как раз то, чем мы занимаемся, – произнесла я, кажется, слишком поспешно. – Отвечаем экстравагантным предложениям и не разочаровываем.

– У вас впереди целый вечер, чтобы меня в этом убедить... Эль.

Терпеть не могу, когда мое имя отрывают от целой фразы и играют с ним как кошка с мышкой.

Само собой разумеется, я бы предпочла для последнего свидания какого-нибудь увальня, мягкого и неуклюжего, который был бы счастлив просто пройти на людях со мной под руку, но девушки агентства не вольны выбирать клиента на свой вкус.

– Я даже не знаю вашего имени, – я решительно пошла в любовую атаку. – Вас зовут...

– Терпение... У вас, как я уже сказал, впереди целый вечер, чтобы это узнать.

По мере того как мы обменивались репликами, очарование его харизматической внешностью мало-помалу рассеивалось, а я сама чувствовала себя как-то растерянно. Во мне возрастало желание бросить все и убежать. И только когда я мысленно представила себе винтажные часы 69-го года в витрине антикварной лавки «Нативель», мне удалось взять себя в руки. Если бы не этот холеный педант и его деньги – а Ребекка предупредила, что он заплатил двойной тариф, чтобы заполучить именно меня, только так ей удалось сломить

мое сопротивление, – я легко могла бы попрощаться и уйти, но... Значит, надо держаться. Сколько же уйдет на это времени?

Словно почувствовав, что я близка к панике, хромоногий денди решил смягчить тон и, перевоплотившись в приветливого собеседника, стал задавать банальные вопросы, просто из вежливости: учусь я или уже закончила, парижанка или из провинции, любительница современного искусства или равнодушна к нему, ну, и так далее. Но вскоре ему это надоело, и он обратился ко мне мягко, с улыбкой, почти по-дружески:

– Посещать вернисажи – не самое любимое ваше занятие, ведь так?

– Да, действительно...

– В таком случае, позвольте мне быть вашим гидом.

– Моим гидом?

– Да, на сегодняшний вечер, здесь, в этой галерее. Знаете ли, Дэвид Гарчи – художник, уже признанный и в Лондоне, и в Нью-Йорке.

Так, значит, того, кто представляет свои шедевры в этой галерее, тоже зовут Дэвид. Внутренне я улыбнулась странному совпадению: Дэвид Барле, Дэвид Гарчи. Но этот факт смутил меня.

– Ну, хорошо. Я не против, чтобы вы меня просветили, – согласилась я немного спокойнее.

Тогда он предложил мне руку, приглашая к прогулке по галерее. Рука была тонкая, скорее жилистая, чем мускулистая, но твердая. Прикоснувшись к нему, я яснее почувствовала исходящие от него энергетические волны, это будоражило и щекотало нервы. Увлекая меня от одного экспоната к другому, незнакомец решил воспользоваться тем, что мы стали ближе друг к другу, и позволил себе фамильярные жесты, допустимые разве что между мужчиной и женщиной, у которых есть интимная связь. Так, например, он приподнял кончиками тонких пальцев мои волосы, собранные в хвост, и при этом чуть коснулся основания шеи, из-за чего по телу словно пробежала электрическая волна.

– Видите ли, – тоном знатока говорил незнакомец, размеренно, неторопливо, низким голосом, – Дэвид как избалованный ребенок, выросший в тепличных условиях, он изо всех сил старается очернить среду, которая его воспитала.

– Ну, если вы так считаете...

Раз уж я задумала поскорее закончить этот занудный вечер, надо оставить за моим спутником роль первой скрипки. Чем реже находишь повод вступать в спор с такими типами, тем быстрее они пускаются в разглагольствования и начинают сами с собой вести беседу. В этом смысле они недалеко ушли от некоторых моих университетских преподавателей. Те выискивали обычно легковых студентов, любителей поспорить с мэтром, и оттягивались по полной. Они и меня пытались склонить к дискуссиям, но напрасно.

На таком близком расстоянии я почувствовала запах его духов: нота ванили и лаванды, именно не легкое благоухание, а сильный запах, который, скорее всего, и был его истинным ароматом.

– Да, я так считаю. Более того, я уверен, что социальный посыл его произведений гораздо глубже, чем их собственное значение.

При этих словах он широким жестом показал на гигантскую игрушку Жирафу Софи, с толстыми сиськами на голове, в серебряных стрингах, ляпочки которых врезались ей в гуттаперчевую попку. Рукав пиджака и свободной рубашки задрались вверх и обнажили часть руки незнакомца, где я заметила татуировку в виде текста, написанного мелким почерком, словно перьевой ручкой, различить который было невозможно.

– К сожалению, я не уверен, что вы поймете мои рассуждения, но догадайтесь, что скрывает желание художника высмеять и опошлить милые игрушки нашего детства, превратить их в сексуальные объекты, снабдить гротескными половыми признаками... Возможно,

это попытка уйти от архетипа мелкого буржуа, который злорадно писает в колодец с ключевой водой?

Это было сильнее меня. Зачем он дразнит мой критический ум, и так готовый завестись с полоборота?!

Но я выжидала, продолжая надеяться, что он даст мне отставку по полной программе и выгонит без сохранения содержания, ну, по крайней мере, испепелит огненным взглядом, однако, вопреки ожиданиям, в его глазах появился свежий интерес, он посмотрел на меня в упор, и в его смешливых глазах я прочитала легкое удивление и желание продолжить общение.

– Прошу обратить ваше внимание, Эль, на выбор персонажей. Дэвид мог бы для своих экспериментов по сексуализации взять игрушки, которые уже пользуются соответствующей репутацией, такие, как кукла Барби, например. Но он предпочел превратить в символы сексуального раскрепощения милые нашему сердцу детские игрушки, синонимы чистоты и невинности...

– О'кей. Пусть так. Ну, так и что из этого?

– А то, что он подчеркивает тем самым, насколько быстро и резко в наше время подростки переходят от детской наивности к состоянию существа с полным набором половых признаков и сексуальных эмоций. Переход совершается настолько стремительно, что какое-то время в одном существе обитает и простодушное дитя, и сексуально озабоченный индивидуум. Охотник и жертва в одном лице.

За его рассуждениями я уловила скрытое желание прочитать мораль, и мне это не понравилось. С другой стороны, он не переставал удивлять меня как человек, о котором я, допустим, мало что знала, но которого уж никак не могла заподозрить в соблюдении строгих моральных принципов.

– Знаете ли вы, в каком возрасте начинают смотреть порнографические фильмы? – спросил незнакомец неожиданно серьезным тоном.

– Нет... наверное, лет в четырнадцать?

– Одиннадцать. В одиннадцать лет большинство подростков, как мальчиков, так и девочек, уже все знают и об оральном сексе, и о содомии, о групповухе и о других, даже более экстремальных, извращениях.

– Да, безусловно, это – большая про...

– Да нет! – возмутился он, вдохновленный собственными словами. – На самом деле все наоборот. Они ничего не знают. О чем и речь! Когда о сексе так много рассказывают и все показывают, у молодых создается иллюзия, что они уже все знают. Реклама с намеками на сексуальные отношения, провоцирующая одежда, сериалы с любовными сценами, которые лезут в глаза и окружают молодежь, – ничто из этого не побуждает к развитию сексуальной чувственности. Все это – просто бизнес, причем чрезвычайно прибыльный, но уж ни в коем случае не половое воспитание. Здесь все испорчено, извращено, обезображено, иногда вызывает смех или, хуже того, провоцирует насилие... Здесь есть все, кроме настоящей эротики. И кроме правды!

– Значит, если я правильно вас поняла, проблема не столько в том, что сексуальный контент слишком часто присутствует в повседневной жизни, сколько в том, что юные создания сталкиваются с ним задолго до того, как физиологически созреют для того, чтобы воспринять его правильно?

– Именно! – горячо подтвердил он. – Как раз эту мысль и отражают произведения Дэвида: назойливое присутствие сексуальной темы вокруг создает иллюзию воспитания правильного отношения к сексу, только видимость, тогда как время, необходимое для воспитания чувств, просто-напросто тратится впустую. Уходит в песок. Дети, потребляющие в огромных количествах информацию о сексе начиная с самого раннего возраста, не обладают

нужными знаниями, чтобы хоть как-то фильтровать ее и строить для себя реальную картину, более или менее похожую на правду. Всю эту пошлость они принимают за чистую монету. Вот в чем беда! Вот где проблема!

– Тогда скажите, – поинтересовалась я, – в каком возрасте, по-вашему, можно уже начинать говорить о сексе? И кто должен это делать?

Мне вдруг вспомнился мой тайный дневник. Тот, кто писал мне эти загадочные записки, преследовал ту же цель, пусть жестко, я бы даже сказала, что его вмешательство в мою жизнь сравнимо с насилием, но по-своему он тоже занимался моим половым воспитанием.

– Я бы сказал, у всех – по-разному. Невозможно определить единый возраст, когда у человека формируется его либидо, как бы социологи и законодатели ни пытались убедить нас в обратном. У каждого – свой график, свой ритм. Некоторые готовы к этому раньше, чем другие. Потому нет никакого смысла загонять половое воспитание в стандартные рамки школьной программы.

Дать возможность каждому подростку развиваться в естественном ритме, пусть особенности его полового созревания проявляются индивидуально, как требует того природа, но в течение всего этого времени его нужно оберегать от субъективной, часто лживой, интерпретации и воздействия со стороны общества, где действуют законы свободного рынка, – таковой в общих чертах была философия этого Руссо в области сексуального воспитания. Однако я заметила, что он оставил без внимания мой второй вопрос: кому следует доверить столь важный аспект воспитания чувств и чувственности? Кому можно, а кому нельзя, ведь он отвергал, и не без оснований, ту модель, которая доминировала в современном обществе.

Надо заметить к тому же, что его идеи не оставили меня равнодушной. Но стоило ли прибегать к такой необычной форме их распространения? А как же быть с подростками из соседнего лица, что несколько раз в день проходят мимо галереи и своими глазами видят в витрине монстров типа Жирафы Софии и ужасы Гоморры? Кто прочтет им лекцию, чтобы подготовить к такому дикому зрелищу? Разве подобное менее опасно, чем доступная в Интернете порнография? Разве сам художник в таком случае не становится соучастником (пусть даже невольным) злодеяния, против которого борется своим искусством?

Я оставила при себе этические возражения. Тем более что у меня мелькнуло подозрение, что мой гид и есть Дэвид Гарчи собственной персоной. Раз уж он так горячо рассуждает о художественном смысле представленных в галерее отвратительных созданий, значит, он и есть их автор.

– Смотрите-ка, стоило помянуть черта, как он тут как тут. Я даже чувствую запах серы.

Кивком головы он указал мне на кого-то за моей спиной. Я обернулась и увидела, что тот человек, в ответ на приглашающий жест моего собеседника, тут же оставил свою компанью и стал пробираться к нам через толпу ротозеев.

– Добрый вечер, – приблизившись, сказал он несмело, как-то даже застенчиво.

Это был очень юный молодой человек, почти тинейджер, в белой рубашке, с длинной каштановой челкой, закрывавшей пол-лица.

– Дэвид, позволь представить тебе Эль. Эль, перед вами тот самый юноша, чьи творения я с таким пылом, как вы могли заметить, защищаю.

Тактично сказано.

Чтобы не обидеть художника, я изобразила подобающую случаю любезную улыбку.

– Добрый вечер и... браво.

– Спасибо, – ответил он, сконфузившись.

– Мне кажется, ваши творения не могли оставить прессу равнодушной.

– В самом деле, – вмешался в разговор мой кавалер. – У нас уже есть несколько положительных отзывов. Но главное не в этом. Дело в том, что ваши собратья по перу не заост-

рили внимание на основной идее произведений Дэвида. Они собрались здесь с одной лишь целью – привлечь внимание публики, хотя прекрасно поняли социальное значение и воспитательный смысл его призыва.

Откуда он знает, кем я собираюсь стать? Разве Ребекка не должна была хранить в тайне эту сугубо конфиденциальную информацию?

Я как раз собиралась расспросить его об этом, как вдруг какая-то мулатка очень крупных размеров, но совершенно без комплексов, в усыпанном блестками наряде, покрывающем незначительную часть ее тела, так, будто она только что вышла из бассейна, подошла и прилипла к нему с наглой фамильярностью. Всем своим огромным туловищем с идеальными формами она прильнула к моему кавалеру, кажущемуся еще более сухощавым рядом с ней. В отличие от Дэвида, *моего* Дэвида, этот тип не напомнил мне никого из знакомых артистов. Хотя, если иметь в виду его особую харизму, можно было бы поставить незнакомца в один ряд с Уиллемом Дефо, Кристианом Бейлом или Энтони Перкинсом, такими же, как он, подтянутыми, физически хрупкими, мрачноватыми, загадочными, не обладающими идеальными формами, но горячими и притягательными.

– Так мы идем, Лулу?

– Да-да. Эль, я оставляю вас наедине с будущим современного искусства.

Будущее современного искусства в этот момент внимательно разглядывало узкие мыски своих ботинок.

– Постойте... Вы уходите?

Первый раз клиент покидал меня таким образом, под руку с дамой в сто раз аппетитнее, чем я, и гораздо более ненатуральной. Складки моего платья-парашюта затрепетали от негодования и досады. Тот факт, что он так бесцеремонно со мной обошелся, заставил меня позабыть о вознаграждении, которое мне полагалось за проведенную с ним ночь. Какая уж там ночь, раз он меня так бессовестно кинул! Я была вне себя.

– Не волнуйтесь. Мы скоро увидимся, – пообещал он, обнимая за талию нахальную лиану цвета жженого сахара, лукаво стрельнувшую в меня своими черными глазками. – О, я чуть не забыл...

Что именно он чуть не забыл? Проявить элементарную вежливость? Или заплатить мне за услуги? Бывали случаи, когда клиент платил мне – отдельно, а комиссионные агентству – непосредственно туда. Некоторые постоянные клиенты, у которых в «Ночных Красавицах» был открыт счет, улаживали дело напрямую с Ребеккой, а она потом возвращала нам нашу долю и никогда не обижала. Мне неудобно было его спросить об этом, но я предполагала, что он принадлежит именно к последней, привилегированной категории.

Незнакомец неожиданно протянул свою татуированную руку к моей прическе. Пучок, завязанный на затылке, за вечер почти развалился на отдельные пряди, свободно лежащие локонами на спине. Я невольно напряглась в тот момент, когда он собрал их в ладонь и приподнял.

– В чем дело?

– Вам бы следовало использовать заколку для волос вместо шпилек, – посоветовал он, словно читая мои мысли. – Вам бы пошло.

– Да? Не знаю, – бессвязно пробормотала я.

– Спокойной ночи, Эль.

Они в обнимку пошли прочь, странный незнакомец шагал, прихрамывая, опираясь на трость, отбивая такт по бетонному полу. Они почти затерялись в толпе приглашенных, как вдруг он резко повернулся на сто восемьдесят градусов и через несколько секунд очутился возле меня. Что ему еще надо?

– Мне только что пришло в голову, ведь я забыл представиться.

– Да, в самом деле...

Самое время, подумала я.

– Меня зовут Луи...

Мне это имя ни о чем не говорило. Луи, а дальше? Жестом я показала, что мое любопытство пока не удовлетворено.

– Луи...?

– Барле. Я меценат и спонсор Дэвида Гарчи...

«Луи Барле, Луи Барле», – повторяла я про себя, чтобы лучше осознать реальность происходящего. Сочетание этих двух имен при одной фамилии произвело у меня в мозгу эффект моментального возгорания.

– ...а также брат Дэвида Барле.

Он уже уходил, всем видом показывая, что разговор окончен. Затем ненадолго остановился и, мягко улыбаясь, бросил через плечо мне в лицо, как гранату, обдавшую меня смертельным холодом, такие слова:

– Но ведь вы и так уже обо всем догадались? Верно?

Тот самый брат, о котором Дэвид упомянул как-то вскользь, фото которого не хотел показывать и знакомство с которым все время под каким-то предлогом откладывал. Ну вот, теперь мы познакомились. И при самых худших обстоятельствах, какие только можно себе представить.

Он со своей подругой исчез в толпе теперь уже окончательно, оставив меня в полной растерянности.

– Эль?

Ох уж этот Альбан! Он возник перед глазами совершенно неожиданно и протянул мне довольно пухлый конверт.

– Возьмите это. Луи просил меня передать его вам.

– Спасибо, но что это?

– Вам пора, красавица! Вас ждет на улице такси. Там и посмотрите.

Даже не попрощавшись с художником, я поспешила к выходу. Там, на тротуаре, уже заводил мотор водитель вместительного седана черного цвета. Я растерялась, не зная, какой адрес назвать, потом решила:

– Улица Тур-де-Дам, дом три, пожалуйста. В девятом округе.

Он дернул с места, не проронив ни слова. Я удобно устроилась на заднем сиденье и могла теперь спокойно открыть конверт, переданный Луи через своего приятеля-галериста. Там лежали восемь купюр по сто евро каждая. Купюры были гладенькие, чистенькие, словно только что вышли из хранилищ Центробанка Франции. Восемьсот евро – это вдвое больше, чем сумма вознаграждения, которое я получила бы, если бы, случись такое, мы закончили ночь в номерах «Отеля де Шарм». Да уж, он выполнил, что обещал, в полной мере! Но Луи Барле не стал пользоваться моими услугами, хотя мог бы со мной переспать, воспользовавшись тем, что я не знала, кто он... Он же выбрал меня по каталогу в агентстве, как любую другую куртизанку.

Из-за его чрезмерной щедрости я чувствовала себя как обыкновенная шлюха. Он не мог не понимать этого. Так же не мог игнорировать тот факт, что мы вскоре станем близкими родственниками.

Я уж было собралась отправить Дэвиду эсэмэску, как обещала, о том, что возвращаюсь, как вдруг на экране моего смартфона зажглись слова чужого послания. Без подписи, но и без сомнений в том, кто его автор: «До завтра».

Мне бы следовало тут же выбросить мобильник в окно. Или просто-напросто стереть из его памяти эти два слова. Но я не сделала ни того, ни другого. Щеки горели, в висках стучала кровь, а я сидела, уставившись на эти слова, с трудом сдерживая слезы, подступавшие к глазам, водопад слез, накопившихся за долгое время от непонятно какого горя.

Вот так Луи Барле вошел в мою жизнь.

9

6 июня 2009 года

Этим утром Дэвид не пожелал мне доброго утра. Сам, лично, я имею в виду. Он просто прикрепил написанную от руки записочку к своей кредитной карте, кстати – еще одно доказательство его непричастности к истории с дневником, и оставил все это на столике около кровати, чтобы утром, только проснувшись, я улыбнулась и получила заряд бодрости на целый день.

У тебя сегодня собеседование, если не ошибаюсь. Наведи красоту, как ты это умеешь, а главное – как тебе самой нравится.

Я люблю тебя.

Д.

Он был по-прежнему внимателен, расточал участие и любовь ко мне, как делал это на протяжении последних трех месяцев. Но я больше не могла в полной мере наслаждаться знаками его внимания. Во мне что-то сломалось. Чувства не пробуждались в душе так, как раньше. Говорят, любовь длится три года. Но ведь не три месяца!

Накануне вечером, когда я вернулась, Дэвид уже спал сладким сном. Я постаралась как можно тише пробраться на свое место под мягкой пуховой периной в стеганом шелковом пододеяльнике, но не смогла уснуть быстро. Я переворачивалась с одного бока на другой каждый раз, когда какая-либо деталь сегодняшнего кошмарного вечера пронзала память. Я никак не могла успокоиться и подобрать более подходящее определение для моего последнего свидания, и мне не хватало хладнокровия, чтобы как-то иначе представить себе его последствия: все выходило так, что мой будущий деверь решил поймать меня в ловушку – зачем, я пока не догадывалась, но он специально договорился с агентством насчет меня и снял меня на вечер без ведома своего брата. Теперь одно только слово Луи, и все мои планы по поводу будущей счастливой жизни с Дэвидом рухнут в считанные мгновения, рассеются как дым. Прощай, жизнь, о которой я мечтала, прощай, чудесное исцеление Мод... Коварный замысел Луи, гнусный – с одной стороны, с другой – совершенно необъяснимый, мог разрушить все, что мы с Дэвидом так бережно создавали в последние месяцы. Даже эти деньги, которые я считала и пересчитывала на заднем сиденье в такси, настолько грязные, что он побрезговал передать их мне своими холеными руками, они испачкали символ моей любви к его брату: старинные часы, которые я собиралась подарить Дэвиду, теперь вызывали у меня отвращение, я уже не могла относиться к ним, как прежде, отныне они с немым укором напоминали о моем грехе, о постыдной тайне, которая связывала нас обоих, меня и Луи.

Я не могла понять, откуда у человека, которого я до сих пор ни разу не встречала, возникла ко мне столь явная неприязнь. Что плохого я ему сделала? Наверное, он воспринимал меня как хищницу, готовую идти по головам к своей цели, как одну из тех, кто без стыда и совести увивается вокруг состоятельных неженатых мужчин, чтобы присосаться словно пиявка к их семейному состоянию. Внезапно у меня возникла мысль, что Дэвид сам мог попросить брата проверить искренность моих чувств. Он же подвергал испытаниям на преданность, профессионализм и верность делу своих самых близких сотрудников, когда брал их на работу. Но вряд ли Дэвид мог так поступить со мной! Я сама не верила в реальность столь мерзкого предположения... В конце концов, зачем ему это после того, как он сделал мне предложение тем вечером на барже? Человек, способный так изысканно обставить предложение руки и сердца, не станет манипулировать близкими людьми! Это низко

и подло! Он бы не смог, в отличие, кстати, от Луи, способного, насколько я могу судить о нем, на любые происки.

– Ты не спишь? – пробормотал вдруг Дэвид рядом со мной сонным голосом.

Настолько неожиданным для меня стал его простой вопрос, что я чуть не вскрикнула от испуга в кромешной темноте спальни.

Он словно почувствовал, что меня надо как-то утешить, и прижался своим атлетическим торсом к моей спине всем телом, идеально сочетающимся с моим, рука к руке, бедро к бедру. Его спокойное дыхание нежно щекотало мне шею. *«Вам бы следовало использовать заколку для волос вместо шпилек, – нашептывал мне в ухо вкрадчивый голос Луи. – Вам бы пошло».*

Стоило мне вспомнить эти слова, а еще больше – прикосновение тонких пальцев к чувствительной зоне под завязанным на макушке пучком волос, как по телу прокатилась теплая волна, неожиданно заколотилось сердце, внезапный импульс энергии пронизал как током все мое тело, от шеи до поясницы, продолжая самовольное движение ниже, к бедрам, к вспухшим от безудержного желания складочкам нежной кожи между ног. Я инстинктивно напряглась и прижалась попой к Дэвиду, и у него в паху, моментально отозвавшись на мой призыв, очнулось ото сна его мужское достоинство.

– Это в клинике тебя довели до такого состояния? – приглушенно шепнул он, коснувшись губами мочки моего уха.

Я сладострастно прижалась к нему, что совсем на меня не похоже, и томно простонала в ответ:

– Я хочу тебя, возьми меня, прямо сейчас.

– Ты что, хочешь, чтобы я...

– Приди ко мне! – страстно шептала я.

Дэвид не заставил себя долго упрашивать. Освободив из пижамного плена свой напряженный фаллос, он вошел ко мне в лоно безо всяких предварительных ласк, без нежной прелюдии, без лишних слов. В таком положении нельзя ожидать глубокого проникновения, его движения вперед и назад несколько ограничены, зато удобно лежать на боку, и еще одно преимущество такой позы в том, что я могла совершенно свободно рукой ласкать свою мохнатую киску и, раздвинув пальцы буквой V, тереть упругий чувствительный бугорок, набухший между половых губ. Дыхание стало неровным и глубоким, иногда я срывалась на хрип по мере того, как розовый бутон набухал от моих мануальных стараний. Еще не наступил миг, желанный для всех нас, когда дыхание перехватывает и замирает сердце, но время от времени меня начинало трясти с головы до ног. Мне хотелось больше, хотелось сильнее, а главное – как можно дольше. Я бы предпочла, чтобы это не кончалось, и, хорошая новость, все зависело только от меня. От моего умения распределить его ласки там, где нужно. Свободной рукой я нашла руку Дэвида и приложила к своей груди, заставив пощипывать, не стесняясь, мои набухшие соски. Как только его пальцы коснулись розовых пупырышков и стали производить желанные манипуляции, меня словно током пронизало, мышцы спины напряглись, и одновременно напружинились бедра, их согласованное движение было почти болезненным, но очень приятным. Так хотелось, чтобы этот момент продлился подольше, однако откат наступил, как всегда, слишком быстро.

Я теперь уже не припомню, как и когда открыла способ доводить себя до оргазма. Думаю, это случилось в моей девичьей постели, где я спала еще с плюшевыми игрушками, а на стене висел постер «Депеш Мод». С тех пор я почти всегда действую таким же образом: я начинаю с того, что легким движением несколько раз обвожу контур вокруг сосков. Не могу этого объяснить, но мне кажется, все мои эректильные органы как-то связаны

между собой. Стоит мне ладонями потереть себе соски, как тут же просыпается розовый бутончик между ног. Но обычно я не спешу его трогать. Сначала прохожусь по верхним частям тела: груди, шее, затылку... Иногда запускаю пальцы в волосы и опрокидываю их на лицо, пусть струятся нежно и ласково. И только когда начинаю чувствовать, как в промежности мало-помалу становится теплее, опускаю руку вниз и начинаю ласкать пупок, потом ниже, ниже, до кудрявых волосиков на лобке, я играю с ними, обвивая колечки вокруг указательного или среднего пальцев. Другой рукой поглаживаю нежную кожу гениталий, губы. Время от времени я подношу ко рту пальцы, смачиваю их слюной и отправляю вниз капли влаги. Там тем временем разворачиваются важные события: я опускаю все ниже средний и указательный пальцы, раздвоенные в виде буквы V, постепенно подбираясь то с одной, то с другой стороны к небольшому бугорку, спрятанному в мягкой плоти гениталий, который теперь уже достаточно возбужден. С каждым новым движением пальцы все сильнее сжимаются вокруг него, такое впечатление, что он растет прямо на глазах, эта волшебная горошина набирает силу по мере того, как я играю с ней. Продолжая теребить ее туда-сюда, я стараюсь делать это не спеша. Время от времени я сжимаю пальцами клитор изо всех сил, как пинцетом, а потом отпускаю, мне кажется, от этих манипуляций из розового он превращается в пурпурно-красный. Я делаю так несколько раз, и в тот момент, когда блаженство уже у порога, в дело вступает другая рука. Иногда я начинаю с того, что подушечкой указательного пальца нахожу серединку клитора и произвожу легкие вращательные движения, отчего он начинает распространять вокруг себя мощную волну наслаждения. Иногда погружаю средний палец во влагалище и позволяю ему действовать в моем влажном, истомившемся лоне как ему вздумается. От совместного действия моих рук зарождается первая волна наслаждения, мощная и яркая. Она распространяется от клитора и быстро захватывает все нутро внизу живота. Иногда после первой начинается серия раскатистых повторов, как после цунами, зарождаясь где-то в недрах моего тела, эти волны постепенно распространяются в двух противоположенных направлениях: вниз, до самых кончиков пальцев ног, и вверх, заставляя вздыматься грудь от сбившегося дыхания и запрокидывать голову назад. «О! Нет, нет», – как правило, шепчу я сквозь зубы прежде, чем обессиленно перевернуться набок, свернуться калачиком и провалиться в сон. Не то чтобы счастливая, но, по крайней мере, удовлетворенная.

(Написано незнакомым почерком 06/06/2009.)

За исключением постера с «Депеш Мод» все остальное, в принципе, верно. Как он это делает?)

Приободренный тем, что он считал результатом своих усилий, Дэвид вдвое ускорил темп и вскоре излил в меня все накопившееся, невольно издав жалобный крик, больше похожий на болезненный стон. Почувствовав, как внутри моего чрева пульсирует его член, я поняла, что мои усилия вознаграждены, и это вдохновило меня. Так как, с одной стороны, если он уже кончил, Дэвид поспешит освободить мое лоно, с другой стороны, я могла продолжить ласкать освободившееся пространство вагины вдоль и поперек, погружая по очереди то один, то другой палец в уже увлажненное влагалище. Очень скоро механизм сработал, и я почувствовала, как в животе, под пупком, зародилась волна и хлынула на покинутый пляж внизу живота, быстро распространяясь дальше к ногам. Всего одна волна на этот раз.

– Нееееет...

Конечно, это не оргазм века, но все-таки кое-что по сравнению с теми ощущениями, которые я испытывала раньше, доставляя удовольствие самой себе, – так, небольшую радость на скорую руку, с подушкой наедине. В этом смысле мои сексуальные отношения с Дэвидом мало чем отличались от тех, что были с Фредом: чтобы дойти до высшей точки сексуального наслаждения, я могла рассчитывать только на саму себя. Конечно, я надеялась

вести в заблуждение своего любовника, полагая, что мой экстаз он запишет себе в заслугу, но напрасно: мерное посапывание, предвестник более внушительного храпа, уже раздавалось над ухом. Дэвид спал, и я не замедлила к нему присоединиться, утомленная лавиной противоречивых чувств, бушевавших в душе. Мне приснился странный сон: Дэвид Гарчи, талантливый юнец, перевозносимый Луи бог знает за какие заслуги, наряженный в тот же костюмчик, что гигантский пенис у входа в галерею, робко шептал мне на ухо, нахально улыбаясь: «Почему бы тебе не научить его правильно заниматься любовью? А? Чего ты ждешь?»

Волшебная сила безлимитной кредитки Дэвида то ли платинового, то ли черного, то ли еще какого-то привилегированного цвета, которую он одолжил мне в знак полного доверия, возымела свое воздействие. Никак не меньше полдюжины раз воспользовавшись ею следующим утром, я практически позабыла тревоги и мрачные мысли, мучившие меня накануне. Я почти стерла из памяти и Луи Барле, и плоды патологического воображения Дэвида Гарчи, именуемые современным искусством, а также высокопарные разглагольствования на предмет концептуальной идеи сексуального просвещения. Я даже забыла о страшной опасности, которая нависла надо мной в связи с неожиданной встречей с моим будущим деверем. Теперь я слышала только приветливых продавщиц, для моих ушей в тот момент их щебетание звучало как чудесное пение сирен.

– Пожалуйста, мадемуазель, это будет стоить четыреста пятьдесят восемь евро.

– Жилетка, юбка, туфли и дамская сумочка. Все это составит восемьсот двадцать три с половиной евро, мадемуазель. Вот, пожалуйста ...

– Двести шестьдесят семь евро, пожалуйста, в кассу, мадемуазель. У вас есть дисконтная карта нашего магазина?

– О-ля-ля! Вижу, у вас много покупок. Хотите, я вызову такси?

– Пятьсот двадцать один евро с учетом скидки в пятнадцать процентов за покупку на сумму свыше пятисот евро, согласны?

– Вы видели нашу новую коллекцию, мадемуазель? Как раз в вашем стиле!

Что бы мне ни предлагали, я соглашалась на все, не особо задумываясь, с легкостью транжиря направо и налево чужие деньги. За пару часов я обрела манеры модниц, выбравших местом жительства престижный квартал Абес, треугольник жеманства и пустоты, вписанный между тремя популярными улицами – Лепик, Мартир и Труа-Фрер. Солнышко светило ярко, теплый ласковый ветерок окончательно выветрил из моей головы мысли о братьях Барле.

Есть еще одно преимущество, когда в вас видят стоящего клиента, если вы расплачиваетесь не своими деньгами, а снимаете их с кредитной карты некоего месье. Оно заключается в том, что на вас сразу начинают смотреть иными глазами. Теперь я уже не просто пухленькая девица, которой меряют талию сорок восьмого размера с выражением некоторой брезгливости, а солидная дама, что называется, «в теле», вполне на уровне манекенщиц новой волны, которых нынче стараются представить как эталон женской красоты, хотя последние десятилетия только и занимались тем, что насмехались над их роскошными формами.

Вдохновленная этим умозаключением, я перестала комплексовать по поводу своей фигуры и выбирала уже без стеснения и обтягивающие платья, и пышные юбки, и все остальное, что подчеркивало мои формы. Такое богатое женское тело, вполне в духе Буше или Пуссена, нравилось и Дэвиду, любителю классической живописи.

От квартала Абес до пляс Пигаль, оттуда пару шагов вниз по улице Удон и дальше я шла, жуя на ходу сэндвич с фалафелем, жирный и сочный. Я остановилась только перед заведением на бульваре Клиши. Его вывеска, гораздо более вычурная и безвкусная, чем изящ-

ные таблички у входа в модные бутики, которые я только что посетила, представляла собой ярко-красный неоновый силуэт обнаженной девушки. Она игриво подмигивала прохожим, приглашая желающих на сеанс недорогого секса. Мужчины, шагая мимо, задирали головы, некоторые останавливались, а какие-то заходили в салон, сверкающий изнутри зеркалами от пола до потолка.

– Заходи, мадемуазель! Для девчонок тут тоже есть интересненькое! – приглашал меня зазывала с бритым черепом, говоривший на ломаном французском с сильным магрибским акцентом. – Входи-входи!

– Да нет... Я просто должна увидеть подругу, она тут танцует. Ее зовут... – я запнулась, бог знает, под каким именем Соня подрабатывает в таком месте. Мне бы не хотелось раскрывать ее инкогнито.

– Она какая, твоя подружка?

– Брюнетка, длинные вьющиеся волосы, а еще у нее... – я, покраснев, изобразила руками две огромные выпуклости в области груди.

– Ха! Ха! – расхохотался зазывала, обнажив гнилые зубы. – О чем ты говоришь, моя козочка? Они тут все брюнетки и все с огромными сиськами.

– Тогда как мне ее найти? – я постаралась изобразить искреннее замешательство.

Он панибратски положил руку мне на плечо и уверенно подтолкнул внутрь заведения:

– Иди-иди! Пройдешь мимо зеркал, поверни направо в коридорчик. Увидишь дверь, на ней табличка «Служебное помещение». Там – все девочки, твоя подружка наверняка в одной из кабинок.

Я так и сделала, проклиная про себя Соню за то, что она назначила мне свидание по месту своей работы. Я же не знала! Все, что она сообщила о своем новом занятии, сводилось к минимуму: «Знаешь, это такие танцевальные трюки, которые возбуждают мужиков по дороге домой, к любимой женушке». На первый взгляд, ничего непристойного.

Я знала, конечно, что наступили тяжелые времена, и ей, бедняжке, пришлось снизить планку своих притязаний. Но одно дело – быть в курсе бедственного положения подруги и представлять дело со стороны, совсем другое – стать свидетелем ее падения.

Я еле-еле пробиралась вперед по узкому, плохо освещенному проходу, слишком тесному, особенно для того, у кого куча пакетов в обеих руках. Вдоль прохода одна к другой примыкали двери с небольшими окошками в верхней части, через которые пробивался свет. В одном из них я заметила свою подругу, она стояла ко мне спиной в таких узеньких стрингах, что их едва можно было заметить. Я поняла, что это Соня, когда она на какое-то время повернулась ко мне лицом. Я успела заметить, что она сняла сережки-пирсинги, обычно висевшие у нее на пупке. Какие уж тут танцы, подумала я, видя, как Соня похотливо раскачивает бедрами и принимает сладострастные позы. Звучавшая внутри музыка диско, служившая фоном, позволяла ей, плавно меняя позы, представлять свои прелести – пышную грудь, крутые бедра и чувственный рот – перед непроницаемым стеклом, расположенным, судя по всему, на противоположной входу стене малюсенькой комнаты. Время от времени она прикладывала вплотную к этому стеклу, которое, скорее всего, представляло собой зеркало без амальгамы и с другой стороны было прозрачным, то одну, то другую часть чувственного тела. Без всякого сомнения, по ту сторону зеркала в это время какой-нибудь мужик занимался мастурбацией.

Она дала понять, что заметила мое присутствие, и знаком показала, чтобы я подождала пять минут.

Помню, как в другом моем сладком сне я лежу на своей постели, обнаженная, и ласкаю себя. Должно быть, дело происходит летом, так как я чувствую, что от жары на голой коже выступают капельки пота. На мне ничего нет, и, судя по тому, что я без опа-

сений отдаюсь эротическим упражнениям, я уверена, что одна в этом уютном курортном домике.

Мои ноги широко раздвинуты, промежность открыта, я использую свой верный способ: средним и указательным пальцами в виде буквы V массирую губы с обеих сторон от моей набухшей шишечки, средний палец другой руки погружаю внутрь, там уже влажно, там все горит. Несмотря на большое расстояние, я ощущаю легкий аромат жидкости, которая выделяется в моей вагине, и это возбуждает меня еще больше.

По мере того как приближается кульминационный момент, я вдруг отчетливо слышу чьи-то осторожные шаги с другой стороны двери. Старый паркет скрипит под тяжестью того, кто подходит совсем близко к моей комнате и неожиданно замирает на месте. Мне кажется, что я слышу сдержанное прерывистое дыхание того, кто подошел, но не решается теперь показаться. Незнакомец застал меня врасплох? Или он выслеживал меня?

При иных обстоятельствах я бы наспех оделась или прикрылась простыней. Но это сильнее меня. Я продолжаю свои манипуляции, и теперь уже двумя пальцами ворочаю внутри вагины в поисках чувствительных зон, спрятанных в глубине. Я кусаю губы, но наступает момент, когда я больше не могу сдерживать крик. Мои чувства многократно обострены из-за того, что я уверена: этот человек стоит очень близко от меня, замерев от смущения, несомненно, дрожа от собственного возбуждения. Мое дыхание становится хриплым, прерывистым... и у него тоже. Он, наверное, обхватив руками свой член, трясет его что есть мочи в том же ритме, что и я, стараясь сдерживать стоны.

Я просыпаюсь за мгновение до того, как у нас обоих наступает оргазм. Уже в полусне представляю себе, как он торопливо уходит, не обнаружив себя. Я так и не узнаю, кто это был.

(Написано незнакомым почерком 06/06/2009.

Мне никогда не снился такой сон, но, черт возьми, я же видела эту сцену!)

Несколько минут я стояла перед дверью, наблюдая в окошечко, как выглядит кабинка Сони. Вдруг над дверью зажегся и начал мигать красный фонарь, это, видимо, означало, что сеанс подходит к концу.

Десять, девять, восемь...

Соня встала ко мне лицом, ее глаза закрыты, она нагнулась и, оттопырив попу, повернулась к невидимому клиенту. Средним пальцем она освободила влагалище от узкой полоски трусиков и сначала медленно, а потом все быстрее тем же пальцем стала имитировать, как другой орган проникает в нее все глубже, все быстрее.

...семь, шесть, пять...

Это что, входило в контракт? Палец совершал движения вперед-назад все активнее, словно она хотела удовлетворить свое собственное вожделение, а вовсе не похоть клиента.

...четыре, три, два...

Казалось, она испытывала настоящее удовольствие от унижительной процедуры, но мне было больно смотреть на нее в таком дурацком положении. Что за идиотский обман: пара мятых купюр в обмен на воображаемый секс! Соня приоткрыла рот, веки невольно подрагивали, она дошла до оргазма тут, рядом, в шаге от меня, ради бедного парня, опустившегося до такого уровня.

...один, ноль.

Внезапно в комнате погас свет. Я инстинктивно двинулась к выходу, услышав, как за облупленной дверью кабинки Соня набрасывает на себя кое-какую одежду, сброшенную во время сеанса.

... Не прошло, действительно, и пяти минут, как она присоединилась ко мне на улице. Лысый зазывала окинул нас опытным взглядом.

– Если ты скажешь, что тебе понравилось это зрелище, мне без разницы, но если тебе оно не понравилось, я тебе горло перегрызу! – бросила она прежде, чем обнять меня за плечи в дружеском порыве.

Я всегда стеснялась задать Соне вопрос в лоб, но была почти уверена в том, что среди бесконечной череды ее любовников попадались и особы женского пола. Кто они? На кого были похожи?

– Я же ничего еще не сказала! – рассмеялась я.

Прекрасный теплый полдень сиял всеми лучами солнца, приглашая нас на прогулку. До собеседования у меня оставалось добрых два часа, из которых минут тридцать надо было оставить на метро, чтобы добраться до Левалуа-Перре, где располагалась студия. Тяжелые Сонины духи, где цветочный букет смешивался с ароматом пачули, перебивался запахом сочного кебаба, который она уплетала по дороге. Подруга напрасно пыталась делать это аккуратно, примерно с таким же шармом водитель большегруза поглощает свой обед в придорожном кафе. И все равно, проходящие мимо мужики пялились только на нее. Только на нее. И так было всегда. Видимо, они подспудно улавливали излучаемый ею сигнал сексуальной доступности, хотя она и не прикладывала специальных усилий, чтобы дать им об этом знать, скорее всего, она даже не стремилась к этому.

К тому времени, как Соня расправилась с кебабом, мы дошли до площади Абес и расположились за столиком в уличном кафе, потягивая из соломинок холодный «Монако-фреш», ее любимый коктейль. Немного захмелев от капли алкоголя в напиток и от яркого солнца, я рассказала Соне обо всем, что приключилось со мной накануне вечером.

– Да он просто больной! Тебе обязательно нужно все сказать Дэвиду.

– А что я ему скажу? Что его брат минут десять обращался со мной как с принцессой, а все оставшееся время относился как к шлюхе? Но почему? За что? Стоп, не говори! Я сама знаю: потому что я действительно шлюха!

За соседним столиком два молодых бездельника потягивали пиво, высматривая подходящих телок. Услышав мои слова, они с интересом переключили свое внимание на нас.

– Послушай, Эль, он ведь устроил тебе западню за спиной своего брата! Ты не должна позволять так с тобой обращаться!

– Дэвид и так мог знать обо мне многое. Понимаешь, Соня... он готов принять меня такой, какая я есть, и ему наплевать на социальную пропасть между нами. Но он не смог бы поставить крест на этих подробностях моего прошлого. Представь себе только, что будет в прессе! «Дэвид Барле, президент и генеральный директор Группы Барле, берет в жены девушку по вызову».

– Ты не девушка по вызову, черт возьми! Ты – для сопровождения. А это разные вещи.

Пижоны за соседним столиком настойчиво продолжали пялиться на нас и строить нам глазки.

– Да неужели? Попробуй объясни это шакалам из желтой прессы!

Соня отшила угрюмым взглядом назойливых ухажеров, потом перевела на меня глаза и спросила с хитрой улыбкой:

– Уф! Я и не знала... Ты в самом деле сказала «берет в жены»?

– Ах, да, в самом деле, – вздохнула я. – Наконец-то он сделал мне предложение, как раз накануне вчерашнего вечера.

– Но-но! Не хнычь! Один из самых крутых мужиков, едва ли не самый богатый во Франции, собирается надеть колечко тебе на пальчик! Заметь, тебе, а не кому-нибудь! Ты же умница, ты не допустишь, чтобы все рухнуло в последний момент!

В моей сумочке зазвонил телефон, на экране высветились слова эсэмэски:

«Срочное сообщение от НК:

Анабель, вы сегодня свободны? Свидание в театре на Елисейских Полях в 20.30. Клиент заплатит тройной тариф за неудобства в связи со срочным вызовом.

Буду признательна за быстрый ответ».

«Жаль, но не могу, у меня на вечер другие планы».

Я ответила без колебаний, в ту же секунду. Раз Дэвид не знал ничего о моем тесном сотрудничестве с «Ночными Красавицами», то и Ребекку я не стала ставить в известность о моем предстоящем замужестве, принимая в расчет громкое имя моего будущего супруга.

Что же касается клиента, с которым хозяйка пыталась меня свести сегодня вечером, то в этом у меня не было никаких сомнений: Луи Барле. Больше некому! Он же сам мне вчера написал: до завтра!

– В твоей истории есть одно непонятное обстоятельство, – продолжала Соня. – Откуда его брат мог про тебя узнать?

– Сама не знаю. Кажется, Луи постоянный клиент агентства. Видела бы ты девушку, с которой он удалился с выставки! Я бы не удивилась, если так.

– У Ребекки в картотеке сотни девушек. Странно, что ему досталась именно ты!

– Дэвид, вероятно, показывал Луи мою фотку, – неуверенно предположила я. – Он мог узнать меня, листая каталог.

Мобильник опять привлек мое внимание.

«За последний месяц вы трижды отказались от предложений. Вы знаете правило: еще один отказ, и я вычеркиваю вас из картотеки. Подумайте хорошенько».

«Я все обдумала».

«Хорошо. Стоит ли мне напоминать, что у вас на счету небольшой долг, который пока не покрыт вашим доходом за свидания? Вы не можете расторгнуть наш контракт до тех пор, пока не расплатитесь со мной до последнего евро. Я всегда готова пойти навстречу, но у меня не богадельня!»

Уж кто-кто, а я об этом знала! Мой долг – тысяча семьсот пятьдесят пять евро. Моих сбережений сейчас хватило бы с лихвой, чтобы рассчитаться с Ребеккой. Но тогда пришлось бы отказаться от свадебного подарка Дэвиду.

– Что с тобой? – заволновалась Соня.

– Да так... Ребекка мне опять не дает покоя.

– Да пошли ее куда подальше, старую перечницу! – хохотнула Соня. – Стоит тебе попросить у своего миллиардера на карманные расходы, и можешь швырнуть ей в морду все, что ты ей должна. Официант! – и она с презрением швырнула в лицо воображаемому официанту воображаемую пачку денег.

Мой мятежный поступок придал Соне силы, хоть немного облегчил ее рабство, дал возможность чуть-чуть повеселиться.

– Не миллиардер, а всего лишь миллионер, – поправила я ее.

– Какая разница! Все равно у него хватит денег, чтобы уладить твои долги. Перешли мне ее чертовую эсэмэску.

Я послушно взяла мобильник, чтобы переправить угрозы Ребекки на номер Сони, но в ту же минуту с характерным попискиванием телефон известил меня о том, что в непрочитанных есть еще одно сообщение.

– Она никак не уймется, старая кляча! – возмутилась Соня.

– Нет, это не Ребекка... Черт!

То, что я узнала из довольно обстоятельного и весьма любезного сообщения, зацепило меня за живое куда больше, чем меркантильные претензии Ребекки Сибони. В деньгах отныне я вряд ли буду нуждаться, это уж точно! Для меня сей факт означал победу над злой судьбой, от рождения уготовившей мне нищенское существование.

Но признание в профессиональной сфере – такого за деньги не купишь!

– От кого это?

– Собеседование... Его отменили. Они взяли на это место другую девицу. Которая вела метеопрогноз.

– Но она же круглая дура!

– Я знаю... Все знают... Но эта дура строит из себя звезду, ведь она выходит в эфир каждый день, ее мордашка уже примелькалась.

– Хм... Не понимаю, что ты прицепилась к телевидению! Почему тебе так хочется ишачить именно на телемагнатов?! Я уверена, ты бы прекрасно справилась и в печатной прессе.

– Хочу напомнить, что мой жених – один из этих телемагнатов, между прочим, – заметила я сухо.

– ...а я, между прочим, всего лишь пять минут назад узнала о том, что вы собираетесь пожениться.

Ах, милая Соня! Она старалась найти слова, чтобы утешить меня. Конечно, она устала, пока часами трясла бедрами перед непрозрачным зеркалом, скрывавшим лицо клиента, но, несмотря на это, у нее хватило энергии, чтобы поддержать меня в трудную минуту.

– По крайней мере, тебе больше не придется быть *Хотелкой*.

– Кем-кем? – удивилась я.

– Разве Ребекка никогда тебе не рассказывала? Так она называет Ночных Красавиц, которые начинают вечер как девушки для сопровождения, а заканчивают его в номерах гостиницы «Отель де Шарм». Получается комбинация из слов «*hot*»⁵ плюс «*elle*»⁶, а все вместе – «*hotel*»⁷, вот и получились «хотелки». Здорово придумано, правда?

Хотелки – это такие, как Соня. Они возбуждают желания мужчин днем, в своей кабинке, чтобы потом отдаться им вечером.

– Вот уж не знала, что она способна на литературные опусы, – съязвила я.

– И тем не менее. Однако для тебя уже все позади.

Как бы я хотела быть в этом уверена! Было бы здорово, если бы это собеседование позволило мне наконец закрыть дверь номера Жозефины, да и все другие двери «Отеля де Шарм», раз и навсегда. И опять стать просто Анабель. Ни Эль, ни *Ночной Красавицей*, ни уж тем более *Хотелкой*...

– Ты не будешь против, если я позвоню Дэвиду прямо сейчас?

– Нет, разумеется. Давай, звони! Мне уйти?

– Нет, останься!

Я остановила Соню, удержав за смуглую руку. Летом она быстро покрывалась бронзовым загаром, что очень ей шло...

⁵ По-английски – неудержимая, горячая.

⁶ По-французски – она, женщина.

⁷ По-английски и по-французски – гостиница, отель.

– Не слишком ли он прихотлив, этот твой император массмедиа? – спросила подруга вскользя, когда я повесила трубку.

– Днем – никогда. Но вот сейчас... это странно, честное слово... Он хочет, чтобы я зашла к нему в офис.

– Прямо сейчас?

– Да. Он сказал, что ждет меня.

– Наверное, он приготовил тебе небольшую пресс-конференцию: «Анабель Лоран, вы собрались выйти замуж за Дэвида Барле, а вы, между прочим, по вечерам работаете девушкой для сопровождения... Как вы представляете себе совместную жизнь, удастся ли вам преодолеть пропасть, разделяющую ваши два совершенно разных мира?»

– Да ну тебя!

Мы наспех попрощались. Я, нагруженная пакетами с обновками, вскочила в такси и попросила отвезти меня в Порт-де-Севр. До сего дня мне удавалось только издали приблизиться к башне Барле. Сияющий небоскреб вздымался выше всех окружающих зданий вдоль окружного шоссе и вписывался в архитектурный стиль южной части столицы, доминируя в этом ансамбле. Он не соответствовал только личному вкусу Дэвида, отдающему предпочтение старинным зданиям. С близкого расстояния небоскреб казался еще более огромным и холодным, что я сразу почувствовала, как только вошла в помпезный вестибюль.

– Мадемуазель Лоран? – пухленькая блондинка подбежала ко мне сразу, не успевая сделать пару шагов. Видимо, она была предупреждена о моем визите. В ее лице было что-то лошадиное, впечатление усиливала прическа в виде конского хвоста, туго стянутого на затылке. – Меня зовут Хлоя. Месье Барле поручил мне проводить вас к нему в офис. Прошу за мной.

– Хорошо.

– На самом деле, – продолжила она с волнением, будто ее жизнь зависела от этого, – месье Барле попросил отвести вас в зал заседаний, он подойдет туда. В его кабинете сейчас совещание.

– Ну ладно.

Мне показалось, что меня насильно заперли в машинном трюме корабля, где Хлоя была всего лишь маленьким колесиком огромного механизма, от которого зависела его согласованная работа. Пока мы поднимались на лифте и шли до стеклянной двери зала заседаний, где она предложила мне подождать, она раз десять посмотрела на часы.

– Не хотите ли кофе? Чаю? Воды? Сока?

– Нет-нет, спасибо, не хочется.

– Хорошо. Месье Барле будет здесь буквально через... – решающий контрольный взгляд на ручные часы, – три минуты. Максимум через четыре.

– Замечательно, – я с трудом сдержалась, чтобы не рассмеяться.

Но, поразмыслив, поняла, что тут нет ничего смешного, ведь жизнь, где каждая встреча рассчитана с точностью до секунды, для бедной девушки – обычное дело, и не только для нее, но и для человека, с которым я собираюсь жить.

Я устроилась в красном кожаном кресле на колесиках, совершенно новом, в стиле хайтек, как и все в зале, и взяла со стола какой-то экономический журнал. Вдруг я заметила чью-то тень за стеклянной перегородкой. Характерный смешанный запах ванили с лавандой достиг моего носа прежде, чем я успела его узнать. Только я подняла глаза от журнала, как в дверном проеме раздался голос:

– Эль! Собственной персоной! Какая честь для нас!

Обеими руками опираясь на трость, вошел Луи Барле и устремил на меня свой острый взгляд. На брате Дэвида был достаточно узкий, но, несмотря на это, очень элегантный, как и накануне вечером, модный костюм. У меня перехватило дыхание, видок у меня был, навер-

ное, как у дохлой рыбы, или еще хуже, так как сухая любезная улыбка Луи стала просто приветливой, и он стер с лица выражение высокомерного пренебрежения, взглянув на меня по-доброму, с интересом, как в первые минуты нашего знакомства.

Но могла ли я доверять его доброму расположению? А вдруг он выследил меня, не сумев добиться моего согласия на свидание через Ребекку?

Я решительно направилась Луи навстречу и встала так близко, что ему не удалось бы избежать объяснений.

– Что вы здесь делаете?

– Что я здесь делаю?

Казалось, его забавляет, даже веселит нелепость ситуации.

Его появление, еще более неуместное, чем накануне вечером в галерее, взбесило меня. А он держал себя в руках, более того, он был настолько уверен в себе, словно каждой клеточкой тела осознавал свое абсолютно законное право быть здесь, в этом месте в данную минуту.

– Думаю, я достаточно ясно выразилась, отказавшись вам отвечать. Я занята сегодняшним вечером, как, впрочем, и все следующие вечера.

– Да, я все понял с первого раза.

По крайней мере, Луи признавал тот факт, что именно он стоял за этим приглашением. Я была вне себя от негодования, готовая вцепиться ему в глотку или вырвать из рук трость и ударить его по больной ноге.

– Ну... ну, объясните, зачем вы меня преследуете?

– Я вас не преследую, даю слово!

– Вы лжете! – возмущалась я, с трудом сдерживая гнев.

– Да успокойтесь! Хлоя сказала мне, что вы...

– О! Так вы оба тут!

Радостный голос Дэвида подавил мой накал. Я почти успокоилась, когда он вошел и осторожно обнял меня.

– Значит, представления уже не нужны. Ну и славно!

Для Дэвида все всегда было «славно» или «просто замечательно». Если он не употреблял одно из этих восторженных определений, значит, ситуация ему казалась посредственной или даже ужасной. Но в данный момент Дэвид искренне был рад видеть нас вместе.

Луи не разделял его восторга, он ловил мой взгляд.

– Да, пожалуй, что так.

– Ну вот, перед тобой – мой страшный и ужасный родственник, – положив руку на плечо старшего брата, Дэвид продолжал шутить: – Он же, по совместительству, директор по коммуникациям группы Барле.

– Директор группы? – растерянно пробормотала я.

– Да, единственной, которая у нас есть... и, похоже, самой успешной.

Луи крайне раздражало веселое настроение Дэвида, что бросалось в глаза, но при этом в присутствии младшего брата он был сдержан. Его скромное поведение сильно отличалось от развязных и самоуверенных манер, которые он демонстрировал накануне. Уважение слушающего по отношению к начальнику, разумеется. Или комплексы старшего по возрасту к своему преуспевающему младшему брату.

Генеральный директор обратился к первому заместителю вполне деловым тоном:

– А теперь мне нужно поговорить с Анабель с глазу на глаз, если не возражаешь.

– Разумеется.

Луи церемонно поклонился, бросил на меня непроницаемый взгляд и наконец удалился, растворившись в глубине коридора. Его долговязый прихрамывающий силуэт благо-

даря особенностям освещения еще какое-то время отражался в больших стеклянных панелях.

У Луи Барле мускулистая, упругая задница. Тонкая ткань брюк превосходно облегает ее, подчеркивая идеальную выпуклую форму. Такую попку хочется ущипнуть, потискать, может быть, укусить или даже...

(Написано незнакомым почерком 06/06/2009.

Без комментариев!)

– Дорогая!

– Да?

– Присядь, прошу тебя.

Я послушно опустилась на край кресла и очутилась лицом к лицу с Дэвидом. В такой позиции мне оставалось только смиренно выслушать его, как и подобает покорной супруге.

– Я подумал об этой истории с твоим собеседованием и...

– Давай больше не будем об этом говорить.

– Нет, будем... Это надо обсудить. Я поговорил сегодня с Люком Доре, директором ВТВ. Он давно уже хотел вставить в вечернюю сетку вещания какую-нибудь передачу о культуре. Прайм-тайм по четвергам у нас зависает, мы теряем аудиторию. До сих пор я с ним не соглашался, но теперь готов дать ему зеленый свет.

Прайм-тайм, аудитория, зеленый свет – когда он так говорил, его работа казалась мне простой и веселой, как партия в подкидного. В этой игре Дэвид, кстати, всегда выигрывал, разумеется.

– Ну и что? – я сделала вид, что не догадываюсь, какой козырь он прячет в рукаве.

Дэвид взял меня за руку.

– А вот что, мадемуазель Лоран... Мне бы следовало сказать, мадам Барле... Имею удовольствие вам сообщить, что через несколько недель в эфир выходит новая передача на канале ВТВ под названием «Новости культурной жизни», и вы будете ее ведущей.

– Ты шутишь?

– Вовсе нет! Я достал кое-какие пробные записи, сделанные в Высшей школе журналистики, и показал их Луи. Ему понравилось.

– Но, Дэвид... Я никогда в жизни не работала в прямом эфире!

– Ну и что! Сделаешь, как девяносто девять процентов ведущих на телевидении: научишься по ходу.

Он отпустил мою руку и встал, словно по команде своей секретарши Хлои, в обязанности которой, по всей вероятности, входило следить за его расписанием.

– Название передачи, конечно, предварительное, если тебе не нравится, можешь придумать другое. А теперь мне придется тебя оставить, я и так уже на две минуты опаздываю. Мы вечером поговорим об этом дома.

Мой будущий супруг в очередной раз перевернул всю мою жизнь так, как я даже не смела и мечтать. А мой начальник только что оставил меня в одиночестве, даже не попрощавшись.

К несчастью для меня, то был один и тот же мужчина.

10

Никогда раньше электричка в Нантерр не казалась мне такой уютной, а путь из Парижа в пригород – таким коротким. Я позабыла все свои тревоги: и злонамеренные козни Луи, и не менее беспокоящие меня письма от моего анонимного мучителя. Кажется, я даже пару раз зачем-то глупо улыбнулась соседу напротив. Мне хотелось, чтобы мое блаженно-счастливое состояние перешло к другим пассажирам и каждый мог бы продолжить свой путь, закутавшись в облачко личного счастья. Впрочем, наверное, это было уж слишком...

За окнами вечерняя заря окрасила серые пригороды в ласковые оптимистические цвета, и даже мое захолустье показалось мне очаровательным.

У меня было такое прекрасное настроение, что я не зашла в комиссариат, хотя всю неделю собиралась это сделать, я даже забыла заскочить в булочную, чтобы купить маме сладости. Предложение Дэвида стерло из памяти все мои страхи, все опасения.

– Ничего, – сказала Мод, встречая меня у порога в своем стареньком халатике. – Я сделала мясное рагу по бабушкиному рецепту.

По ее виду нельзя было определить ни возраста, ни происхождения, но болезнь уже наложила свою печать: постоянно серый, нездоровый цвет лица, морщины, которые с каждым днем, казалось, становились все глубже, тяжелая поступь и медлительность в каждом движении...

Поначалу я испытывала угрызения совести, безуспешно стараясь скрыть свою радость перед ней. Я взялась помешивать рагу, наслаждаясь пленительным ароматом лаврового листа и муската, щекоtaвшим мне ноздри. Словно разделяя мое настроение, Фелисите, мурлыкая, терлась об мои ноги.

Я постаралась свести к минимуму рассказ о возможностях, открывшихся передо мной благодаря великодушному поступку Дэвида, но мама прекрасно знала мое положение и потому смогла оценить его по достоинству:

– Это замечательно, дорогая! Просто здорово...

Она прижалась к моей спине и обняла меня своими слабыми руками, такими слабыми, что мне почудилось, она обхватила меня, чтобы не упасть. Продолжая помешивать мясо, не отрывая глаз от густой кипящей подливки, я другой рукой ласково обняла ее.

– Да, конечно, но...

– ...но?

– Мне неловко, что он делает это для меня.

– Почему?

– Ну, ты ведь понимаешь, мне же всего двадцать три года, я только что окончила университет, и тут вдруг – моя собственная передача, в вечерний прайм-тайм, на одном из самых популярных каналов во Франции. Ты только представь себе, как на меня будут смотреть, как оценивать, что подумают?

– Что кому-то иногда везет? – улыбнулась она, понимая, что ее предположение, по крайней мере, наивно.

– Нет, что кого-то проталкивают. И, поверь, если я не буду безупречна, меня заклюют!

Она прижалась щекой к моей спине, как делают дети, и сказала изменившимся от болезни и дрогнувшим от чувств голосом:

– Но ты будешь безупречной, Эль. Это точно!

– Ах, мама... – вздохнула я. – Хорошо бы, конечно, но, поверь, такого рода протекция, особенно в этой среде, обходится очень дорого. Вообрази, как озлобятся люди, когда подружка патрона ни с того ни с сего появится в эфире: зрители, комментаторы, критики, я

уж не говорю о тех ведущих, которых из-за меня отодвинули в сторону. Я ведь сама от этого столько раз страдала.

Я вспомнила об эсэмэске с отказом в собеседовании, полученной несколько часов назад, но тут же выкинула это из головы. На близком расстоянии я чувствовала простой аромат розовой воды, постоянно сопровождающий маму. Он обычно оказывал на меня успокаивающее воздействие, но сейчас смешивался с запахом готовящегося мяса.

– Что касается меня, я не думаю, что это удача или счастливое стечение обстоятельств, – сказала она со всей твердостью, на которую еще была способна. – Если с тобой такое случилось, будь уверена, ты это заслужила.

– Хм...

– Ты говорила, что этому Люку, как там его, понравились твои работы?

– Да, по крайней мере, со слов Дэвида. Но у меня такое впечатление, что он просто хотел польстить своему патрону.

Мне же не случайно показалось, что мой жених был не в своей тарелке сегодня.

– Похоже, ты не слишком уважительно относишься к своему молодому человеку, – заявила она, стараясь, правда, произнести эти слова как можно мягче.

– К кому? К Дэвиду?

– Ты могла бы проявлять больше доверия к его мнению. В конце концов, ты же сама сказала, что он руководит крупным телеканалом. Если он считает тебя достаточно компетентной, чтобы вести передачу в эфире, не вижу причин не верить ему.

Я, онемев от неожиданного упрека, смотрела на маму вытаращенными глазами, потом перевела взгляд в глубину гостиной, где через полуоткрытую дверь виднелся старинный буфет, весь уставленный моими фотографиями, которые Мод собирала с особой тщательностью. Там как в мемориальном музее были собраны моменты моих детских мини-побед, школьных памятных событий, вплоть до дня, когда я закончила бакалавриат, и самое последнее фото – я в объятиях Сони с дипломом об окончании университета в руках.

– Так случается, дорогая. Это нормально, что у тебя есть сомнения, – опять начала она, взяв мои руки в свои, такие тонкие и легкие. – Но в том, что касается ответственности, а она лежит на его плечах, Дэвид не может позволить себе сомневаться. И он выбрал именно тебя.

Мама всегда находила нужные слова, слова утешения, слова, которые все объясняли. Как всегда в тех случаях, когда я настойчиво требовала отцовского тепла, его присутствия в своей жизни, но при этом единственное, что могла использовать в качестве моральной поддержки, – это старую выцветшую фотографию, на которой он держал на руках меня, толстогощего пухленького младенца. Фото датировалось временем исчезновения отца: конец 1987 года. Ричард Родригес, испанец по происхождению, прораб на стройке, за которого мама вышла замуж уже на склоне лет, может быть, от отчаяния. Он уехал в Квебек руководить каким-то строительным объектом якобы на несколько недель, но потом так и не вернулся. Призрак, фантом.

– Спасибо, мамочка...

Я обняла ее, прижала к себе, чтобы согреть своим теплом.

– Ой! Какая же я глупая! Я чуть не забыла про самое главное! – Я сжала ее потеплевшие, тонкие, как у подростка, руки.

– Что такое?

– Подожди...

Я побежала в прихожую, сняла с вешалки свою сумку, вынула оттуда продолговатый конверт и вернулась к ней, размахивая им в воздухе. Мод округлившимися глазами с удивлением смотрела на меня:

– Что это? Что?

– Пляши! – весело командовала я. – Это – твой годовой пропуск в Диснейленд.

– Что-о-о?

Она не знала, что выбрать: рассмеяться или отругать меня за плохое поведение. Я сделала вид, что наношу ей удары как шпагой этим листочком бумаги.

– Да нет же, нет! Это – наши билеты в Лос-Анджелес! Секретарша Дэвида мне передала их только сегодня!

– Билеты?..

– В Лос-Анджелес, мама... Тебе нужно поправить здоровье. Прямо скажем, здесь тебе ничего не светит.

Если я не перегибала палку, ей нравилось, когда я обращалась с ней запросто, так, как принято у нас между сверстниками.

– Ты бы видела выражение лица мадам Чаппиус, когда я ей сказала, что собираюсь этим летом поехать в Соединенные Штаты!

– Спорим, она тебе не поверила.

– Она решила, что я в самом деле свихнулась! Она сказала: «Ну ладно, посмотрим. Америка, так Америка...»

– Ты ей отправишь оттуда открытку!

– Ты тоже черкнешь пару строк! Она с ума сойдет от зависти, старая карга!

Мама схватила конверт и вытащила из него прямоугольник из жесткой бумаги, где были прописаны цифры, даты, какие-то коды. Пробежав его глазами, она спросила:

– Мы улетаем двадцатого июня?

Через два дня после моей свадьбы, подумала я. Эту информацию, столь важную для меня, я пока не решалась сообщить маме, я не могла поделиться с ней своим счастьем в то время, когда ее собственная жизнь была под вопросом.

Моя свадьба... даже для меня она пока не казалась реальной настолько, чтобы завести об этом разговор в своем окружении. Дэвид в те редкие минуты, когда мы были вдвоем, больше не вспоминал о ней, словно, получив мое согласие, посчитал, что дело решено и все последующее уже не имеет никакого значения, являясь лишь скучной формальностью. Организацией свадьбы занимался Арман, без лишнего шума, но так, чтобы все наилучшим образом устроилось к тому моменту, когда наступит долгожданный день. Он любезно взял на себя решение всех вопросов (рассылка уведомительных писем и приглашений, выбор цветов, составление меню праздничного обеда и прочее). Я только издалека слышала эхо подготовительной суеты. Что касается Сони, которая всегда совала нос во все подробности, то она, казалось, стеснялась расспрашивать меня о свадьбе, хотя та уже была не за горами. Зависть? Или обида, что я не сразу позвала ее быть моим свидетелем?

– Да, мы улетаем двадцатого. А что? У тебя на этот день другие планы? – спросила я как бы между прочим.

– А когда ты приступаешь к своей новой работе?

– В общем-то через три дня, во вторник. Девятого.

Она закрыла конверт, взяла мои руки в свои и посмотрела на меня решительно и серьезно:

– Я полечу одна.

– Ни за что! – возмутилась я.

– Ты не можешь лететь со мной. Ты только что приступишь к новой работе на телеканале.

– Но, мама, самолет вылетает в субботу. Какие проблемы?

– Будь благоразумной! Ты не можешь слетать на другой край земли и вернуться за выходные. И потом, для тебя это очень важно! Ты не можешь, только что устроившись, тут же взять отпуск.

– Но ведь это Дэвид резервировал билеты. А он, между прочим, мой начальник. Мама, если бы он считал, что так делать нельзя, он бы сказал. Или выбрал бы другую дату.

Хоть болезнь и ослабила ее, она все же оставалась моей матерью и могла заставить меня слушаться одним словом, одним взглядом.

– Нет, и еще раз нет... Ты остаешься здесь, доченька. Я полечу одна. Я смогу совершить перелет. Ты не думай, я справлюсь.

Она произнесла эти слова твердым и уверенным тоном, не пытаясь драматизировать события.

– Я переживаю не только по поводу перелета...

– Постой, не ты ли говорила, что клиника, куда ты меня отправляешь, самая замечательная на свете и что с того момента, как я прибуду в аэропорт, ко мне направят медсестру, которая будет заботиться обо мне?

– Да, я... – вздохнула я, виновато потупив глаза. – Это действительно замечательная клиника, она входит в топ лучших в мире. Там лечится и обследуется весь Голливуд, все сливки общества, даже, по крайней мере, два президента Соединенных Штатов проходили в ней курс лечения.

– И что? Ты думаешь, со мной там может случиться что-нибудь плохое?

Нет, конечно. Единственное, что могло с ней случиться, это – исцеление. Увы, в клинике Макса Фурестье в Нантерре, как бы врачи ни старались поставить маму на ноги, надежда на чудо угасала с каждым днем.

– В любом случае не мне тебе напоминать, как это бывает: если ты счастлива, то и мне хорошо. Если мне хорошо, то и ты...

Она не закончила фразу, скорее всего, боялась сплзнуть. Ей не хотелось заглядывать далеко в свое будущее, она предпочитала теперь мечтать о моем, отныне более радужном. Ну и я не стала настаивать, предпочитая отложить продолжение серьезного разговора на потом.

Рагу, судя по пряному аромату, наполнившему кухню, можно было подавать на стол. Мне показалось, что аппетит у мамы стал гораздо лучше, чем накануне. У меня словно камень с души упал, когда я увидела, с каким удовольствием она поглощает мягкое сочное мясо.

– Ты смотрела сегодня свою корреспонденцию?

Я еще не успела заявить на почте об изменении места жительства.

– Нет, а что? Разве есть что-нибудь особенное?

– Да нет, все как обычно – счета, реклама, проспекты... Ах нет, вспомнила...

Она вдруг неожиданно проворно поднялась и засемила к круглому столику в прихожей.

– Тебе пришло странное приглашение.

– Почему «странное»?

Мой вопрос, как и вилка с кусочком мяса, зависли в воздухе.

– Потому что тут нет адреса на конверте, только твое имя.

Иначе говоря, белый конверт положили в почтовый ящик, минуя почту. Тот, кто взял на себя труд привезти письмо сюда, очевидно, точно знал не только о том, что моя почта приходит на мамин адрес, но и то, что я бываю здесь регулярно. Этот неизвестный так же сведущ, как и анонимный автор записок из дневника, мелькнула у меня мысль.

Я не ждала ни от кого писем. Если бы Дэвид хотел сделать подобный сюрприз, он ни за что не стал бы присылать писем сюда.

Вернувшись к столу, Мод протянула мне конверт. Я едва на него взглянула, как внутри все похолодело. Я застыла, сжимая в руках бумажный треугольник.

– Что-то не так? – удивилась мама.

– Да нет, все нормально...

Такую бумагу серебристого цвета с блестками выбирают обычно для праздничных уведомлений о свадьбе или рождении ребенка, а также пишут на ней приглашения на вернисаж или премьеру в театре.

Самое ужасное – я узнала тот тип бумаги, что и в моем дневнике «сто-раз-на-дню», как называла его Соня. Можно ли поверить в простое совпадение? Этот цвет и фактура встречаются довольно редко.

– Так ты его не прочтешь?

Конверт не был заклеен, значит, любой мог его открыть и ознакомиться с содержимым письма до меня. Даже не представляя, о чем там могла идти речь, я содрогнулась от ужаса от одной только мысли о том, что его могли уже прочитать.

Я заглянула в конверт. Внутри сразу бросилась в глаза пластиковая магнитная карта для открывания двери гостиничного номера. Прочитав на одной стороне логотип слишком хорошо известного мне заведения, я чуть не хлопнулась в обморок: *гостиница «Отель де Шарм»*.

Так, значит, об этом ему тоже известно...

Поскольку ни одна из комнат гостиницы не имела номера, узнать, к какой именно принадлежит магнитный ключ, не представлялось возможным. Когда прошел первый шок, то первая мысль, пришедшая мне в голову, состояла в том, что без этой информации ключ бесполезен, им нельзя воспользоваться.

Я уже много раз занималась сексом в этой гостинице, но ни разу пока не испытывала оргазм. Так что я пока еще не расплатилась с таинственными призраками плотских утех, блуждающими под этой крышей. Ну и что из того?

(Написано незнакомым почерком 07/06/2009)

Что он может об этом знать? Он что, все время держит свечку у моей киски, чтобы так рассуждать? Какое ему дело до того, что я чувствую, а что – нет!)

К обратной стороне письма была приложена записочка на розовой бумаге. Я испытала некоторое разочарование, обнаружив, что она написана совсем другим почерком, чем таинственное послание, адресованное моему телу.

*Дорогая Зэль,
Сегодня вечером, в десять часов.
Не опаздывайте!
Не берите с собой мобильный телефон.*

Этот почерк мне показался более ровным, спокойным и правильным, чем тот, другой. Этот точно принадлежал человеку уравновешенному, хладнокровному, а тот, первый, свидетельствовал о характере импульсивном, тревожном, пресыщенном жизнью.

– Что, плохие новости? – мама встревожилась, увидев, что я побледнела.

Кроме письма и записки в конверте находился еще лист плотной белой глянцевої бумаги. Изучив его, я поняла, в чем дело, и смогла ответить маме, почти ничего не придумывая:

– Да нет... Но ты права, это действительно приглашение.

Белый картон содержал слова, напечатанные типографским способом. Всего одна фраза – ровно посередине чистого листа, неотвратимая, как гром после молнии:

1 – ТЫ СВОЕ ПОЛЮБИШЬ ТЕЛО.

Я не могла не обратить внимания на аналогию этой формулировки с текстом десяти заповедей. Когда-то, во время учебы в университете, я посещала семинарские занятия, где мы изучали литературные формы, используемые в Библии: проповеди, притчи, псалмы, а также Скрижали Завета, данные Моисею Богом.

– Приглашение? И куда же?

Мод свято соблюдала мое право на личную жизнь и старалась не вмешиваться, если видела, что мне это неприятно. Такая позиция мне позволила до сих пор откладывать ее знакомство с Дэвидом, хотя она и сторала от любопытства.

– На... костюмированный бал.

– Да что ты? Это же здорово! Твоя школа организует такое мероприятие?

Мне пришлось импровизировать на ходу:

– Да, директор лицея живет здесь неподалеку. Наверное, он решил, что мне будет приятно, если он вручит приглашение мне лично.

– Не похоже, что ты обрадовалась, – заметила она как бы между прочим, наливая себе полстакана красного вина.

– Ты же знаешь, эти шумные праздники... мне никогда не нравились.

– Иди-иди! Хоть немного развлечешься.

Если уж собственная мать мне советует...

В этот раз мне более или менее было ясно имя отправителя. Кто же, если не Луи Барле, мог пригласить меня в номер известной гостиницы ради услуги, которую он уже оплатил? Но что больше всего поразило меня, так это то, что он мог оказаться тем самым анонимом, который несколько недель подряд истязал меня скабрёзными посланиями. Итак, он – тот самый человек, подкинувший мне дневник. Тот самый извращенец, который вбил себе в голову, что обязан заниматься моим половым просвещением. «Кто его заставляет писать мне свои дурацкие письма?» – этим вопросом я задавалась тогда, на вернисаже, стоя с ним лицом к лицу. Теперь я знаю ответ...

В какой-то момент я вспомнила сцену, произошедшую в этот же день чуть раньше, когда мы с Дэвидом и Луи разговаривали в зале для заседаний, расположенном на самой верхушке башни Барле. Их башни. Видя вместе братьев Барле, я не могла отделаться от странного чувства, не то чтобы неприятного, скорее, я ощущала некую противоестественность в том, что вижу их вместе, кто-то из них был лишним в этом зале, но я не могла определить, кто именно. Словно, стоя рядом, они предоставляли возможность ярче обнаружить то, что их отличало друг от друга. Я вспомнила руки обоих братьев – рука Дэвида, зажатая у запястья в белый шелковый манжет, и рука Луи, утонченная, с татуировкой в виде какого-то текста, который мне пока не дали увидеть целиком.

Эта загадка так и осталась неразгаданной, так как неожиданный звонок у калитки отвлек меня от этих мыслей. Я не успела оглянуться, как мама проскользнула к окну, привлеченная назойливым перезвоном, действовавшим ей и мне на нервы.

– Это Фред, – лаконично сообщила она.

– Что ему надо?

– Он хотел забрать свои вещи из твоей комнаты.

– Так он предупреждал, что придет?

– Ну, да... Он сказал, что как-нибудь зайдет вечером.

Мой бывший ничего не предпринимал до того момента, когда мог быть уверен, что встретится здесь со мной. Фред позвонил опять, казалось, он теряет терпение.

– Спускайся в погреб, – шепнула мама.

– Что?

– Спускайся в погреб, говорю. Он не будет тебя там искать.

– Я не собираюсь прятаться. Я больше его не люблю, вот и все...

– Тебе сейчас только скандала не хватает, – устало выдохнула она.

Но Фред не стал дожидаться приглашения, открыл калитку и подошел к дому. Его тень маячила за стеклом входной двери, в трех метрах от нас.

– Анабель!

– Спускайся скорее! – шептала мне мама.

– Анабель, я видел, что ты дома. Открой!

– Прекрати, мама, это смешно!

Теперь он дубасил кулаком прямо по стеклу.

– Открой, сука! Это я!

Мама металась, охваченная паникой и гневом.

– Ты меня еще помнишь? Я тот парень, которого ты отшвырнула как дерьмо!

Увидев, что я потянулась к ручке двери, мама шлепнула меня по руке:

– Анабель! Я запрещаю тебе открывать! Он же пьян!

Действительно, ругательства, изыгрываемые хриплым, грубым голосом, не оставляли сомнений: Фред явно был не в себе.

– Мне надо поговорить с тобой... – он немного смягчил тон. – Дай мне пять минут, Эль. А потом я оставлю тебя навсегда, живи как хочешь! Пять минут, всего пять... Эль...

– Фредерик, она не хочет с тобой разговаривать.

Вмешательство больной женщины поставило его в тупик, он почти уgomонился и сказал примирительным тоном:

– Мне жаль, Мод... Я не хотел вас напугать. Просто я хочу, чтобы Анабель мне сама сказала это в глаза.

– Что она должна тебе сказать, сукин сын?

– Что все кончено...

– Я сама могу тебе это сказать: все кончено! – надтреснутым голосом еле выговорила она, исчерпав свои силы. – И хорошо, что кончено!

Несколько минут тишины стали ей ответом, но потом, переварив сказанное, он возмутился вновь:

– Почему вы так говорите?

– Потому что это – правда. У нее есть другой. И получше.

Я умоляла ее взглядом ничего не рассказывать дальше.

– И кто же это?

Пока она изводила оцепеневшего и распластанного по матовому стеклу парня рассказами о Дэвиде, о моей состоявшейся карьере, о моем новом доме, похожем на дворец, о счастье, которое, само собой разумеется, меня ожидает, но с другим, мои мысли где-то блуждали и, в конце концов, вернулись... к конверту с приглашением.

Неожиданное появление Фреда помешало мне сразу насторожиться и почувствовать, что конверт гораздо тяжелее, чем можно было бы ожидать. Я перерыла все содержимое, вытащила оттуда все бумаги и нашла на самом дне большой, с зазубринами, ключ, гладко отполированный от времени и долгого использования. Ничто не говорило о том, что именно этим ключом можно было открыть. Непонятно также, чего от меня ожидали сегодняшним вечером. Странной казалась также ошибка в моем имени: Зэль.

Однако теперь я была полна решимости, как парень с той стороны двери был полон отчаяния, что должна ответить на приглашение и пойти на встречу. Но как? Ускользнуть незаметно не было никакой возможности.

11

Во время моей учебы в университете один наш преподаватель на занятиях по журналистике утверждал, что любое высказывание несет в себе истину, даже вранье. Поэтому интересно попробовать хоть раз в своей жизни обнаружить залегающий в глубине пласт истины, соскоблив налет банальных слов, составляющих фразу, то есть понять, что именно стоит за словами, в чем истинный смысл написанного.

— Когда видишь немножко больше, чем написано, начинаешь читать между строк, вникать в суть, — вещал он с кафедры, закручивая кончики своих усов а ля генерал Дуракин. — Слова набирают страшную силу. Они *являются* тем, что вы ощущаете. Они становятся *вашими* чувствами, сливаются с вами воедино.

По правде говоря, я никак не могла сформулировать причину того, что весь сегодняшний вечер заставляло меня дрожать как в лихорадке. Может, в желудке завелись лягушки? Или кошки скребут на душе? Или мурашки по спине бегают? А скорее всего, вся эта живность в одночасье одолела меня, и от этого нашествия темных сил мне было не по себе.

Фред, ворча себе под нос, наконец убрался восвояси, пообещав, однако, вернуться, чтобы переговорить со мной с глазу на глаз. После его ухода я стрелой помчалась на электричку, прихватив с собой серебристый конверт, а также его старшего брата — блокнот с отрывными страничками.

Я удобно устроилась в полупустом вагоне, тогда как в противоположном направлении переполненные поезда везли из столицы в пригород усталых жителей окраин. Мобильная связь работала отвратительно, мне пришлось сделать несколько попыток, чтобы дозвониться Ребекке. В конце концов, уговаривала я саму себя, — именно она навела старшего Барле на меня. Потом я стала названивать непосредственно Луи на его рабочий телефон. Бред какой-то! Наверное, я сошла с ума! Фелисите, кстати, осуждала меня неодобрительным мурлыканьем, свернувшись калачиком в своей переноске.

У Ребекки я попала на автоответчик. На телефоне Луи неприветливая секретарша сухим голосом сообщила, что ее начальник уже ушел с работы.

— Не могли бы вы дать мне номер его мобильного телефона?

— Нет, к сожалению, я не уполномочена соединять его с кем-либо, — сухо, но корректно отказала она.

— Послушайте, я прекрасно понимаю, что вы по долгу службы охраняете его частную жизнь, но меня только что пригласил на работу сам Дэвид Барле. Если не верите, можете спросить у Хлои.

— Что вы! Я не сомневаюсь в ваших словах, но я не уполномочена...

— Ладно! — разозлилась я, прервав ее заученный речитатив. — Я поняла. Но я хочу сказать, что...

Подружка ее начальника? Его будущая жена? Как переубедить ее и при этом не хвататься, не задирать нос перед девушкой, которая, вполне возможно, так же, как и я, живет где-нибудь в захолустье, на окраине столицы?

Тем не менее я заявила:

— ...ведущая новой программы в прайм-тайм по ВТV.

...не будучи уверена, что эта версия не окажется худшей из всех.

— Но я ничего не могу сделать, — тоскливо пролепетала она, терзаемая, возможно, страхом потерять работу и... опасениями восстановить против себя начальника своего начальника. — Мне, честное слово, очень жаль!

Поезд въехал в туннель, соединяющий район Дефанс с собственно Парижем, и наш разговор, полный драматизма, на этом прервался. Мне захотелось поделиться своими проблемами с Соней, но связь так и не появилась.

На каждой станции я отмечала, что уверенности во мне становится все меньше и меньше. Если я поеду в «Отель де Шарм», то признаю тем самым, что подчиняюсь правилам порочной игры, навязанной мне Луи Барле с момента нашей первой встречи. Даже, пожалуй, еще раньше, лихорадочно думала я, сообразив, что первые непристойные записки от него стали приходить еще до того, как я встретила с Дэвидом. Но если я его отвергну, вполне вероятно, он возьмет и расскажет Дэвиду все, что знает обо мне. Да еще этот дневник, который я постоянно ношу с собой, содержащий записи интимных отношений вплоть до мельчайших деталей, причем написанные от первого лица. Получается, раз уж он при мне, значит, я и есть его настоящий владелец и автор того, что там написано.

Иначе говоря, если сначала затеянная им игра смахивала больше на шантаж, то теперь к ней прибавился штрих, о котором несколько дней назад я и не догадывалась, а именно – любопытство. Именно это я увидела в загадочном послании от Луи, почувствовав в его призыве едва заметный оттенок досады и негодования.

– Добрый вечер, мадемуазель. Дэвид просил меня предупредить вас о том, что сегодня вечером он не придет к ужину.

Свет горел только в окнах первого этажа особняка Дюшенуа, излучая характерную для старинной постройки спокойную тишину. Арман стоял на ступенях парадного подъезда с кухонным полотенцем в руках, всем своим видом показывая, что его застали врасплох в неподходящий момент, когда он был занят приготовлением пищи.

– А, ну ладно...

Я очень расстроилась, потому что вправе была рассчитывать, что мой друг лично предупредит меня об этом, однако потом, увидев три неотвеченных вызова на своем мобильнике, поняла, что он и пытался, но помехи со связью не дали ему такой возможности.

Наконец я позволила Фелисите выбраться из переноски, перехватив суровый взгляд старого слуги. Кошка неспешно и осторожно сделала первые шаги по мраморной плитке, не отрывая носа от пола. Она приняла обстановка, конечно, тут же учуяв следы Синуса и Косинуса.

– Встреча с корейскими партнерами, скорее всего, затянется надолго, он советовал вам не ждать его.

– Понимаю. А не перекусить ли нам чего-нибудь? – спросила я, словно Арман был моей подружкой, заглянувшей в гости поболтать.

– Это предусмотрено. Если вы голодны, пройдемте на кухню, там все готово.

– Я не просто голодна, я *умираю* от голода.

Конечно, это была ложь. Наш с мамой ранний ужин все еще лежал грузом в желудке, и идея второго ужина не слишком меня вдохновляла. Но я подумала, что веселое настроение в данный момент, пусть даже напускное, – это единственное спасение от раздражавших меня мрачных мыслей. Зато мне не пришлось огорчаться из-за своей хитрости, когда я обнаружила под металлическими колпаками наши две тарелки с еще дымящимся блюдом.

– Тигровая креветка Гамбас в соусе с шампанским, – торжественно объявил Арман.

Этот рецепт дал ему шеф-повар из ресторана «Ле Дивелек»! Я не верила своим глазам, глупо улыбаясь, как маленькая девочка в рождественское утро. Как это мило с его стороны, как душевно и искренне!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.